

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет

В. П. Шахеров

ГОРОДА СИБИРИ

в дореформенный период

Учебное пособие

УДК 9(571.1/.5)(-21)(075.8)
ББК Т(2Р5)-22я73
ШЗ1

Печатается по решению
ученого совета исторического факультета ИГУ

**Издание выходит в рамках Программы
стратегического развития ФГБОУ ВПО «ИГУ»
на 2012–2016 гг., тема № Р121-МИ-001**

Ответственный редактор
д-р ист. наук, проф. *Ю. М. Гончаров*

Рецензенты:
д-р ист. наук, проф. *Б. С. Шостакович*
д-р ист. наук, проф. *А. В. Шалак*

Шахеров В. П.

ШЗ1

Города Сибири в дореформенный период : учеб.
пособие / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ,
2013. – 185 с.

ISBN 978-5-9624-0818-7

В учебном пособии рассматриваются актуальные вопросы сибирского городоведения: формирование и типологические особенности городов Сибири дореформенного периода, размещение, численность и состав городского населения, демографические процессы, экономика городов, управление и общественная жизнь, городское хозяйство и архитектура, вопросы формирования культурной среды.

Предназначено для студентов очного и заочного отделений исторического факультета Иркутского государственного университета, аспирантов и преподавателей истории.

УДК 9(571.1/.5)(-21)(075.8)
ББК Т(2Р5)-22я73

ISBN 978-5-9624-0818-7

© Шахеров В. П., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Тема 1. Изучение сибирского дореформенного города	7
Тема 2. Становление городского законодательства России в XVII–XVIII вв.	15
Тема 3. Формирование городских поселений Сибири	21
Тема 4. Численность и социальный состав городского населения	31
Тема 5. Управление сибирским дореформенным городом	43
Тема 6. Городской рынок Сибири	60
Тема 7. Промыслы и промышленность сибирских городов	72
Тема 8. Застройка и архитектура городов Сибири	83
Тема 9. Культурная среда сибирского города	93
Тема 10. Общественная жизнь и инициативы горожан ..	112
 Заключение	 126
Примерный перечень тем рефератов и курсовых работ ..	130
Приложение 1. Наказ в Уложенную комиссию от жителей г. Иркутска	131
Приложение 2. Грамота на права и выгоды городам Российской империи	146

Предисловие

В истории человечества особая роль отводится процессу урбанизации, который в свою очередь поднимает массу проблем экономического, социально-политического, географического, экологического и градостроительного порядка. Для их успешного решения необходимо не только изучение современной ситуации, но и обращение к историческому прошлому городов. Именно с городами связаны наиболее важные достижения мировой цивилизации. Они выступают важнейшими центрами концентрации материальных, людских, интеллектуальных ресурсов общества. Особый научный интерес представляет рассмотрение региональных особенностей формирования городской среды, поскольку процессы урбанизации на различных территориях Сибири в силу причин географического, исторического, социально-экономического характера протекали неоднозначно.

Становление городского поселения представляло собой сложный социально-экономический и культурно-поведенческий процесс. Превращение любого поселения в город тесно связано с формированием в нем городской среды, включающей в себя не только экономическую составляющую, градостроительный образ и природный ландшафт, но демографические и ментальные характеристики городского общества. Понятие «городская среда» многомерно и включает в себя несколько уровней, как визуальных, так и умозрительных. На умозрительном уровне городская среда проявляется в том, что называют душой, характером, «конкретной индивидуальностью» города. На жизненную среду города, которая складывалась исторически, влияли особенности природного ландшафта, общественные связи, образ жизни населения. Совместными усилиями всего городского социума формировался «как пейзаж города, так и самый уклад жизни, присущий ему». Таким образом, городская среда приобретает самостоятельный и саморегулирующий характер, организует креативное пространство городского сообщества, служит одним из источников его дальнейшего развития. Следует отметить,

что эта характеристика дополняет сложившееся в литературе понимание города как многофункционального организма. Функциональность городов позволяет определить их внешние характеристики, роль и место в урбанизационном пространстве страны, степень воздействия на сельскую округу. Однако эта характеристика ничего не говорит об уровне и степени развития самого города и городского общества, о внутренних процессах формирования городского образа жизни. Понятие «городская среда» в этом плане является более многомерной и содержательной характеристикой.

Выбор студентами специализации по истории России дореволюционного периода предполагает самостоятельный выбор того круга тем и направлений, которые соответствуют научному интересу, выбранной проблематике, и получение более углубленных знаний, возможность самостоятельного научного исследования. В этой связи предлагаемый курс «Сибирский город в дореформенный период» позволяет существенно дополнить, уточнить, проявить исследовательские навыки в таких основополагающих направлениях отечественной истории, как генезис капитализма в России, социально-экономическая и политическая сущность абсолютизма, общее и особенное в развитии России и ее сибирских окраин, формирование и развитие городской среды. В курсе отмечается тесная связь становления и развития городов Сибири с общероссийским историческим процессом. История сибирского города рассматривается в неразрывном контексте с историей всей страны в целом. Несмотря на то что Сибирь с момента ее вхождения в состав русского государства была составной его частью, политически, административно, экономически и социокультурно связанной с метрополией, ее специфика, география, ментальность оказывали заметное влияние на особенности региональной урбанистики. Сибирь являлась своеобразным транзитным мостом между Россией и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, выступая перед ними как представитель промышленно развитой державы. С точки зрения геополитической и цивилизационной, Сибирь была тем пространством, которое придавало России статус евро-азиатской державы. В характере развития сибирских городов, особенно расположенных вдоль южной ее границы, проявлялось заметное влияние культуры Востока (Средней

Азии, Монголии, Китая). Эти моменты также необходимо донести до студентов, определяя роль и место региона в российском государственном пространстве.

Занятия в спецкурсе позволяют ближе познакомиться с источниками: законодательными актами, описаниями и обзорами губерний, записками современников. Основные из них представлены в списке литературы. Непременным условием для изучения темы спецкурса является усвоение разделов общего курса истории России и истории Сибири соответствующих периодов, посвященных генезису капитализма, социально-экономической характеристики России и Сибири, роли городов. Эти курсы предшествуют специализации и должны стать той базой, на основе которой возможно изучение настоящей темы.

Настоящий спецкурс предполагает самостоятельную работу над выбранной темой сообщения, поиск литературы, обобщение материала. Студенты, проявившие интерес к данной тематике, могут взять в качестве дипломной работы одну из тем предлагаемого курса. Самостоятельная работа предполагает прежде всего углубленное изучение источниковой базы и новейшей литературы, знакомство с современными теоретическими аспектами сибирской урбанистики. Наряду с этим самостоятельная работа должна способствовать формированию представлений студентов об общности исторических судеб России и Сибири, расширению общеисторического кругозора студентов, формированию потребности в пополнении знаний о родном крае, его историко-культурном наследии, совершенствованию культуры мышления, способности в письменной и устной форме донести результаты своего труда до аудитории.

ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОГО ДОРЕФОРМЕННОГО ГОРОДА

Изучение проблем, связанных с формированием и деятельностью городов Сибири в дореформенный период, их ролью в экономическом и социокультурном развитии, является одной из важнейших задач исторической науки. Говоря в целом о состоянии историографии городов дореформенной России, следует констатировать, что, несмотря на довольно обширную литературу, многие аспекты изучены крайне слабо. Среди них такие важнейшие методологические и конкретно-исторические проблемы, как определение и сущность позднефеодального города, основные факторы горообразование процесса, типология городов и их функции, экономика города и его роль в становлении и развитии всероссийского рынка и др. Еще в меньшей степени изучены особенности формирования городской среды сибирского дореформенного города. Далеко не все аспекты истории городов Сибири подняты даже в постановочном плане. Явно недостаточно обобщающих работ.

В дореволюционной историографии научному изучению городов дореформенной Сибири уделялось слишком мало внимания. Большинство авторов ограничивались общими очерками отдельных городов, отличающимися описательностью, отсутствием научного анализа и серьезных обобщений. Впервые комплексное изучение исторического прошлого Сибири было предпринято П. А. Словцовым. В его труде «Историческое обозрение Сибири» была представлена широкая панорама социально-экономической жизни края в XVII – начале XIX в. В отличие от официальных историографов он смог разглядеть в экономике Сибири ростки новых рыночных отношений, которые посчитал «похвальным направлением к составлению частных богатств». Определенный интерес представляли статьи и очерки местных чиновников А. П. Степанова, Н. В. Семивского, П. Н. Корнилова, М. М. Геденштрома, А. Мартоса, И. Линка, в работах которых содер-

жались интересные наблюдения о развитии сибирских городов. Различные стороны городской жизни затрагивались в очерках представителей сибирского купечества П. П. Баснина, Н. О. Трапезникова, А. М. Курбатова, И. А. Носкова и др.

Событием в историографии XIX в. стало издание капитального труда известного экономиста и статистика Ю. А. Гагемейстера «Статистическое обозрение Сибири». Ценной составляющей его трехтомного исследования является значительное количество статистических данных, показывающих динамику роста городского населения, а также изменения в социальном составе горожан. Заметный вклад в изучение сибирского города XIX в. внесли представители областничества. Они признавали роль городских поселений как основной фактор развития сибирской общественности и культуры. Ряд ярких характеристик городской жизни Сибири, особенностей ее экономического развития, роли предпринимательских кругов в общественной и культурной жизни был представлен в работах видных деятелей сибирского областничества Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, С. С. Шашкова, П. М. Головачева. «Города в Сибири, — писал Г. Н. Потанин, — это точки на общественном теле Сибири, которыми она воспринимает лучи света, идущие с Запада: в Сибири, вследствие отсутствия земских учреждений, деревня живет без интеллигенции. Поэтому вся умственная и культурная жизнь в Сибири ограничивается городами, в деревнях же сплошная умственная пустыня»¹.

Во второй половине XIX в. появились капитальные работы российских историков и юристов (И. И. Дитятина, А. А. Кизеветтера, Л. О. Плошинского и др.), посвященные различным проблемам правового положения городов и городских жителей России. Господствующим направлением в официальной историографии российского города становится государственная школа. Ее представители абсолютизировали роль государства в появлении и развитии городов. В их понимании город представлял собой искусственную конструкцию, созданную только для реализации административных функций. Из сибирских авторов можно отметить

¹ Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 234.

труды В. В. Вагина, П. М. Головачева и ряд капитальных исследований, посвященных Иркутску. Отдельные аспекты экономического и социокультурного состояния городов Восточной Сибири были представлены в статьях и очерках краеведов Н. С. Щукина, А. М. Серебренникова, В. В. Птицына и др.

В советской историографии вплоть до 1950-х гг. изучение городской среды не было определяющим исследовательским направлением. Лишь в 1920-х гг. на некоторое время проявилось внимание к социальным и культурологическим проблемам российского города. В работах И. М. Гревса, Н. П. Анциферова и Н. К. Пиксанова были заложены методологические принципы изучения города в качестве целостного объекта исследования, в отличие от уже набирающего силу отраслевого подхода, который разрывал единое социокультурное пространство города на отдельные «независимые» составляющие. Эти взгляды оказали существенное влияние на «историческую провинцию», в том числе на сибирских краеведов и исследователей. Во многом под воздействием школы Гревса сформировались взгляды М. А. Азадовского на сибирскую культуру и литературу.

С появлением работ Ф. А. Кудрявцева, В. Н. Шерстобоева, Е. П. Силина, а на общероссийском уровне монографии П. Г. Рындзюнского «Городское гражданство дореформенной России» обозначился новый подход в изучении сибирского города как административно-экономического центра сельской округи. П. Г. Рындзюнский одним из первых определил город как социально-экономическую категорию «во всей ее полноте», включающую общественно-правовую, идеологическую и культурную сферы. Наиболее серьезная попытка комплексно проанализировать развитие сибирского города в динамике была предпринята в многотомной «Истории Сибири», ставшей важным этапом развития сибирской исторической науки. Во втором томе, посвященном дореформенному периоду, проблемы городов Сибири были выделены в самостоятельные разделы, которые подводили своеобразный итог проделанной работе и намечали новые ориентиры. Закономерным итогом роста интереса к проблемам сибирской урбанизации стало оформление региональных научных центров сначала в Новосибирске, а с 1990-х гг. в Барнауле и Омске.

В связи с новыми приоритетами современного общества усилилось внимание историков к проблемам развития рыночного хозяйства, истории купечества и предпринимательства в целом, местного общественного самоуправления, роли общественных институтов и церкви в формировании городской духовности и культуры. В последние десятилетия значительный вклад в изучение различных аспектов российского городоведения внесли исследования Б. Н. Миронова, Л. В. Кошман, А. И. Куприянова. В монографии «Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие» Б. Н. Мионов представил свою классификацию городских поселений на основе многофункциональности проявления городской жизни. Большой интерес представляет его попытка определить в исторической динамике уровень развития городской жизни России в дореформенный период, показать системность городской сети, которая, по мнению автора, содействовала превращению большинства городских поселений в торгово-промышленные центры и объединению их в рамках единого национального рынка. Дальнейшее развитие отмеченная тематика получила в его двухтомном фундаментальном труде «Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)».

Заметным вкладом в изучение сибирского города стало появление работ Д. Я. Резуна, Г. Ф. Быкони, Ю. М. Гончарова, В. А. Скубневского, В. П. Бойко. А. Р. Ивонин в монографии «Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования)» впервые в сибирской историографии предпринял комплексное изучение городских поселений Западной Сибири. Современное сибирское городоведение невозможно представить без работ и активной организационной деятельности Д. Я. Резуна. В центре его исследований находились проблемы горообразование, развития предпринимательства и купечества, таможенные книги сибирских городов и ярмарочная торговля. Многие его материалы впервые ставили проблему и намечали пути ее решения. Значительный вклад в изучение исторической урбанистики Сибири дореформенного периода внесли исследователи С. В. Евдокимова, В. П. Шахеров, А. Р. Артемьев, а на более позднем материале Т. В. Паликова. В монографии В. П. Шахерова «Эко-

номика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири)» была впервые предпринята попытка проанализировать городскую экономику в контексте формирования городской среды и становления рыночных отношений. Исследование Т. В. Паликовой «Города Забайкалья второй половины XIX – начала XX в. (социальное, экономическое, культурное развитие)» интересно как первая попытка комплексно представить городскую среду Забайкалья, сосредоточив внимание на структуре и особенностях городского экономического и социокультурного развития.

Наибольшие результаты достигнуты в изучении различных сторон социально-экономического развития сибирского города. Эти вопросы затрагивались как в исследованиях, посвященных отдельным городам Сибири, так и в работах обобщающего характера. В поле зрения историков попадали вопросы развития сибирской промышленности и ремесла, становления рыночных отношений и формирования крупного капитала, в меньшей степени изучалось воздействие экономических связей на население городов, общественные и социальные процессы. Изучением городского рынка Сибири занимались В. П. Шпалтаков, В. П. Шахеров, В. Н. Разгон, Т. К. Щеглова. Наибольший интерес исследователей привлекла ярмарочная торговля. В ее изучении наметилась тенденция от узкого регионального подхода к обобщению этого явления. Наиболее заметным исследованием стал труд Д. Я. Резуна и О. Н. Бесединой «Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. ». В ряде работ А. Н. Хохлова, Н. Е. Единарховой, А. В. Старцева, В. П. Шахерова поднимались вопросы влияния кяхтинского торгового дела на развитие производительных сил Сибири и формирование крупного капитала. Ценные наблюдения о предпринимательстве и предпринимателях Восточной Сибири представлены в работах и диссертационных исследованиях Е. В. Комлевой, В. П. Шахерова, Е. Г. Швеца, И. А. Щукиной, Н. И. Гавриловой, Л. В. Кальминой и О. Э. Мишаковой. Целый ряд исследователей обратился к изучению отдельных купеческих родов Сибири. Уникальным явлением не только сибирской, но и российской урбанистики стало издание «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», главным инициатором и редактором которой стал

Д. Я. Резун. В ряде сибирских регионов появились свои купеческие энциклопедии.

С социальными вопросами тесно связана проблема управления и самоуправления сибирского города. Впервые эти сюжеты были поставлены в многотомной «Истории Сибири» и исследованиях Л. С. Рафиенко и В. В. Рабцевич, посвященных месту сибирского города в дореформенной системе управления. На региональном материале Байкальской Сибири проблема городского самоуправления рассматривалась в работах С. В. Евдокимовой и В. П. Шахерова, а также в коллективном труде по истории Иркутской городской думы «Городское самоуправление в Иркутске: от Екатерины Великой до Дмитрия Медведева».

Несмотря на сравнительно большой объем литературы, посвященной социокультурным аспектам позднефеодального города, говорить о позитивных сдвигах в изучении данной проблемы достаточно сложно. Прежде всего, необходимо констатировать почти полное отсутствие обобщающих работ. До сих пор сохраняет научный интерес изданное еще в начале 1970-х гг. комплексное исследование А. Н. Копылова «Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. ». Своеобразным центром изучения городской культуры в последнее время стал Омск, где появилось несколько серьезных исследований, посвященных культурному развитию городов Западной Сибири.

В начале XXI в. время историков все более привлекают вопросы бытовой культуры, повседневной жизни горожан, особенностей менталитета городского населения. Одной из первых работ подобного типа стало исследование Ю. М. Гончарова «Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.)». Несомненным достоинством работы, кроме постановки проблемы, является привлечение широкого круга источников из семейных архивов горожан, а также стремление связать микроисторический уровень городской жизни с макроисторическими процессами, влияющими на развитие городской среды. Еще одной интересной работой подобного направления стала монография Е. А. Дегальцевой «Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. », впервые в отечественной историографии предпринявшей попытку изучения спе-

цифики повседневной жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XIX в.

Особое место в ряду сибирских городов особое место принадлежит малым городам. Изучение их позволяет более детально представить процессы горообразования, формирование и эволюцию основных функций сибирского города, взаимосвязи с сельской округой, центром которой они являлись. В сибирской историографии к этим сюжетам на региональном уровне обращались Д. Я. Резун и В. П. Шахеров. Но наиболее значительный вклад в изучение данной темы внесло исследование О. А. Тяпкиной, предпринявшей попытку комплексного анализа социально-экономического развития малых городов Западной Сибири как особой категории городских поселений.

Проблемы освоения фронтирных сибирских окраин привлекали внимание зарубежных исследователей, прежде всего англо-американской школы. Наибольший интерес у них вызвала история присоединения и колонизации Сибири, проблемы взаимоотношений пришлого и коренного населения, история хозяйственного освоения и управления краем, а также проникновение русских в Тихоокеанский регион и Северную Америку. Вопросам хозяйственного освоения Сибири и Русской Америки были посвящены работы Ф. Голдера, Р. Фишера, Р. Пирса, Дж. Гибсона, Л. Блек и др. В целом, история хозяйственного освоения Сибири, особенно развитие городов и городской среды, слабо изучены зарубежной историографией.

Таким образом, в отечественной и зарубежной исторической науке в последние десятилетия достигнуты определенные успехи в изучении городской среды Сибири, что позволило сформировать историографическую базу и наметить перспективные направления и аспекты для дальнейших исследований. В тоже время проблема формирования городской среды Сибири в целом, и ее отдельных территорий, несмотря на определенные результаты, еще не стала приоритетным научным направлением. Многие аспекты социальной, экономической и культурной жизни и быта городов Байкальской Сибири требуют освещения или переосмысления, а сама тема далеко не исчерпана и до сих пор не получила комплексного научного отображения.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 1

1. Областники о сибирском дореформенном городе.
2. Материалы о сибирских городах в трудах П. А.Словцова.
3. История Иркутска в работах П. М. Головачева.
4. Изучение городской культуры в работах историков 1920-х гг.
5. Проблемы сибирской урбанизации в работах Д. Я. Резуна.
6. Дайте характеристику основным современным центрам сибирского городского поселения.

Литература к теме 1

1. Вилков О. Н. Сибирский город конца XVI – первой четверти XVIII в. в современной русской историографии // Историографии городов Сибири конца XVI – начала XX в. – Новосибирск : Наука, 1984. С. 6–35.
2. Горюшкин Л. М. Историография Сибири дооктябрьского периода / Л. М. Горюшкин, Н. А. Миненко. – Новосибирск : Наука, 1984. – 320 с.
3. Мирзоев В. Г. Историография Сибири (домарксистский период) / В. Г. Мирзоев. – М. : Мысль, 1970. – 391 с.
4. Шахеров В. П. Сибирский позднефеодальный город в современной исторической литературе // Сибирский город XVIII – начала XX веков. – Иркутск, 1998. – Вып. 1. – С. 10–25.

Тема 2

СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В XVII–XVIII ВВ.

Российские города до начала XVIII в. не имели четко го правового определения и устройства. Яркими примерами развития общественного городского самоуправления могут служить лишь Новгород и Псков, бывшие центрами боярских республик. Основным представительным органом власти в этих городах было вече – народное собрание. Новгородцы и псковичи выработали на тот период наиболее стабильную форму полномочного народного собрания. Вече устанавливало приговоры по управлению, договоры с князьями и с иностранными землями, объявляло войны, заключало мир, призывало князей, делало распоряжения о сборе войска и охране страны, определяло торговые права и качество монеты, устанавливало правила и законы. Таким образом, вече совмещало законодательные и судебные функции, особенно в делах, касающихся нарушения общественных прав. Несмотря на некоторые черты демократического устройства, реальная власть в этих городах принадлежала небольшой группе крупных бояр-землевладельцев и богатейших купцов. В результате объединения земель вокруг Москвы и создания централизованного Российского государства местное самоуправление в Новгороде и Пскове было постепенно ликвидировано.

По мере развития российских городов и возрастания их роли в хозяйственной жизни страны посадское население требовало ограничить произвол и злоупотребления воеводской власти и расширения функций своих представителей в управлении городом. Наиболее отчетливо эти призывы зазвучали в XVII в. Уже в событиях Смуты начала века проявилась ведущая роль крупных городов страны – Нижнего Новгорода, Ярославля, Москвы и др. Неслучайно одним из лидеров народного ополчения, избавившего страну от поля-

ков, стал нижегородский староста Кузьма Минин. Весьма грозным предостережением для трона стала череда городских восстаний середины XVII в. Зажиточная часть посада выступала неформальным лидером городского сообщества и стремилась к расширению своих прав. Первой попыткой придания юридического статуса посадским людям как сословию феодального общества стало Соборное уложение 1649 г. В соответствии с ним были упразднены остатки феодальных владений в городах – «белые слободы», а все податное городское население закреплялось за тем городом, в котором имело недвижимость и проживало.

Следующим этапом в развитие городского законодательства в России стали городские реформы Петра I. В основу расширения прав городских жителей по управлению городами и созданию соответствующих органов самоуправления были положены западноевропейские образцы. Одним из примеров стало Магдебургское право. Оно сложилось в XIII в. в немецком городе Магдебург как феодальное городское право, согласно которому экономическая деятельность, имущественные права, общественно-политическая жизнь и сословное состояние горожан регулировались собственной системой юридических норм, что соответствовало роли городов как центров производства и денежно-товарного обмена. Кроме германских государств эти правовые нормы действовали на территории Польши, Литвы, Украины и Белоруссии. Жители городов, которые получили Магдебургское право, освобождались от феодальных повинностей, от суда и власти воевод, старост и других государственных чиновников. На основе Магдебургского права в городе создавался выборный орган самоуправления – магистрат. Магдебургское право явилось юридическим закреплением успехов горожан в борьбе с феодалами за самостоятельность. Оно предоставляло городу право на самоуправление и собственный суд, право земельной собственности и освобождение от большей части феодальных повинностей.

Началу петровских реформ в области развития городского самоуправления положило учреждение в 1699 г. бурмистрской палаты в Москве и земских изб в городах. Состав их был выборный. Избы собирали доходы и заведовали повинностями, лежавшими на «купецких и промышленных

людях». В 1718—1724 гг. земские избы были заменены магистратами. На магистраты были возложены в основном судебные и административно-финансовые функции. Кроме того, на магистраты предполагалось возложить наблюдение за внутренним порядком и благоустройством в городе, однако в действительности это осуществлено не было. Главным из прав, предоставленных магистратам, было право раскладки податей и повинностей, осуществляемое через старост и старшин с согласия всех граждан. Права самообложения и самостоятельного расходования собранных сумм магистраты не получили. Все действия городских властей осуществлялись под контролем центральной и местной власти. Фактически значение выборов сводилось к тому, что население должно было поставлять для правительства из своей среды исполнительных агентов и ручаться за них. Окончательная вертикаль городского самоуправления сложилась после введения на правах самостоятельной коллегии Главного магистрата в 1720 г. Однако жесткая централизация всего городского управления затрудняло его реализацию на местах. Поэтому в 1727 г. Главный магистрат был упразднен. На некоторое время был восстановлен вновь в 1743—1782 гг., но уже как контора Главного магистрата в Москве, в основном занимавшаяся чисто судебными вопросами. Окончательно ликвидирован был при Екатерине II в связи с подготовкой новой городской реформы.

Очередные изменения в области земского и городского управления были предприняты Екатериной II. Необходимость реформы была обусловлена многочисленными злоупотреблениями местной администрации и широко распространившимся недовольством населения существующей системой управления. В основу реформы были положены указы от городов Российской империи, поступившие в Уложенную Комиссию. В результате ее деятельности были разработаны законодательные акты, определившие и закрепившие отдельные принципы местного самоуправления на территории Российской империи. Губернская реформа 1775 г. усилила власть губернаторов и, разукрупнив территории, упрочила положение административного аппарата на местах. С той же целью создавались специальные полицейские, карательные органы и преобразовывалась судебная система. В результате

судебных реформ для горожан низшей судебной инстанцией стали городские магистраты, члены которых избирались на три года. Апелляционной инстанцией для городских магистратов были губернские магистраты, состоявшие из двух председателей и заседателей, избираемых из состава горожан. Основным документом, создавшим необходимую правовую базу для развития самоуправления городов, стала Жалованная грамота городам 1785 г. Грамота закрепила признание города как особой организованной территорией со своей административной системой управления и единым сословным статусом населения городов, независимо от профессионального занятия и рода деятельности. Городским жителям, как и дворянству, было предоставлено право корпоративной организации. Горожане могли собираться на собрания и избирать руководителей городских дум на три года, а также старост и судей словесных судов сроком на один год. За городским обществом признавались права юридического лица и право формирования собственного бюджета.

В 1786 г. в Москве и Петербурге, а затем и в остальных городах империи были созданы городские думы. К компетенции городских дум относилось: обеспечение в городе тишины, согласия и благочиния, разрешение внутрисословных споров, наблюдение за городским строительством и хозяйством. В отличие от ратуш и магистратов, в ведение городской думы не были включены судебные дела – их решали специальные судебные органы. Основой самоуправления было собрание «общества градского». В самоуправлении могли участвовать все члены «общества», но право голоса и пассивное избирательное право имели только достигшие 25-летнего возраста и обладавшие капиталом, проценты с которого приносили доход не менее 50 рублей. В компетенцию этого собрания входило: выборы городского головы, бургомистров и ратманов, заседателей губернского магистрата и совестного суда, старост и депутатов для составления городской обывательской книги; представление губернатору своих соображений о нуждах города; издание постановлений; подготовка ответов на предложения губернатора; исключение из «общества градского» граждан, опороченных по суду. Общее собрание граждан избирало общую городскую думу, а последняя в свою очередь шестигласную, которая непосред-

ственно осуществляло всю текущую работу. В состав шестигласной думы входили городской голова и шесть гласных — по одному от каждого разряда «общества градского». Жалованная грамота выделяла «настоящих городских обывателей», то есть всех имевших в городах недвижимость; купечество всех трех гильдий; цеховых ремесленников; иногородних купцов и иностранцев. К пятой категории относились именитые граждане — крупные предприниматели с капиталом свыше 50 тыс. руб. и люди свободных профессий (ученые, художники, писатели и т. п.). Шестую категорию образовывали посадские — «старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе».

Шестигласная дума была не только исполнительным органом при общей думе. Разница между шестигласной и общей думами состояла лишь в том, что последняя собиралась для рассмотрения более сложных вопросов, а первая — для всedневногo ведения текущих дел. Хотя изначально предусматривался сложный многопалатный состав городской думы, отражающий интересы различных сословий, в большинстве уездных городов вскоре было введено упрощенное самоуправление: собрание всех членов городского общества с небольшим выборным советом из представителей разных групп городского населения для выполнения текущих дел. В небольших городских поселениях все самоуправление было преимущественно представлено в лице городских старост.

Новое Городовое положение отменила сословный характер городской власти, заменив его буржуазным принципом имущественного ценза. Фактически новая городская дума осталась в руках крупного капитала. Наибольшую заинтересованность в выборах проявляли купцы и домовладельцы. В руках первостатейного купечества неизменно находилась должность городского головы, да и среди гласных почти половина принадлежала к третьему сословию. Большинство решений думы, прежде всего по финансовым вопросам, проводилось, как и прежде, в интересах торгово-промышленных кругов. По Городовому положению 1870 г., вместо существующих с 1785 г. сословных городских ратуш вводились бессословные городские думы — распорядительные органы и го-

родские управы – исполнительные органы, избираемые через каждые 4 года.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 2

1. Становление городского законодательства в Западной Сибири.
2. Дайте характеристику Макдебургскому праву.
3. Городские реформы Петра I.
4. Структура городского самоуправления России по Жалованной грамоте городам.
5. Сибирский город в системе реформ М. М. Сперанского.

Литература к теме 2

1. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960. – 396 с.
2. Рафиенко Л. С. Проблемы истории управления и культуры Сибири XVIII–XIX вв.: Избранное / Л. С. Рафиенко. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – 304 с.
3. Тарловская В. Р. Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. – М : Изд-во МГУ, 1991. – С. 98–118.

Источники

1. Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. / под ред. А. Д. Горского. – М. : Высш. шк., 1988. – 319 с.
2. Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 5. Социальный и сословный строй России во второй половине XVIII в. / под ред. А. Д. Горского. – М. : Высш. шк., 1989. – 352 с.
3. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма / отв. ред. Е. И. Индова. – М. : Юрид. лит., 1987. – С. 68–129.

ФОРМИРОВАНИЕ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СИБИРИ

Основная часть городских поселений Сибири появилась в процессе открытия и присоединения зауральских территорий в конце XVI–XVII в. Многие из них возникали вначале как ясячные зимовья или остроги, выполнявшие чисто военно-административные задачи. Превращение таких поселений в города свидетельствовало об умело выбранном месте и благоприятных экономических и транспортных условиях их развития. Первые сибирские города и остроги представляли собой сложное техническое сооружение, выполненное в лучших традициях русского градостроительного искусства.

Сибирское градостроительство прошло несколько этапов в своем развитии, и в рамках каждого из них в соответствии с новыми задачами освоения края менялись типы и виды сибирских городов, методы и приемы колонизации. Первый этап начинается со строительства Тюмени в 1586 г. и заканчивается основанием Томска, ставшим основной базой для дальнейшего продвижения России на восток. В условиях продолжавшегося противостояния со степными южносибирскими народами российские власти старались строить достаточно мощные крепостные сооружения, способные отстоять российские претензии на новые земли. Появление в этот период хорошо укрепленных городов и острогов Тобольска (1587), Березова и Пелыма (1593), Тары и Сургута (1594), Нарыма (1595), Кетска (1596), Верхотурья (1598), Мангазеи и Туринска (1600–1601) и, наконец, Томска (1604) закрепляло новые сибирские земли за Россией и усиливало контроль за основными торговыми путями, как северными морскими, так сухопутными от Верхотурья в Сибирь.

Новый этап градостроительства начинается с выходом русских землепроходцев в бассейн Енисея и Лены. В это время появляются Кузнецкий и Маковский остроги (1618), определявшие путь на Енисей через Маковский волок, Ени-

сейский (1619), Красноярский, Рыбинский (1628) на Енисее, а также сеть ангаро-ленских острожков: Киренский, Илимский, Братский и Усть-Кутский (1631), а также Якутский острог (1632), ставший основной базой колонизации всего северо-востока Сибири. На плечи Кузнецка и Красноярска легла задача дальнейшего продвижения в Южную Сибирь, из Енисейска и Якутска осуществлялось проникновение в Забайкалье и Приамурье.

С 1640-х гг. начинается продвижение в Приангарье и Забайкалье и далее в Приамурье. В этот период появляются Балаганский и Албазинский (1654), Иргенский (1657), Нерчинский и Телембитский (1658), Иркутский (1661), Селенгинский (1665) и Верхнеудинский (1666) остроги. Всего за вторую половину XVII в. в Сибири было основано более 80 городов, острогов и слобод. Однако только 19 из них были центрами самостоятельных уездов.

В делопроизводстве XVII в. термины «город», «острог» и «слобода» имели разное значение. Официальное название «город» получали те населенные пункты, которые были административными центрами больших регионов, как, например, Тобольск, Томск, Енисейск, Якутск, или же центрами значительных уездов, имеющих важное оборонное или торгово-хозяйственное значение: Березов, Верхотурье, Тара, Мангазея и т. д. Их городской статус утверждался царскими указами, во главе их находились воеводы, назначаемые из Москвы. Города имели также свой герб и печать. Большинство острогов также имели подведомственную территорию, состоящую из сельских населенных пунктов, но не были самостоятельными в административном плане.

На первых порах все сибирские города и остроги имели военно-административное значение, ибо они строились для закрепления вновь присоединенных территорий и для организации экспедиций по «приисканию» новых земель и ясаших народов. Но у одних городов эта эпоха окончилась уже в самом конце XVI в. (Тобольск, Тюмень, Верхотурье), у других – в первые десятилетия XVII в. (Тара, Березов, Сургут), а у некоторых продолжалась почти весь век (Красноярск, Кузнецк, Нерчинск, Верхнеудинск и др.). Практически с первых лет существования сибирские города и остроги становятся центрами торгово-промысловой деятельности, что было

вполне естественно для освоения такой фронтирной территории, каковой была Сибирь.

Различной была судьба городских поселений Сибири. Одни рано оформились как значительные административные и торговые центры локальных территорий (Тюмень, Мангазей, Енисейск, Красноярск, Якутск, Верхнеудинск, Нерчинск), другие выдвинулись в ряд крупнейших городов Сибири (Тобольск, Томск, Иркутск) или получили даже общероссийское значение (Троицкосавск с Кяхтой). Большинство же городов Сибири оставались небольшими пунктами уездного управления и транзитной торговли. Некоторые из них лишь короткое время числились городами (Балаганск, Верхоленинск, Сретенск, Доронинск), другие знали в своей жизни лучшие времена, но постепенно превратились в сельские поселения (Илимск, Селенгинск и др.).

Очередной этап активного крепостного строительства в Сибири был связан с уточнением и укреплением южной пограничной линии в первой половине XVIII в. Инициатором постройки новых и реконструкции старых крепостей на юго-востоке Сибири стал посол в Китай граф С. Л. Владиславич-Рагузинский. Осмотрев городские укрепления пограничных городов, он нашел их неудовлетворительными и принял меры для усиления обороноспособности. По указанию посла были разработаны планы укрепления старых городов Иркутска и Верхнеудинска. Они были обнесены с суши деревянными палисадами и рвами. Также были построены новые крепости Петропавловская на Чикойской стрелке и Троицкая на речке Кяхта. Столь знаменитая впоследствии Кяхта возникла на базе двух отдельных поселений. Сначала была заложена в июне 1727 г. крепость Ново-Троицкая. Затем в четырех верстах от нее основана торговая слобода Кяхта. Хотя в официальных документах XVIII в. Кяхта называлась форпостом Троицкой крепости и действительно имела укрепления, ей суждено было длительное время играть важнейшую торговую роль как единственного пограничного пункта всей обширной меновой торговли между Россией и Китаем. В этом качестве Кяхта заметно отличалась по своему статусу и даже внешнему виду от других городов региона, являясь общероссийским центром международной торговли. В 1805 г. Троицкосавск получает статус города, и здесь фор-

мируется основная городская инфраструктура. После того как с 1809 г. в Кяхтинской слободе было запрещено проживать всем жителям, за исключением купечества, непосредственно участвующим в торговых операциях, она превращается в элитный пригород города, застроенный добротными купеческими особняками.

География распространения крепостных сооружений в эти годы переместилась к южным границам Сибири, где повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы. От Тобола, например, была образована пограничная линия укреплений, протянувшаяся к северо-востоку на тысячу верст до самого Иртыша. Чуть позднее, в 1740-х гг., была создана Ишимская линия, в 1752 г. началось строительство новой укрепленной системы – Новоишимской, а на Алтае – Колыванской линии. В то же время ввиду отсутствия непосредственной военной опасности необходимость в острожных и крепостных сооружениях в старых сибирских городах отпала, и они постепенно приходят в полную негодность и разрушаются. В некоторых городах острожные сооружения в разное время XVIII в. были уничтожены пожарами (Баргузин, Селенгинск) либо разрушены наводнениями (Петропавловская крепость, Нерчинск).

Для сибирских городов, так же как и для большинства русских, свойственно было прибрежное расположение, так как речные артерии в это время выступали главными магистралями, по которым, собственно, и шло освоение новых территорий. Даже названия многих городов и острогов были связаны с реками, на берегах которых они были основаны (Тобольск, Томск, Енисейск, Илимск, Иркутск и др.). Во всех этих городах набережные становились главными фасадными частями. Реки играли ведущую роль в организации городской застройки, которая так или иначе ориентирована была на береговую часть, создавая выразительную панораму сибирского города. В то же время прибрежное расположение большинства острогов и городов Сибири приносило дополнительные трудности жителям. Частые разливы рек сопровождались разрушением берега, подтоплением и сносом жилых построек. Из-за неудачного расположения некоторые остроги и города Сибири были позднее перенесены на другое место. Еще в XVII в. были перенесены Верхоленинский острог и

Якутск, в следующем столетии – Балаганский острог. На длительное время затянулось перемещение на более удобные места Селенгинска и Нерчинска.

Официальная статистика относила к городам только административные центры губерний и уездов или являвшиеся таковыми в прошлом. Многие из них ни по числу жителей, характеру их занятий, ни по экономическим параметрам не соответствовали понятию «город». По стандартам конца XVIII – первой половины XIX в. города с населением свыше 25 тыс. относились к большим городам, от 5 до 25 тыс. – к средним, менее 5 – к малым. В Сибири все было иначе. Только такие города, как Тобольск, Иркутск, Енисейск, отчасти Томск можно было отнести к большим, остальные города не подходили под параметры даже среднего.

В то же время в Сибири было значительное количество населенных пунктов с достаточным количеством жителей, развитой торговлей и промышленностью, которые причислялись к сельским или иным поселениям. В течение рассматриваемого периода существовали остроги с посадским населением, пригороды, подгородные слободы, горнозаводские промышленные поселения. Они отличались более сложной, чем сельские поселения, социальной структурой населения и вместе с крупными городскими поселениями играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Все эти поселения были не только тесно связаны с окружающей их сельской округой, но и являлись важным звеном в межлокальных хозяйственных связях крупных городов и территорий в целом. Более того, там, где город только формировался или был слабым, эти малые города и поселения брали на себя выполнение хозяйственных функций, формируя экономическую иерархию поселений в рамках существующего регионального рынка. Кроме того, сибирские города находились в значительном территориальном отрыве друг от друга, что затрудняло не только экономическое, но даже личностное общение горожан. Поэтому остроги и поселки, даже самые малые, наполняли сельскую округу «городским сознанием» и отчасти возмещали недостаток городов в регионе.

К концу XVIII в. наблюдается рост поселений, получивших статус города. На территории двух сибирских наместничеств Тобольского и Иркутского в 1780-х гг. насчитывалось уже 37 городов. По сравнению с XVII в. их численность возросла почти в 2 раза. При этом наблюдается не просто рост городов, но складывается собственно сама система городов, во главе которой находились центры наместничеств – Тобольск и Иркутск. Ниже их располагались провинциальные (областные) и уездные города. К середине XIX века рост городов продолжился, но этот процесс имел свои особенности. Ряд старинных городов по разным причинам потерял черты и функции города и был переведен в разряд сельских поселений. Такая же участь постигла и некоторые остроги и даже города, на короткое время по прихоти властей выросших из сельских поселений. В то же время для решения новых задач по управлению сибирской территорией ряд острогов и сел, имевших к тому же определенный экономический потенциал, такие как Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск в 1822 г. при образовании Енисейской губернии или Чита, ставшая областным центром в 1851, получили статус городского поселения. В результате чего число городов с 37 в 1782 г. увеличилось до 44 в 1825 г. и 46 в 1847 г. Однако размещались эти города на карте Сибири весьма неравномерно. В самой большой по территории Енисейской губернии было 6 городов; в обширной Иркутской губернии 12 городов и еще 7 пограничных крепостей. Самой городской губернией (по соотношению территории и числу городов) была Тобольская – 12 городов, затем шла Томская – 9.

Наряду с поселениями, получившими официальный статус города, на территории Сибири насчитывалось немало острогов, которые по своим функциям и составу населения более соответствовали городским, нежели сельским поселениям. По существу, они представляли собой переходное состояние между собственно сельским и городским населенным пунктом и играли заметную роль в формировании урбанистической среды региона. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, мещане, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1775 г. посадское население острогов Иркутской губернии насчитывало более

2 тыс. человек, что составляло 32,6 % всего торгово-промышленного населения края. Ильинский острог в Забайкалье по численности населения уступал только Иркутску. Всего же на территории губернии числилось 22 сельских населенных пункта с посадским населением, в том числе 14 острогов. Некоторые из них (Киренск, Верхолениск, Балаганск, Баргузин, Чита, Сретенск, Доронинск) были преобразованы в города, пусть даже и на короткое время, но основная их масса постепенно все более превращалась в сельские поселения.

Наиболее заметную роль играли остроги, находившиеся на пересечении водных путей и вдоль дорожных магистралей. Так, от Братского острога расходились пути в Забайкалье и на Енисей, через Ленский волок – в Якутию. На Лене в качестве транспортных и хозяйственных центров выделялись Усть-Кутский и Чечуйский остроги. В Забайкалье – Кабанский, Ильинский и Итанцинский остроги. В них проживало не только крестьянское население, но и посадские, разночинцы, занимавшиеся как хлебопашеством, так и различными ремеслами, промыслами и извозом. В 1792 г. в этих острогах числилось 356 купцов, мещан и цеховых, что составляло почти 30 % всего торгово-промышленного населения Верхнеудинского уезда. Однако строительство Кяхты, развитие Нерчинских горных заводов и связанных с ними поселений, изменение путей сообщения привели к тому, что эти «городские» функции забайкальских острогов не смогли развиваться, и они в демографическом и хозяйственном отношении сформировались как сугубо сельские населенные пункты, сохранив, однако, за собой функции административно-хозяйственных центров деревенской округи.

Анализ городских поселений Сибири будет неполон, если обойти молчанием поселки, возникшие вокруг казенных заводов и предприятий кабинетского ведомства. Как полагают некоторые исследователи, «горнозаводские поселки отчасти сами выполняли роль городов»². Конечно, поселения при горнодобывающих заводах не могли быть идентичны городам, так как не имели соответствующего юридического статуса. Кроме того, значительная часть их населения состо-

² Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 33.

яла из людей подневольного состояния — ссыльных мастеровых и каторжан. В то же время в таких поселениях концентрировалось большое количество людей, занятых в обслуживании производства и фактически оторванных от сельскохозяйственных операций. Если к ним добавить представителей администрации, охрану и инженерно-технический персонал, то социальный состав поселения окажется несравненно более сложным и многофункциональным, нежели в любом самом многочисленном селе. Нередко заводские поселки отличались более организованной застройкой, планировкой усадебного пространства и благоустройством. Так же как и города, поселки при горных заводах притягивали к себе окрестное крестьянство, предоставляя возможности для заработка и для сбыта сельскохозяйственной продукции.

Следует отметить, что гороодообразовательные процессы в таких специфических территориях, как горные округа, находившиеся в ведении кабинетского управления, во многом зависели от позиции и задач Горного ведомства, что серьезно ограничивало развитие общественного самоуправления. Не только хозяйственная, но и вообще вся административно-общественная жизнь подобных поселений была жестко регламентирована. В результате из заводских поселений в города были преобразованы лишь единицы. Официально понятие «горный город» и его особый статус было введено в России Горным положением 1806 г. Таковым городом считался Екатеринбург и еще ряд заводских поселений на Урале. В Сибири после ряда административных преобразований конца XVIII — начала XIX вв. городской статус получили Бийск (1782, 1804), Колывань (1822), Барнаул (1822). Их пример был скорее исключением из правил. Так, жители большого Нерчинского завода неоднократно обращались с ходатайством о преобразовании заводского поселения в город, но власти посчитали, что отвод земельных участков под усадебные и выгонные земли будущего города нанесет ущерб интересам Кабинета, и отказали.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого периода на территории Сибири шли урбанизационные процессы, приведшие к созданию разнообразной структуры городских поселений от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков. Определяющими для

их развития факторами стали специализация на промысловых и обменных операциях, а также формирование торгово-промышленного населения.

Изучение изменений в формировании городских поселений Сибири позволяет выделить два хронологических этапа. Первый связан с появлением городских поселений и становлением системы городского хозяйства и населения с конца XVI в. до 1780-х гг. Наиболее важные изменения в структуре и характере сибирских городов произошли в конце XVIII – первой половине XIX в. К середине XIX в. городские общества наиболее экономически развитых городов Сибири (Иркутска, Омска, Тобольска, Томска, Барнаула, Красноярска, Кяхты) свидетельствовали о начале формирования городского пространства нового типа. В то же время в Сибири было достаточно много уездных городов и малых городов, особенно в северных и восточных районах, которые насчитывали менее тысячи человек и отличались низкими темпами развития. Практически все сибирские города в той или иной степени сохраняли сельский вид, характерный для «аграрных городов» провинциальной России. Но важно отметить, что внешний вид даже самых малых городских поселений региона отличался от облика крестьянских селений, прежде всего некоторой упорядоченностью уличных и дворовых пространств, отражающих организационную систему плановой городской застройки, а также обязательным наличием ярмарок и торжков, розничной торговли.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 3

1. Дайте характеристику первым сибирским городам.
2. Назовите основные особенности формирования городских поселений в Сибири.
3. Определите роль и место острогов и малых городов в системе административного управления Сибири.
4. Особенности статуса горнозаводского города.
5. Выделите основные этапы сибирской дореформенной урбанизации.
6. Назовите причины, влияющие на рост или деградацию городов.

Литература к теме 3

1. Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. / А. Р. Артемьев. – Владивосток, 1999. – 336 с.
2. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. Н.В. Куликаускене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. – 320 с.
3. Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие / Б. Н. Миронов. – Л. : Наука, 1990. – 272 с.
4. Резун Д. Я. Эволюция понятий «город» и «острог» в приказном делопроизводстве XVII века // Вопр. истории. – 1979. – № 10. – С. 172–176.
5. Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 560 с.
6. Шахеров В. П. Формирование городских поселений Байкальской Сибири в контексте особенностей сибирской урбанизации // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – № 1. – С. 35–49.

Тема 4

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Первые сибирские города были «государевыми» поселениями, что существенно отражалось на составе их населения. В XVII в. самой многочисленной группой городского населения были служилые люди. К концу века их насчитывалось не более 10 тыс. человек. На всей огромной территории от Енисея до Тихого океана состояло на службе 3,5 тыс. человек. Они составляли основу гарнизонов русских острогов, занимались сбором ясака и караульной службой, открывали новые территории.

Хозяйственное освоение сибирских территорий сопровождалось ростом городского населения. Вокруг городов и острогов стал формироваться посад. Посадское население в основном складывалось за счет переселенцев из северных уездов России. Большинство приходили в Сибирь без какого-либо значительного состояния и активно использовали возможности природных ресурсов края, прежде всего пушных, а также пограничную торговлю с Китаем. Уже в первой четверти XVIII в. посадское население заметно превосходило служилое. Так, количество служилых составляло в Тобольске 16,9 %, Туринске – 6,1 %, Верхотурье – 5,6 %, Енисейске – 19,5 %, Иркутске – 27,5 % и Илимске – 11,1 %. Правда, в северных районах Сибири еще оставались города, в которых служилое население явно преобладало. Например, в Таре их доля доходила до 84, %, а в Березове – до 90,7 %.

В XVIII в. все заметнее становится роль и значение посадского населения, особенно купечества. Если в первые десятилетия истории города в составе горожан численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торгов. Так, в середине сто-

летия Иркутск вышел на 3-е место в Сибири и на 17-е в России по числу посадского населения. Особенно наглядно преобладание податных слоев города проявлялось в соотношении домовладельцев. Если в 1769 г. на их долю приходилось 54 % обывательских домов, то в 1816 г. им принадлежало уже 67 % жилых строений. В среднем соотношение между податными и служилыми слоями городского общества составляло 60 % и 40 %.

По сравнению с сельским, городское население края на протяжении рассматриваемого периода было весьма невелико. К тому же темпы роста его значительно уступали росту численности крестьянского населения. За полтора века городское население Иркутской губернии выросло примерно в 3 раза и составило в 1851 г. 51,4 тыс. человек, т. е. около 5 % всего населения региона. В значительно большей степени, чем в селах, их население росло за счет прироста населения извне. Как правило, в города переселилось торгово-промышленное население из северных губерний России. В середине XVIII в. переселенцы из северорусских городов и уездов составляли до 80 % всех причисленных в городские поселения Сибири. Следует отметить, что вообще городское население Сибири было весьма незначительным и составляло в середине XIX в. всего 3,2 % от общей численности горожан России.

Состав городского населения отличался от сельского значительно большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Особенно наглядно это проявлялось в крупных городах, таких как Тобольск, Енисейск и Иркутск. В Иркутске уже в начале XIX в. проживало более половины всего купечества и мещанства губернии и более 80 % всех цеховых ремесленников, что свидетельствовало о превращении его в один из крупнейших центров ремесла и торговли Сибири. Динамика численности населения других городов была более стабильна. Как правило, некоторый рост отмечался в уездных городах. Малые и северные города Сибири оставались малоллюдными в течение всего рассматриваемого периода.

В конце XVIII в. все городское население Сибири насчитывало 60, 8 тыс. душ мужского пола, что составляло 11 % от всего мужского населения края. Наибольшее количество горожан проживало в Тобольском наместничестве – 44,7 тыс.

душ мужского пола В Иркутском наместничестве горожан было заметно меньше — 16,1 тыс. душ мужского пола. Причем основная масса горожан проживала в Иркутске, который уже в середине XVIII в. становится крупнейшим административным и экономическим центром Сибири. За столетие население Иркутска выросло почти в 9 раз. Если в 1700 г. в городе считалось 726 ревизских душ, то к 1798 г. здесь проживало уже 6,3 тыс. человек, а если считать с женским населением, то около 11 тыс.

Среди старых городов Западной Сибири по-прежнему лидировал Тобольск (10,5 тыс.), затем шли Томск (5,8 тыс.), Енисейск (5,0 тыс.), Тара (4,5 тыс.) и Тюмень (4,1 тыс.). Меньше всего жителей в этой группе городов было в Кузнецке — 996 человек. Вторую группу городов составили Ишим, Курган, Ялуторовск, выросшие в городские поселения из земледельческих слобод XVII в. Здесь издавна развивалось товарное хлебопашество, а многие жители, будучи еще формально крестьянами, занимались промыслами, ремеслами и торговлей. Проведение через них или рядом Московского тракта лишь ускорило их развитие. Примечательно, что эти города, хотя и уступали по численности старым городским центрам, развивались более динамично. Третья группа западносибирских городов состояла из бывших крепостей и острогов, построенных в начале XVIII в. для защиты южной границы. К ним относились Омск (2,8 тыс.), Бийск (2,4 тыс.), Семипалатинск (1,1 тыс.) и совсем небольшие поселения Колывань (410) и Каинск (303). Самым динамично развивающимся городом в этой группе был Омск. В Восточной Сибири самым крупным городом оставался Иркутск (6,9 тыс.), вторым по значению был Верхнеудинск (3,1 тыс.), процветание которого зависело исключительно от русско-китайской торговли. Затем шли Селенгинск (1,6 тыс.), Якутск (1,5 тыс.) и Нерчинск (1,2 тыс.). Остальные малые города, возникшие из деревень, ясачных зимовий и крепостей, имели меньше одной тысячи жителей, а такие уездные города, как Олекминск и Доронинск, всего 10 и 4 души мужского пола.

Численность горожан Сибири росла очень медленно. Если в 1782 г. их было 60,8 тыс. душ мужского населения, то в 1825 г. — 63,0 тыс., а в 1847 г. — 170,8 тыс. человек. Среди губернских столиц к середине XIX в. выделялся Иркутск, в

котором проживало 17,5 тыс. человек, затем следовал Тобольск (14,2 тыс.), потом Томск (12,7 тыс.) и замыкал этот список Красноярск с 6,3 тыс. жителей. Среди уездных городов, по разным причинам, выделялись как старые, так и новые городские центры – Енисейск (5,9 тыс.), Нерчинск (3,8 тыс.), Омск (13,3 тыс.), Тара (4,7 тыс.), Барнаул (10,1 тыс.). Более быстрыми темпами городское население начинает расти в середине XIX в. Так, с 1825-го по 1858-й г. численность городского населения выросла в 1,8 раза с 112,5 тыс. человек до 201, 8 тыс. Причем, если численность горожан Западной Сибири возросла в 1,5 раза, то в Восточной Сибири почти в 3 раза. В это время в Сибири насчитывалось 6 городов с населением более 10 тыс. человек, в 5 проживало от 5 до 10 тыс., больше часть городов – 20 городов имели от 1 тыс. до 5 тыс. человек, и еще в 6 городах насчитывалось менее 1 тыс. человек.

Состав городского населения отличался от сельского значительно большей социальной и сословной пестротой и сложностью. Жители городов делились на две большие группы. В первую входили неподатные сословия: чиновники, духовенство, военные, выполнявшие в основном административные функции. В губернских и окружных уездных центрах эти слои составляли до половины населения, в остальных городах – не более трети. Ведущая роль в развитии городской экономики принадлежала податным сословиям (купцы, мещане, цеховые) и отдельным межсословным группировкам, по своему положению и занятиям тяготевшим к податному населению. К ним относились отставные нижние чины, осевшие в городах крестьяне и ссыльные, разночинцы. Вместе они составляли торгово-промышленное население городов, на долю которых приходилось до 60 % горожан.

Условия формирования и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов.

Начало обособлению торгового населения сибирских городов в отдельную сословную категорию положил принятый в 1721 г. Устав Главного магистрата, согласно которому все городские жители страны были разделены в зависимости от капитала и рода занятий на две группы – «регулярных граждан», состоящих из двух купеческих гильдий, и «подлых людей», куда входили чернорабочие, поденщики и тому подобные наемные работники. В 1742 г. в дополнение к двум купеческим гильдиям была образована третья, в которую вошли выходцы из упраздненной категории «подлых людей». Таким образом, в первой половине XVIII в. в купечество входило практически все дееспособное городское население, так или иначе связанное с торговлей, промыслами и ремеслом. Только в Иркутске в 1724 г. в купечестве числилось почти 2,5 тыс. человек, что составляло более 80 % всех жителей города. Запись в гильдию была во многом формальной. Этому способствовал и низкий имущественный ценз, что приводило к тому, что в составе купечества оказывалось немало лиц, вообще не занимавшихся предпринимательством. В середине столетия реальное число сибирских купцов, занимавшихся коммерцией, составляло в разных городах всего 35–45 % от общей численности гильдейцев. Остальные были ремесленниками, приказчиками, наемными работниками или вообще значились среди «старых, дряхлых, увечных и малолетних». Все они находились в купечестве только в силу наследственного принципа, характерного для сословного деления российского общества.

Высокая степень социального разложения купечества, отсутствие четкого определения его правового статуса вызвали специальные распоряжения и указы правительства. Реформа 1775 г. официально закрепила раскол купечества. Преследуя цель «очистить» его ряды от малоимущих, она в десять раз подняла имущественный ценз. Все купцы, имевшие капитал менее 500 руб., образовали новое сословие мещан. Граница между ними определялась лишь наличием необходимого капитала, т. е. фактором несословного характера. В то же время, чтобы повысить авторитет предпринимателя, за ним закреплялись чисто сословные привилегии. Купечество исключалось из подушного обложения, с него были сняты рекрутская повинность, ряд обременительных

казенных служб, а первые две гильдии освобождались от телесных наказаний. Разделение на гильдии осуществлялось согласно размеру объявленного капитала, минимум которого составлял для 3-й гильдии 500 руб., для 2-й – 1 тыс., для 1-й – 10 тыс. руб. В дальнейшем правительство неоднократно повышало минимальные размеры капитала, доведя их к 1807 г. соответственно до 8, 20 и 50 тыс. руб.

«Чистка» купеческих рядов привела к резкому сокращению купечества. До реформы 1775 г. в Иркутске числилось более 2 тыс. купцов. По новому разделению в сословии осталось всего 77 капиталов. Наибольшие потери понесли первые две гильдии. По 1-й гильдии на весь регион был зафиксирован всего один капитал, по 2-й – 19, по 3-й – 145. Впрочем, подобная картина имела общероссийский характер. По сведениям Сената, в Российской империи в составе купеческого сословия осталось только 12,2 % прежней численности.

Реформы последней четверти XVIII в. укрепили правовое положение купечества, его главенствующую роль в городском самоуправлении, способствовали росту его рядов. По сравнению с 1780-ми гг. численность иркутского купечества к 1807 г. утроилась, правда, рост происходил в основном за счет 3-й гильдии. В дальнейшем наблюдается сокращение численности купечества. Оно объяснялось очередным возрастанием минимума объявляемого капитала и следствием манифеста 1807 г., передавшего всю внешнюю торговлю в руки первогильдейцев, что особенно больно ударило по мелкому и среднему купечеству, связанному с русско-китайской торговлей. Манифест 1807 г. способствовал еще большему размежеванию иркутского купечества. Капиталы 1-й гильдии в течение года выросли в четыре раза. Рост первогильдейцев наблюдался и в других городах региона. В Верхнеудинске, например, до 1807 г. не было ни одного купца 1-й гильдии, а после реформы объявили капитал сразу четыре семейства.

Доля купечества Иркутской губернии была неизменно выше среднесибирской, иногда значительно. Так, в 1816 г. на 100 мещан здесь приходилось 7,3 купца, что в два с лишним раза превышало среднесибирский уровень. Если на долю региона приходилось всего 0,5 % населения страны, то удельный вес купечества здесь достигал почти 3 % от общероссийского. Основная его масса была сосредоточена в Ир-

кутске. Уже в XVIII в. Иркутск по количеству купцов превосходил все другие сибирские города. В первой половине XIX в. здесь проживало более 60 % всех восточносибирских купцов.

К концу XVIII в. сибирское купечество превратилось в ведущую силу городского общества и значительно выделялось из общей массы российского купечества, которое радикально изменился только во второй половине XIX в. после отмены крепостного права. Так, характеризуя иркутское общество начала XIX в., исследователи отмечали, что здесь «господствовала монополия купеческая, эксплуатация буржуазная, хотя еще и самая патриархальная»³. Несмотря на значительную социальную мобильность и колебания численности, купечество играло ведущую роль в формировании сибирской буржуазии. О сибирском купечестве с большим уважением отзывались многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен отмечал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости стоит несравненно выше купечества Европейской России»⁴.

В середине XIX в. в правовом положении купечества происходят значительные изменения. После отмены в 1863 г. 3-й гильдии заметно сокращается число сибирских купцов. В то же время появляются другие возможности для занятия торговлей и промышленностью. Возникает, например, категория так называемых «временных купцов». В нее входили предприниматели из других сословий, которые могли приобрести торговые права купечества без изменения своего сословного статуса. Таким образом, расширялся слой предпринимателей, занимающихся бизнесом и не принадлежащих к купеческому сословию.

Торговый капитал выступал прежде всего как капитал купеческий. Монопольное право купечества на производство торговли закреплялось рядом правительственных постановлений и указов, обобщением которых стала Жалованная грамота городам 1785 г. Однако свои привилегии купечеству приходилось отстаивать в острой конкурентной борьбе как с иногородними предпринимателями, так и с местными тор-

³ Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского // Сочинения. СПб., 1908. Т. 3. С. 657

⁴ Пейзен Г. Заметки о производительных силах Восточной Сибири // Экономист. 1858. Т. 1. Кн. 1. С. 20

говцами из числа крестьян, городских низов и других слоев общества. Уже в середине XVIII в. иркутские купцы жаловались властям на то, что крестьяне и буряты из близлежащих селений имеют в городе свободный мелочный торг и, «перекупая выменом товары российские, разношивают по улицам и по домам продают». Среди нарушителей правил торговли особенно часто встречались торгующие крестьяне из северорусских губерний. Особенно широкую известность в Сибири получили крестьянские предприниматели из Ковровского и Вязниковского уездов Владимирской губернии, так называемые вязниковцы. Это были типичные представители развозной торговли, стремившиеся ускользнуть от всяких форм контроля, постоянно отыскивающие новые рынки сбыта, налаживающие новые цепочки экономических связей. Очень часто они составляли конкуренцию местному купечеству, производя торговлю на значительно большие суммы, чем определялось их свидетельствами.

Не менее активным было участие в предпринимательской деятельности местного сельского населения. На иркутские и верхнеудинские ярмарочные торги съезжалось большое количество русских и бурятских сельских жителей. Они привозили сюда хлеб, мясо, масло, мед, мыло, дрова, рыбу, пушнину, сырые скотские кожи и предметы крестьянского промысла. Если первоначально немногие из них оседали в городах, то со временем число переселенцев из деревень заметно растет. Если в 1833 г. в Иркутске проживало всего 144 крестьян, да ещё 266 числилось за монастырскими хозяйствами, то в 1860-х гг. они уже составляли около 11 % жителей города, а к концу века их доля возрастет в три раза.

Практически вся мелочная и разносная торговля в городах осуществлялась мещанским населением. Среди мелочных торговцев было много женщин, торговавших со столов и полок предметами рукоделия, табаком, кондитерскими изделиями, овощами. Зажиточная верхушка мещанства достаточно успешно конкурировала с купечеством, особенно в розничной торговле. В Иркутске, например, торговлю, собственную купечеству, производило более 30 мещан. В Верхнеудинске непозволительной для мещан торговлей занималось 20 человек: 12 по домам, а 8 – в лавках гостиного двора. В документах многих сибирских городских дум за-

фиксированы жалобы купечества на незаконную торговлю в городах мещан, разночинцев, крестьян, представителей коренных народов, ссыльных. Городской рынок привлекал также представителей коренного населения, прежде всего бурят, которые привозили в город продукцию скотоводства, кожу, пушнину. Со временем некоторые из бурят пополняли состав городских жителей. В 1864 г. их насчитывалось в Иркутске около 600 человек. В основном они занимались в домашние работы, занимались плотницким ремеслом, обработкой кожи. В начале XX в. их число в городе превысило 1 тыс. человек.

Занятия трудового населения городов Сибири были многообразны. Мещане и цеховые участвовали в мелочной торговле, обслуживали купеческие предприятия, занимались промыслами, земледелием. Относительная слабость словесных перегородок в Сибири приводила к тому, что городское население часто меняло сферу деятельности, переключалось на другие хозяйственные занятия, причем не только внутри своего города. В 1787 г., например, цеховые Иркутска насчитывали 1273 ревизских душ. Но реально в 14 ремесленных управах состояло всего 468 человек (36,8 %), да еще 195 иркутских цеховых (15,3 %) производили ремесло в различных уголках губернии. Многие из мещан занимались обслуживанием торговых операций в качестве приказчиков и доверенных лиц. В 1819 г. мещане составляли 88,6 % всех приказчиков, торговавших в Иркутском гостином дворе. Многие из торговых служащих, скопив капитал, со временем переходили в купечество. Большинство же мещан и цеховых вынуждено было кормиться собственным трудом.

Существенным конкурентным фактором для купечества была торгово-промысловая деятельность местного казачества. Так, неоднократно на протяжении рассматриваемого периода забайкальские купцы жаловались властям на «подрыв» местным казачеством их монопольных прав на торговлю. А Иркутская городская дума рассматривала возросшую конкуренцию со стороны казаков в таких важных для местного купечества сферах предпринимательства, как подряды на перевозку казенных и частных грузов по Байкалу и рыбопромышленность, в качестве одной из причин сокращения

численности местных купцов, наблюдавшегося в первой четверти XIX в.

Существенное влияние на сословную структуру сибирского города оказывала ссылка. Среди основных занятий ссыльных были батрачество, промысловые работы, обслуживание водного и гужевого транспорта, ремесло. Хозяйственная деятельность их сдерживалась рядом правительственных постановлений. Выступая как один из отрядов наемной рабочей силы, ссыльные в то же время продолжали оставаться поднадзорными со значительными ограничениями свободы передвижения. Несмотря на противодействие властей, часть ссыльных оседала в городах. Иркутская городская дума неоднократно обращала внимание администрации на то, что ссыльные и разночинцы фактически захватили в свои руки развозной торг по уезду, превратившись в скупщиков крестьянского хлеба. Значительная часть ссыльных была задействована в мелочной торговле, объемы которой были невелики, но давали возможность прокормиться. Многие нанимались к богатым ремесленникам, работали на промышленных предприятиях, но среди ссыльных были и такие, которые сами имели работников.

Все больше городских жителей стало заниматься мелочной и контрабандной торговле вдоль российско-китайской границы. Обороты ее составляли до полумиллиона рублей в год, а участвовали сотни человек с обеих сторон. Крупное купечество не без основания видело серьезных конкурентов в мелких торговцах, которые в обмен на свою продукцию приобретали китайские товары и развозили их по всей Сибири. После введения беспощинной пограничной торговли между Россией и Китаем в середине XIX в. в городах Иркутской губернии наблюдается заметное расширение китайской диаспоры.

Активное участие в предпринимательской сфере самых разных социальных групп размывало сословный монополизм купеческого капитала и заставляло правительства искать компромиссные решения. Так, в 1812 г. была учреждена сословно-податная группа торгующих крестьян, получившая торговые права, сравнимые с купеческими. Утвержденные в 1824 г. дополнительные постановления «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний» расширили круг лиц, которым разрешалась предпринимательская деятельность,

вводя категории мещан и крестьян, торгующих по свидетельствам различного рода. Этими же правилами были конкретизированы взаимоотношения между местными предпринимателями и иногородними. Городские власти получили возможность более действенного контроля за незаконными торговыми операциями на городских рынках. Функции по проверке незаконной и неуставной предпринимательской деятельности были возложены на специально создаваемые при городских думах торговые депутации.

Таким образом, с ростом городов происходит становление городского населения. В XVIII в. происходит оформление основных городских сословий, заметнее становится роль и значение посадского населения, особенно купечества. Если первоначально в составе горожан численно преобладал служилый контингент, то уже в первой половине XVIII в. посадский мир города становится ведущей силой в развитии городского хозяйства и торгов. Развитие торгово-промыслового хозяйства в Сибири и близость к китайскому рынку привели к возникновению купеческого капитала в городах Байкальской Сибири уже в первой половине XVIII в. Формирование регионального купечества в целом отвечало процессам и сословно-общественной организации городского населения, произошедшим в России в дореформенный период. Особенностью было отсутствие дворянского сословия и предпринимательства в Сибири, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определило его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Качественные изменения, произошедшие в составе сибирского купечества на рубеже XIX–XX вв. содействовали его консолидации и повышению роли в городском сообществе.

Купечество составляло лишь верхушку предпринимательского айсберга, в то время как малый и отчасти средний бизнес был значительно шире по своему социальному составу, включая в себя представителей практически всех податных сословий, а в Сибири еще и таких специфических групп, как ссыльные, инородцы, торгующие бухарцы, китайские предприниматели.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 4

1. Какими факторами определялся рост городского населения?
2. Почему большинство сибирских горожан было выходцами с Русского Севера?
3. Особенности социального состава населения сибирских городов.
4. Вертикальная и горизонтальная мобильность сибирского предпринимательства.
5. Определите основные особенности статуса сибирского купечества.
6. Почему Иркутск был самым купеческим городом Сибири?

Литература к теме 4

1. Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В. В. Воробьев. – Новосибирск : Наука, 1975 – 260 с.
2. Ивонин А. Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования) / А. Р. Ивонин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 337 с.
3. Кабузан В. М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Сов. этнография. – 1996. – № 3. – С. 23–46.
4. Кабузан В. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. / В. М. Кабузан, С. М. Троицкий // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). – М., 1973. – С. 261–277.
5. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа / В. Н. Разгон. – Барнаул : Изд. Алт. ун-та, 1999. – 658 с.
6. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. – Хабаровск : ИД «Приамур. ведомости», 2006. – 176 с.

УПРАВЛЕНИЕ СИБИРСКИМ ДОРЕФОРМЕННЫМ ГОРОДОМ

Первоначально интересы посадской части городов представлял мирской староста. Избираемый посадом, он ведал сбором податей, следил за выполнением распоряжений воеводской приказной избы. Реформа 1699 г., впервые вводящая в России органы городского самоуправления, на Сибирь не была распространена. И только с введением в 1721 г. Главного магистрата на правах коллегии в Сибири была создана система городского управления. В городах создавались городские магистраты и ратуши. В 1722 г. в Тобольске был открыт магистрат, которому подчинялись другие города, где создавались ратуши. Уже через год в Иркутске был учрежден свой магистрат, а ратуша упразднена. После ликвидации в 1728 г. Главного магистрата были закрыты и подчиненные ему городские магистраты. В Иркутске вновь открыли ратушу во главе с бургомистром купцом Трифоном Бречаловым. Бесправное положение ратуш, их полная зависимость от воеводской власти тормозили развитие городского общества, вызывали социальные конфликты.

Указом 21 мая 1743 г. был восстановлен в прежнем основании Главный магистрат, а уже на следующий год были воссозданы магистраты в Тобольске, Томске, Тюмени. В 1745 г. вновь открыт губернский магистрат в Иркутске. Количественный состав городских органов управления зависел от величины города и количества «купеческих дворов». Так, в Тобольске магистрат состоял из 7, в Томске из 4, в Тюмени – из 3 человек. Иркутский магистрат занимал 2-е место в Сибири по численности членов, которых насчитывалось 5 человек: президент, 2 бургомистра и 2 ратмана. В ратушах состав руководства был значительно меньше. Например, в Илимске насчитывалось всего 3 человека.

Иркутский магистрат ведал городскими ратушами, открытыми на территории Восточной Сибири в Илимске, Селенгинске и Нерчинске. Развитие городских поселений, зна-

чительные расстояния между ними, отягощения различными службами вызывали желание горожан приблизить органы городской власти к своей территории. Так, жители кяхтинского форпоста в своем наказе в Уложенную комиссию настаивали на учреждении пограничного магистрата в Кяхте под контролем Иркутского, «а селенгинской ратуше ничем не ведать». В данном случае кяхтинские жители просто стремились восстановить историческую справедливость. Еще в 1757 г. был издан указ о создании в форпосте ратуши, подконтрольной кяхтинской таможне. Она просуществовала до 1766 г., после чего была переведена в Селенгинск.

Одной из основных функций магистратов была фискальная. Создавая эти органы, правительство стремилось сформировать более или менее стройную систему сбора податей с городского населения. На магистраты была возложена обязанность контроля за правильной раскладкой и сбором государственных податей. Основным сбором с городского населения был подушный оклад, введенный в 1724 г. Большой удельный вес принадлежал повинностям, связанным с казенной продажей вина и питейными сборами, а также соляной продажей. В этой связи из числа посадских ежегодно избирали большое число выборных голов, целовальников, счетчиков, надсмотрщиков. Не меньшее значение уделялось полицейскому надзору над населением. Магистратам предписывалась строгая регистрация прибывающих и отъезжающих, запрещалось принимать на ночлег беглых и беспаспортных. С целью охраны города от «воров» на улицах ставились рогатки и горожане по очереди несли караульную службу. Городским властям поручалось размещение войск в городах. Особенно тяжело приходилось жителям тех городов, где на постоянной основе были размещены военные подразделения. Так, в Селенгинск, где находился карабинерный полк, в 1767 г. был направлен еще и пехотный. При норме не более 3 солдат на избу здесь приходилось определять в один покой до 10 человек и более.

В обязанности городского самоуправления входила и организация противопожарных мероприятий. Устанавливался строгий порядок действий на случай пожаров, которые были частыми явлениями в сибирских городах. На каждую улицу определялся староста, на 10 дворов – десятский, на 50 – пя-

тидесятник, на 100 – сотский. Магистраты должны были наблюдать за санитарным состоянием города – чистотой на улицах и торговых рядах, а также за исправностью мостов. Надо отметить, что в это время в сибирских городах параллельно существовало два полицейских ведомства. С одной стороны, полицейские функции возлагались на магистраты, с другой – часть из них осуществляла местная администрация. В 1733 г. была учреждена полиция в 10 губерниях и 13 провинциальных городах России. Тогда же были открыты полицмейстерские конторы в Тобольске и Иркутске.

Еще одной важной сферой деятельности городских органов власти были судебные дела. На протяжении всего периода существования магистратов посадское население особенно упорно отстаивало свое право судиться в них. Регламентом Главного магистрата было определено городовым магистратам ведать «судом и расправою» над купцами и ремесленниками. В их компетенции были гражданские и уголовные дела, за исключением государственных преступлений. Но, как и воеводский, городской суд был неповоротливым, страдал от судебной волокиты. Кроме гражданского и уголовного суда с 1754 г. магистратам был передан словесный суд. Это был чисто торговый суд для разбора и решения споров и исков по обязательствам и договорам о торговых сделках. В обязанности городских властей входила забота об экономическом развитии города, умножении его товаров и ярмарок, ограждение купечества от иногородней конкуренции и от лиц других сословий. Магистрат был и своеобразным статистическим органом. Ему предписывалось собирать сведения о числе городского населения, о состоянии торговли и ремесла, о размерах капиталов, состоянии цен на городском рынке и т. п.

В целом деятельность городских магистратов была своеобразной уступкой усиливающейся роли городов. С одной стороны, они не обладали необходимой самостоятельностью и зависели от центральных и местных органов. Они не только не могли самостоятельно распоряжаться своим бюджетом, но даже запись в цех и купечество должна была утверждаться в Главном магистрате. Он же решал все дела, касающиеся перевода купцов из одного города в другой. С другой стороны, создание структуры городского управления выделяло

торгово-промышленное население городов из общего звена местной власти и ограждало в какой-то мере их от произвола и притеснений. Первоначально все члены магистратов были несменяемы. Их могли заменить только в случае их смерти или болезни. С 1773 г. выборы стали проходить тайным голосованием. Как правило, бургомистрами и президентами магистрата избирались наиболее уважаемые и богатые жители города. К примеру, Иркутский магистрат возглавляли первостатейные купцы и заводчики М. Глазунов (1744–1755), И. Ворошилов (1759–1760), С. Самойлов (1764–1766), М. В. Сибиряков (1779–1780). Бургомистрами и ратманами в эти годы служили купцы М. Мясников, И. Елезов, Н. Бречалов, Ф. Дудоровский, З. Щегорин и др.

В связи с подготовкой создания Комиссии об Уложении правительство провело реорганизацию городского управления. Города получили право на составление своего наказа в Комиссию, а также выбора депутата, представляющего их интерес. В соответствии с «обрядом выбора жителям городским» право посылать депутата получили те города, где имелось более 50 дворов, остальные – по желанию. Для подготовки наказа и выборов депутата в городах создавалась новая должность – городской голова, избираемый всеми домовладельцами из своей среды. Кандидат должен быть не моложе 30 лет, иметь недвижимость и пользоваться доверием общества. В Иркутске первым городским головой был избран Михаил Афанасьевич Сибиряков (ок. 1726–1795), имевший рудники и завод в Нерчинском горном округе. При его непосредственном участии составлялся наказ от Иркутска, проводились мероприятия по его подписанию и выбору депутата. В дальнейшем на должность городского головы также избирали богатейших купцов.

Для усиления административного аппарата на местах в 1775 г. были изданы Учреждения для управления губернией. Для суда и управления городским населением учреждались губернские и городовые магистраты. Губернские магистраты становились правительственными органами и подчинялись наместническому правлению. Магистрат наблюдал за выполнением указов вышестоящих властей, контролировал органы городского самоуправления, выполнял роль второй, высшей после городских магистратов, судебной ин-

станции, представлял интересы государства в раскладке и сборе налогов, занимался учетом городских сословий и т. д. В соответствии с этим были учреждены губернские магистраты в Тобольске, Колывани и Иркутске; в Томске, Нерчинске и Охотске – областные магистраты. Городовые магистраты были открыты в 16 городах Тобольского, в 5 Колыванского и в 17 городах Иркутского наместничества. В остальных городах региона в силу малочисленности посада действовали ратуши. Но в целом губернские магистраты просуществовали недолго и в 1797 г. были упразднены.

Крупной вехой в реформах местного управления было утверждение 8 апреля 1782 г. Устава благочиния, или полицейского, определившего устройство полицейского аппарата городов. На основе этого Устава вместо магистратов на местах стали появляться городовые управы, во главе которых стоял городничий. Бургомистра сменил городской голова из «именитого купечества». На управу возлагались полицейские и административно-хозяйственные задачи на территории города. Управа охраняла порядок в городе, принуждала жителей к исполнению законов и постановлений, ведала городским благоустройством. В ведении управы находились школы, городская торговля, кредитование, попечительство и опека. Она выполняла также судебные функции: рассматривала гражданские дела и мелкие уголовные. Жалованная грамота городам 1785 г. еще более усложнила сословное деление горожан и систему городского самоуправления. Официально все домовладельцы получили статус горожан, в том числе и из неподатных сословий. Аппарат самоуправления усложнился за счет вновь созданных органов: «собрания общества градского», общей градской думы и шестигласной думы. При этом магистраты и ратуши не отменялись. Собрания или сходы созывались раз в три года для проведения выборов на основные должности общегородского управления. Уточнялась и проверялась обывательская книга, т. е. собрание решало дела о приеме и исключении из состава обывателей. Здесь же заслушивались предложения губернатора по городским вопросам. Кроме того, сами горожане могли делать «представления» о своих общественных нуждах.

Право голоса на собрании, право выбирать и быть избранным представлялось формально всем сословным груп-

пам города. Нужно было только достичь 25 лет, быть записанным в обывательскую книгу, то есть иметь недвижимость и капитал не меньше 5 тыс. руб. Всем этим требованиям удовлетворяло только купечество, да и то не ниже 2-й гильдии. Так как в сибирских городах купечество 1-й и 2-й гильдий было немногочисленно и были города, где купцов 1-й и 2-й гильдии не было вообще, приходилось пользоваться оговоркой к Положению, которая гласила, что при отсутствии крупных капиталов голос мог присваиваться и менее состоятельным горожанам «доброй совести и не бывшим в пороках».

Общая градская дума задумывалась как совет представителей граждан, избранных от каждого разряда населения. Ей отводилась распорядительная функция в управлении городом. Эти же вопросы были возложены и на шестигласную думу, которая рассматривалась как исполнительный орган общей думы и избиралась из ее состава. Столь сложная иерархия городского управления на практике зачастую упрощалась. Обычно постоянно действовала только шестигласная дума в составе городского головы, двух ратманов и шести гласных (по одному от всех шести разрядов горожан).

С разделением граждан на шесть частей в Сибири также было непросто. Жалованная грамота выделяла «настоящих городских обывателей», то есть всех имевших в городах недвижимость, купечество всех трех гильдий, цеховых ремесленников, иногородних купцов и иностранцев. К пятой категории относились именитые граждане – крупные предприниматели с капиталом свыше 50 тыс. руб. и люди свободных профессий, получившие высшее образование (ученые, художники, писатели и т. п.). Шестую категорию образовывали посадские – «старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, как он в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работой кормятся в том городе». Основные податные сословия – купечество, мещанское и цеховое общества – сохранили корпоративную структуру и действовали через своих выборных представителей – старост. Такая структура отделяла податные слои от остального состава города, разделяла население на сравнительно замкнутые категории, предоставляя им разный объем прав. Во многих городах отсутствовали представители пятой и иногда четвертой группы. Судебные дела

оставались в ведении городского магистрата, в состав которого выбирались бургомистр, два ратмана и четыре заседателя. Помимо прежнего словесного суда был учрежден еще сиротский суд, который разрешал вопросы, связанные с опекой, наследованием имущества и усыновлением. Функции магистрата и думы не были четко разграничены, что приводило к дублированию административно-хозяйственных и фискальных задач. К тому же они полностью подчинялись государственным учреждениям. Рядом с «всесословной» думой с 1782 г. была поставлена «управа благочиния», возглавляемая городничим. Обоим учреждениям законом поручался ряд одних и тех же задач. На практике выходило, что городская дума собирала сборы и платежи с горожан, а распоряжалось денежными суммами губернское начальство.

В 1788–1790 гг. общие городские думы были образованы в четырех областных городах Иркутского наместничества: Иркутске, Нерчинске, Якутске и Охотске, а шестигласные думы во главе с городским головой создавались там, где уже действовали городские магистраты. Состав их формировался с учетом местных особенностей. На территории Байкальской Сибири таковые были только в Иркутске, Верхнеудинске и Нерчинске. Как и в целом по стране, во главе городского самоуправления в основном находились представители крупного капитала. Торжественное открытие Иркутской городской думы нового образца состоялось 1 января 1787 г. Городским головой был избран купец 1-й гильдии Михаил Васильевич Сибиряков (1744–1814).

Городское самоуправление в Сибири со временем упрощалось. Так, в 1804 г. магистраты с полным штатом остались только в наиболее крупных городах, а в остальных, «по малости оных», надлежало быть ратушам. В 1819 г. была отменена Общая градская дума. Следующий шаг в упрощении городского самоуправления сделала реформа М. М. Сперанского. Согласно Уставу 1822 г. сибирские города разделялись на три разряда в соответствии с количеством проживающего в них населения: многолюдные, средние и малолюдные. В многолюдных общественное управление определялось по полной схеме. В состав городского управления входили: полицейское и хозяйственное управления, а также городской суд вместо магистрата. Ограниченная роль городской думы

подчеркивалась ее новым названием – хозяйственное управление. Она состояла из городского головы и четырех гласных. В ведении городской думы было управление городскими доходами и расходами, раскладка и сбор налогов, рекрутский набор, содержание городских и сиротских судов и опека, выдача гражданам паспортов для отлучек по торговле и промыслам, содержание и исправление общественных зданий, мостов, площадей и улиц, городское благоустройство и санитарное состояние, надзор за производством торговли, деятельностью мещанской и цеховой управ и т. п. Управление средних городов, как правило уездных, заключалось лишь в полицейском управлении во главе с городничим. Хозяйственным управлением и судом в таких городах ведала ратуша в составе городского судьи и двух заседателей. В малолюдных городах управление осуществляли только городничий и городские старосты. Данная система органов самоуправления просуществовала вплоть до городской реформы 1870 г.

Становление городского самоуправления в России было невозможно без финансового обеспечения его деятельности, которое отчасти удовлетворялось доходами с городских имуществ, но главным образом либо личными повинностями горожан, либо различными нерегулярными сборами с них. Жалованной грамотой городам юридически закреплялись за городскими обществами основные источники доходов, причем запрещалось их употреблять иначе, «как на законные городские расходы». Таким образом, городской бюджет стал важнейшим нововведением нового Городового положения.

Главными источниками городских доходов были определены: сборы с городского общественного имущества и оброчных статей, сборы с городских обывателей (за запись в городскую обывательскую книгу и добровольные взносы, не более 100 руб. с хозяина), поземельный налог (оценочный сбор) со всех жителей города, предназначенный на содержание полиции. Вспомогательные доходы включали 1 % с питейных сборов, доходы случайные от продажи выморочных имений и разного рода штрафов. Необходимо отметить, что в конце XVIII – начале XIX в. основные источники доходов городского хозяйства не были еще в достаточной мере подкреплены ни законодательно, ни материально.

С ростом городов и укреплением городского самоуправления заметно расширяется городское хозяйство. Крупнейшим городом не только региона, но и всей Сибири был Иркутск. Но даже для него острой необходимостью было расширение источников формирования городского бюджета. Город занимал не только территорию, застроенную обывательскими и казенными постройками. Ему была отведена также пашенная и выгонная земля, оброчные статьи, которые сдавались в аренду. Территория Иркутска и его окрестностей быстро росла. В конце 1780-х гг. городу было отмежевано 2493 десятины удобной земли и еще почти 1,5 тыс. десятин неудобной, занятой лесами и водами. К 1798 г. общая площадь городских земель выросла до 7230 десятин. При новом межевании 1826 г. городу было отведено уже 10 855 десятин. Часть этих земель ежегодно сдавалась в аренду по цене от 25 коп. до 2 руб. за десятину. Также в подряды сдавалось содержание городских весов при рынках, подводная гоньба, оброчные рыбные статьи, перевоз людей и грузов через Ангару.

Важной доходной частью бюджета были сборы с торговых помещений. Крупные города Сибири отличала насыщенная инфраструктура. На городских рынках и площадях находились сотни лавок, шкафов, столов и балаганов. В общий бюджет поступали сборы с доходов трактирных и питейных заведений, постоянных дворов, доходы от извозного промысла и т. п. Одной из заметных статей доходной части городов был повозочный сбор с каждого воза с кладью, проследовавшего через городские заставы, и речных судов. Городам, лежащим вдоль основных торговых путей, связывающих Россию с Кяхтой, где происходил основной русско-китайский торг, сборы с транзитных обозов и дощаников ежегодно давали десятки тысяч рублей. Иногда в городах возникали особые, присущие только им дополнительные бюджетные поступления. Таким, например, была акциденция в Кяхте – особый, добровольно вносимый в общую кассу сбор с каждого ввозимого ящика чая, за счет чего городская администрация собирала значительные суммы, позволявшие финансировать строительство социальных объектов и благоустройство города.

Не менее половины всех поступлений в общий бюджет составляли различные сборы и повинности с городских жи-

телей. Обременительными для горожан были сборы на содержание полиции, пожарной охраны, благоустройство города, постоянная повинность. По указу 1797 г. устройство пожарной части и вообще содержание полиции было отнесено к обязанностям городского самоуправления. К середине XIX в. постоянные пожарные команды были только в Иркутске, Якутске и Троицкосавске. В остальных городах региона полицейские и противопожарные мероприятия оставались натуральной повинностью горожан и выполнялись ими по очереди. Городское общество неоднократно ходатайствовало о сокращении числа казенных служб и платежей. Из-за отсутствия в Сибири дворянства, малочисленности и слабости административного аппарата на плечи «лучшей» части горожан ложились самые различные казенные и общественные службы. Купцов привлекали к оценке казенных товаров, работе в таможнях и магистратах, приему и продаже вина и соли, сбору подушных денег и т. п. Особенно тяжелы были службы, связанные с разъездами по губернии. Они требовали материальных и временных затрат. В наказе от Иркутска купцы указывали, что от тех дальних служб они лишаются «всей своей купеческой коммерции и в путевых поездках приемлют себе убыток». И это были не пустые слова. В 1760-х гг. из иркутского купечества ежегодно к различным службам привлекалось до 250 человек. Причем все службы, кроме магистратских, они несли собственным «коштом». Перечень служб с течением времени менялся, как правило, в сторону увеличения. В среднем для заполнения всех вакансий ежегодно требовалось от 130 до 150 человек. Если вспомнить, что в Иркутске по официальным данным к 1766 г. насчитывалось всего 452 посадских двора, то количество служб впечатляет.

Помимо постоянного роста числа служб и выборных должностей год от года увеличивались издержки на содержание городского управления и хозяйства. В 1805 г. иркутское городское общество обратилось с жалобой на отягощение их службами и повинностями к полномочному послу в Китай графу Ю. А. Головкину. В частности, они жаловались на то, что должны содержать 59 лошадей для почтовой гоньбы. Из них – 37 в Иркутске, 16 – на Лиственичной станции и 6 лошадей на Тулунской. Всего только на городские нужды с ир-

кутян собиралось 20 тыс. руб. Еще в 15 тыс. руб. обходилась городу подводная повинность. Кроме того, на различные нужды собиралось с мещанского и цехового обществ 2800 руб. (по 50 коп. с 901 ревизской души). В результате расходная часть городского бюджета доходила до 38 тыс. руб.

Естественно, такой значительный бюджет мог иметь только самый большой и экономически развитый город Сибири. В других городских поселениях приходно-расходные статьи были гораздо скромнее. Например, в таких заштатных городах, как Баргузин, Балаганск или Селенгинск, доходы не составляли даже 1 тыс. руб., зачастую уступая расходной части. В 1816 г. доходы городов Иркутской губернии составили 44 916 руб. 63 коп. Из них 80 % приходилось на губернский центр. Остальные города были очень маломощны. Так, мещанское общество Нижнеудинска, составлявшее чуть более 100 человек, неоднократно ходатайствовало о своем бедственном положении, вызывавшем значительные трудности в собирании средств на казенные и городские повинности. Их не хватало даже на содержание полиции и пожарной части.

На протяжении всего XIX в. наблюдался медленный, но стабильный рост городских бюджетов Сибири. Особенно быстро рос бюджет Иркутска. С 1816-го по 1888 г. он увеличился почти в 24 раза, что, несомненно, отражало общую динамику его народонаселения и капиталов. Иркутск вообще был самым богатым городом Сибири. Его доходная часть в 1844 г. составляла более 30 тыс. руб. серебром, что в 1,3 раза превосходило сборы Томска (22,6 тыс.), в 3,7 раза Тобольска (8,1 тыс.) и в 5 раз Красноярска (5,9 тыс.). Достаточно динамично рос бюджет Верхнеудинска. В 1830–1870-х гг. он увеличился почти в 5 раз. При этом основная структура доходов и расходов города во многом соответствовала той, которая сложилась в губернском центре. Очень динамично развивался Троицкосавск, получивший в 1822 г. статус города. К середине XIX в. он фактически слился с Кяхтой, составив единое градоначальство с населением почти в 8 тыс. человек.

Более медленно развивались другие города. Одни из них так и не смогли оправиться после переноса городской застройки на новое место (Нерчинск, Селенгинск), другие только недавно были преобразованы из сельских поселений

и не имели возможностей для быстрого роста. Так, образованные при создании в 1822 г. Енисейской губернии новые уездные города Минусинск, Канск, Ачинск, Туруханск не имели ни той степени устройства, ни тех доходов, которые могли бы их поставить на степень городов. Но в целом даже в малых городах региона при всей нестабильности их экономического развития можно отметить некоторый рост доходной части. Если в Киренске в 1807 г. она составляла менее 1,5 тыс. руб., то к 1833 г. достигла уже 9,8 тыс. руб.

К середине XIX в. городские расходы почти повсеместно превысили доходы. Города стали быстрее тратить деньги, чем накапливать. В 1851 г. недоимки составили по г. Иркутску 14 826 руб. 88 коп., по г. Киренску – 332 руб. 65 коп., по г. Нижнеудинску – 57 руб. 66 коп. Такая же тенденция отличала и остальные города региона, за исключением Троицкосавска. Доходы от русско-китайской торговли позволяли ему не только безбедно жить, но и направлять значительные суммы на благоустройство города. В том же 1851 г. доходная часть его бюджета составила 22 220 руб., а расходы всего 8856 руб. 45 коп. Остальные суммы пополняли запасной капитал города. С другой стороны, власти требовали больших расходов на благоустройство Кяхты и Троицкосавска как центров пограничной торговли. Еще в 1837 г. местное городское общество предложило в дополнение к городским сборам производить отчисления из пошлинных сборов. По закону это пособие предоставлялось местностям, где казна получала значительные пошлинные доходы (Анапа, Новороссийск, Одесса и др.) По подсчету купечества эта сумма могла составлять до 0,5 % от всех пошлинных сборов. Из этих дополнительных сборов ежегодно тратилось до 19,5 тыс. руб. на благоустройство города и до 14 тыс. руб. на представительские расходы (общественные угощения во время праздников, прием китайских делегаций, встречи и проводы духовных миссий в Пекин и т. п.). В конце 1850-х гг. акцидентные суммы заметно увеличились и составляли до 51 тыс. руб. в год. Из этих сумм оплачивалось содержание кяхтинского училища, пожарная команда, ремонт дорог, содержание общественных зданий и т. п. В статьях расходов были и совсем экзотические – на поддержание дружественных связей с Китаем (300 руб.), на содержание оркестра (1,5 тыс. руб.), на

угощение приезжих чиновников и китайских купцов (6 тыс. руб.), на коммерческих агентов в Пекине и других городах Китая (3 тыс. руб.). Некоторые современники ставили купцам в вину такое распределение средств, считая, что эти сборы должны содействовать развитию торговли или направляться на улучшение дорог.

Городские и губернские власти постоянно искали пути увеличения поступлений в городскую казну. В 1858 г., например, был предложен ряд мер по пополнению доходной части городов Иркутской губернии. В целом эти меры способствовали стабилизации городских бюджетов региона. Однако расходная часть бюджетов была более консервативна. По-прежнему большая часть расходов была направлена на административные нужды, в то время как затраты на социальное и культурное развитие городов были минимальны либо вообще отсутствовали. К 1851 г., например, регулярная полицейская команда из 108 нижних чинов была только в Иркутске. Во всех других городах, кроме Якутска, полицейские команды отсутствовали, а обязанности их, как и раньше, исполняли выборные от обывателей. В полном забвении находилась медицинская часть. На всю Восточную Сибирь приходилось всего 40 врачей, 5 частных и казенных аптек и 22 больницы. На этом фоне настоящим оазисом выглядел Троицкосавск. В конце XIX в. в Троицкосавске и Кяхтинской слободе на 9,5 тыс. жителей было 11 врачей.

С середины XIX в. наблюдаются заметные изменения в структуре доходной части сибирских городов. Прямые сборы с населения фактически прекратились, зато резко увеличилось количество «прочих доходов». Сюда входили различные благотворительные пожертвования, сборы с недвижимого имущества, извозного и перевозного промыслов, с документов на право торговли и промыслов, различные второстепенные сборы и штрафы с населения. Одним из ведущих становится налог на недвижимость. Еще в 1831 г. натуральная постоянная повинность в Иркутске была заменена денежными сборами. В конце 1850-х гг. этот сбор превысил все другие поборы. Ежегодно для содержания и размещения все увеличивающихся воинских команд и офицеров требовалось ежегодно до 20 тыс. рублей. В 1839 г. губернская администрация предложила составить особый капитал, проценты с которого

направить на погашения квартирной повинности. Предполагалось единовременно собрать с купечества по 4 % с объявленных капиталов, а с мещан и цеховых – по 75 коп., но городское общество не поддержало эти шаги администрации. В 1842 г. было принято новое положение, по которому квартирную повинность необходимо было выплачивать в соответствии с оценкой недвижимости, в которую включали не только жилые дома, но и торговые и промышленные помещения, огороды и незастроенные участки. Переоценка городской недвижимости должна была производиться каждые три года. С недвижимости, оцениваемой ниже 50 руб., сбор не производился. Со стоимости остальных строений собиралось в зачет квартирной повинности до 1 %. По первой оценке стоимость недвижимости Иркутска составила чуть более 2 млн руб., что позволило внести в доход города 20 тыс. руб. В дальнейшем рост населения и города способствовал значительному увеличению стоимости его недвижимости. В 1881 г. она оценивалась в 6,8 млн руб., а в 1904 г. составила уже 13,7 млн руб. Одновременно росли и сборы с оценки недвижимости. В 1884 г. Иркутская дума увеличила эти сборы до 10 % с оценочной стоимости городского имущества. В 1897 г. налог с недвижимости составил в Иркутской губернии 54 тыс., Енисейской – 18 тыс., Забайкальской области – 20 тыс., Якутской – 6 тыс. руб. Сборы с городской недвижимости превосходили реальные затраты на содержание военных команд, поэтому излишки поступали в городской запасной капитал наряду с пожертвованиями и использовались для экстраординарных расходов. По-прежнему самым богатым городом Сибири оставался Иркутск. В конце XIX в. на одного жителя Иркутска приходилось до 10,7 руб. Это было значительно больше, чем в Красноярске (4,2 руб.), но уступало показателям столицы (14 руб.). Бюджеты остальных городов были значительно меньше, но повсеместно имели тенденцию к росту.

Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесловных ценностей и интересов. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Наиболее активные и

успешные представители купеческой элиты, выделяясь из основной массы, становились признанными лидерами посадского мира, приобретая авторитет и в глазах власти. Государство старалось найти формы дополнительного поощрения крупного купечества, проявившего себя в делах коммерции и на общественном поприще. Еще Жалованная грамота городам учреждала почетное звание «Именитый гражданин». Первым в Сибири это звание получил М. В. Сибиряков, четырежды выбиравшийся на должность городского головы. Кроме него, в Иркутске звание «Именитый гражданин» имел только Г. И. Шелихов, удостоенный его по ходатайству Рыльского городского общества. В 1807 г. указом Александра I категория «именитых граждан» упразднялась, а вместо нее было учреждено звание «первостатейное купечество», которое должно было вноситься в особую «Бархатную книгу». Но она так и не была заведена. В 1832 г., в качестве нового поощрения для купечества было введено звание «Почетный гражданин». Эту категорию составляла привилегированная сословная группа купечества, освобожденного от ежегодного процентного сбора с капитала. Почетное гражданство было как личным, так и потомственным, распространяющееся на наследников.

Для поощрения купцов, отличившихся в торговой деятельности, в 1800 г. было учреждено звание коммерции советника, приравненное к 8-му классу гражданской службы, а затем – мануфактур советника с аналогичными правами. Среди иркутских купцов звание коммерции советника первыми получили купцы Мыльниковы, впоследствии братья Баснины, Н. П. Трапезников, П. Ф. Медведников, кяхтинский купец Н. Игумнов и некоторые другие. За выборную общественную службу и благотворительную деятельность купцы награждались золотой медалью «За заслуги» и серебряной, на алой ленте – для ношения на шее. Кроме того, нередко они получали и государственные знаки отличия.

Таким образом, в рассматриваемое время в Сибири происходило формирование системы городского самоуправления. Создание городских магистратов и ратуш, а затем городских дум и управ при всей их громоздкости, подконтрольности коронной власти все же значительно изменили структуру и характер городского общества. Несмотря на то

что функции городских органов не были четко определены и часто дублировались, а зависимость от власти зачастую сводила на нет их самостоятельность, они все же достаточно успешно решали вопросы городского хозяйства и обустройства, содействуя экономическому развитию городов. Выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы способствовали социализации и сплоченности городского социума, выдвигали лидеров и подвижников общественного служения.

Эволюция бюджетной политики городов Сибири проявлялась в тенденциях к росту доходов и постепенному смещению источников пополнения городской казны от прямых сборов с населения к поступлениям от торговли и имущества. В то же время расходная часть бюджета отличалась консервативностью и устойчивостью своей структуры. Крайне невелики были ассигнования на развитие социальной и культурной сферы городов. В результате деятельность городских органов власти была направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию города.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 5

1. Дайте характеристику таким органам городского управления, как магистрат и ратуша.
2. Сфера компетенции городской думы по Жалованной грамоте городам.
3. Назовите особенности формирования бюджетов сибирских городов.
4. Правовое положение сибирского городского населения в дореформенный период.
5. Роль городского головы в управлении городским хозяйством.

Литература к теме 5

1. Головачев П. М. Сибирь в Екатерининской комиссии: Этюды по истории Сибири XVIII века / П. М. Головачев. – М. : Тип. В. Ф. Рихтера, 1889. – 127 с.
2. Городское самоуправление в Иркутске : от Екатерины Великой до Дмитрия Медведева / под ред. М. М. Плотниковой. – Иркутск : Операт. тип. «На Чехова», 2008. – 218 с.

3. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск : ИД «Сова», 2006. – 352 с.
4. Нардова В. А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика / В. А. Нардова. – Л. : Наука, 1984. – 260 с.
5. Покровская И. М. Наказы от городов Сибири в Уложенную комиссию 1767 года как исторический источник // Археологический ежегодник за 1961 год. – М., 1962. – С. 82–99.
6. Рабцевич В. В. Сибирский город в дореформенной системе управления / В. В. Рабцевич. – Новосибирск : Наука, 1984. – 197 с.

В экономической жизни сибирского дореформенного города торговые отношения играли особую роль. Пушные ресурсы Сибири и торговля «мягким золотом» постепенно включали ее в общесибирский товарооборот, делая неотъемлемой частью России. Развитию торговли содействовали также значительные природные различия сибирских территорий, неодинаковая степень их освоения, наличие самобытного хозяйственного потенциала аборигенного населения, близость к границам Средней Азии, Монголии и Китая.

Важнейшими торговыми и товарораспределительными центрами Сибири с конца XVII в. становятся Тобольск, Енисейск и Иркутск. Через последний проходила вся торговля с Якутией, Забайкальем и Приамурьем. Образование устойчивых межрайонных связей содействовало формированию регионального рынка. Вплоть до начала XIX в. можно говорить лишь о развитии местных рынков, основанных на простом товарообмене городской и сельской продукции или на определенной специализации отдельных территорий. Межрегиональные связи были развиты слабее. Например, товарооборот между Западной и Восточной Сибирью сводился лишь к ограниченным статьям сельскохозяйственной продукции и крестьянских промыслов. В XVII – первой половине XVIII в. роль перевалочного центра между Западной и Восточной Сибирью отводилась Енисейску, который к тому же был одним из основных центров меховой торговли. Но с прокладкой Московского тракта Енисейск, лежащий севернее, утратил свое значение и его функции отошли к Томску. От Иркутска до Томска протянулась основная дорога, а от Томской пристани товары отправлялись дальше водным путем. По этому пути в основном и совершалась переброска китайских товаров из Кяхты и сибирской пушнины на запад, навстречу которым шли российские и европейские товары для промена в Китай и реализации на внутренних рынках Сибири.

Необходимо также добавить, что восточная часть Сибири специализировалась на промысловом хозяйстве, в то время как на западе основу экспорта составляло сельскохозяйственное сырье. Эту особенность в структуре и направлении товаропотоков из основных регионов Сибири отмечал позднее Г. Н. Потанин. «Купцы западной половины Сибири, — писал он, — со своими тяжелыми и громоздкими, но дешевыми товарами ездили сбывать их на Ирбитскую ярмарку, где и покупали для своей половины Сибири продукты московской мануфактуры; купцы же восточной половины Сибири проезжали со своими легкими для провоза, но дорогими мехами и чаями до Нижегородской ярмарки и здесь закупали фабрикат»⁵.

Чем дальше на восток, тем больше была экономическая зависимость территорий от российского капитала. Если предприниматели Западной Сибири, особенно Тобольской губернии, используя традиционную хозяйственную ориентацию на Уральский регион, еще могли вывозить часть сибирской продукции на пограничные ярмарки и в Ирбит, являвшийся основным местом размена продукции сибирского рынка на российские товары, то восточносибирское купечество, за исключением торговцев пушниной и чаем, не имело доступа не только в Европейскую Россию, но и в Западную Сибирь. В целом Сибирь была отрезана Уралом от рынков Европейской России. В обмене Сибири с российским Центром встречались два потока товаров: из Сибири — пушнина и небольшая часть сельскохозяйственного сырья, а из России — промышленные товары потребительского характера: мануфактура, одежда, металлические изделия. Сельское хозяйство и лесные ресурсы Сибири из-за отсутствия эффективно-го транспорта и из-за дороговизны перевозок развивались вне связи с российским рынком.

В рассматриваемое время в Сибири были представлены все основные формы торговли: развозная, ярмарочная и стационарная. До середины XVIII в. господствовала караванно-развозная. Торговая жизнь в населенных пунктах оживлялась с приходом купеческих транспортов. Съезды торговых

⁵ Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 238–239.

людей происходили почти каждый месяц, но более масштабными они были осенью, когда через города транзитом шли купеческие обозы в Кяхту. Разъездной торг в основном выполнял функции обмена промышленных товаров на продукцию сельских промыслов. При огромных сибирских расстояниях весь внутренний торг представлял собой постоянное движение товаров от более крупных рынков и ярмарок к мелким торжкам и базарам. К этому необходимо добавить транзитный характер российско-китайской торговли, при котором шло постоянное встречное движение из России к югу Иркутской губернии и обратно.

До середины XVIII в. ярмарочная торговля носила нерегулярный характер и была слабо подконтрольна центральной и местной администрациям. Ярмарки в это время возникали во многом стихийно как центры скупки пушнины у сибирских инородцев для последующего формирования в крупные оптовые партии, направляемые на российский и азиатский рынки. Со второй половины XVIII в. ярмарочная торговля получает распространение по всей России. Городовым положением 1785 г. предписывалось во всех городах «учреждать ежегодно одну ярмарку или более». Но далеко не каждый город мог стать центром межрегионального обмена, замыкая на себе все хозяйственные операции. Поэтому ключевых, межрегиональных ярмарок в Сибири было не так много. В первую очередь государство стремилось взять под свой контроль основные центры пушного промысла и торговли, которые в этот период сместились в восточные районы Сибири. В августе 1768 г. последовал указ Сената об учреждении в крупнейших центрах Восточной Сибири – Иркутске, Верхнеудинске и Якутске – торговых ярмарок, действующих по определенным правилам и в строго установленное время. В Иркутске предписывалось установить две ярмарки: осеннюю – с 15 ноября по 1 января и весеннюю – с 15 марта по 1 мая. В остальных городах учреждалось по одной ярмарке продолжительностью не менее двух месяцев. Наиболее крупной была Иркутская ярмарка. Ее товарооборот к концу века достигал 3,7 млн руб., что составляло почти 6 % от общероссийского. Иркутск стал самым торговым городом в Сибири. В городе насчитывалось более 400 торговых мест. Только в лавках гостиного двора ежегодный оборот достигал

550 тыс. руб., а к концу первой четверти XIX в. он возрос почти в три раза. Ведомости привозных товаров включали до 348 видов российских, европейских, китайских и сибирских товаров. Перечень товаров позволяет представить себе потребности и вкусы горожан. На первом месте находились ткани и различные изделия из них, особенно широк был выбор китайских шелковых и хлопчатобумажных тканей. На втором месте в структуре привоза находились металлические изделия для домашнего пользования и в качестве орудий труда. Из продуктов в Иркутск больше всего привозили мед и хмель, сахар и, конечно, различные сорта китайского чая. Иркутяне могли приобрести и товары из Западной Европы – главным образом некоторые виды тканей, предметы роскоши и сладости. В привозимых товарах заметно преобладали предметы, предназначенные для массового употребления широкими слоями горожан.

В Западной Сибири установление регулярной ярмарочной торговли относится к более позднему периоду. Первая такая межрегиональная ярмарка – Ишимская – была учреждена в 1797 г. В отличие от восточносибирских она была преимущественно аграрно-сырьевой, координируя движение грузов в сторону Урала и североказахстанских территорий. Со временем Ишим стал немалым конкурентом для Ирбитской ярмарки. Еще в большей степени для этой роли предназначалась Васильевская ярмарка в Тюмени, открытая в 1845 г. Преимуществом ее было местонахождение на главном сибирском тракте и в начале обширной речной системы, в то время как Ирбит был удален от Московского тракта на 180 верст. Но традиционный характер установившихся еще с XVII в. торговых связей, ориентированных на Урал, не дал возможность перенести центр сибирской торговли в Тюмень.

Наряду с ярмарками, имевшими значение центров внутренней торговли региона, в Сибири существовало много ярмарок и торжков сельского типа, обслуживавших местный рынок. Еще М. Д. Чулков в свое время отмечал, что в Сибири «почти в каждой слободе и большом селе бывают ярмарки в тот день, когда церковь празднует свой годовой праздник, так что по окончании обедни открываются лавки с разными

товарами для подлого народа»⁶. В 1818 г. в Восточной Сибири насчитывалось 57 различных ярмарок и торжков с годовым оборотом почти в 5 млн руб. Продолжительность их колебалась от одного дня до двух месяцев. Наиболее оживленный торг происходил зимой. На этот период приходилось до 70 % всего привоза товаров. Например, оборот зимней Иркутской ярмарки достигал 400 тыс. руб., а весенней – не более 20 тыс. Исключение составляли Ленские ярмарки. Они отличались многочисленностью и специализировались на пушной торговле. Определенных ярмарочных мест здесь не было, и торговля происходила на всем протяжении реки с купеческих паузков и барок.

Рост ярмарочной торговли наблюдался на протяжении всей первой половины XIX в. В 1851 г., по данным Ю. А. Гагемейстера, на территории Сибири насчитывалось 176 ярмарок, в том числе в Тобольской губернии – 81 ярмарка (46,0 %), в Енисейской губернии – 17 (9,6 %), в Иркутской губернии – 40 (22,7 %), в Забайкальской области – 14 (7,9 %), в Якутской – 19 (10,7 %), в Томской – 5 (2,8 %).

Ярмарочная сеть Сибири была достаточно развита, при этом каждая ярмарка выполняла важную задачу, которая заключалась в том, чтобы необходимые товары из разных мест доходили до покупателя. Безусловно, городские ярмарки имели большое значение для региона, и обороты их были несравненно выше сельских. В то же время для крестьян ярмарка выступала еще и в роли культурно-массового мероприятия, где попутно приобретались необходимые мануфактурные изделия. Как правило, сельские ярмарки и торжки устраивались в воскресные дни и церковные праздники, что обеспечивало приезд в волостные центры крестьян из самых отдаленных деревень.

По значимости и масштабности выделялись Иркутская, Якутская и Верхнеудинская ярмарки, обороты которых достигали сотни тысяч рублей. Общий привоз на ярмарки Иркутской губернии составлял в 1818 г. около 3,8 млн руб., почти половина его (47,4 %) приходилась на вышеуказанные ярмарки. Вокруг них сосредотачивался весь торговый това-

⁶ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. М., 1786. Т. 3. Кн. 1. О сибирских торгах. С. 67.

рооборот региона. Центрами внутренней торговли Сибири были также городские уездные ярмарки, которые обеспечивали приток товаров на рынки отдаленных районов. Сельские ярмарки, находившиеся на трактовых и водных путях, были ориентированы на обслуживание местного рынка.

Характерной особенностью ярмарочной торговли было преобладание привоза по сравнению с количеством распродаваемых товаров. Как правило, реализовывалось не более 50–60 % привезенных на ярмарки товаров. Часть нераспроданных товаров оставалась в городе для стационарной торговли, но в основном товары переходили на другие ярмарки. Как правило, купцы, получив партии товаров с Нижегородской или Ирбитской ярмарок, реализовывали их в декабре в Иркутске, а в январе переезжали на Верхнеудинскую ярмарку и далее в Кяхту. К марту они возвращались в Иркутск на вторую ярмарку уже с китайскими товарами, а в мае выезжали на Ленские и Якутскую ярмарки. В сентябре торговцы вновь собирались в губернском центре с большими партиями пушнины и дожидались новых обозов с российскими и европейскими товарами. Таким образом, устанавливался своеобразный кругооборот с движением товаров в ту или другую сторону. Как правило, такие цепочки выстраивались вокруг узловых межрегиональных ярмарочных центров, в свою очередь связанных с общероссийскими ярмарками и местами пограничной торговли. Причем если западносибирские цепочки ориентировались в юго-западном направлении (Урал, казахские степи, Средняя Азия), то ярмарки Восточной Сибири включали в свою схему северо-восток и пограничную торговлю с Монголией и Китаем. Таким образом, к середине XIX в. в Сибири сложилась своеобразная иерархия ярмарок, охватывающих все ее экономическое пространство – от группы оптовых узловых ярмарок до мелких сельских ярмарок и базаров.

К середине XIX в. ярмарки перестали быть основными центрами сибирской торговли. К этому времени местные предприниматели окрепли, вышли на сибирский и даже общероссийский рынок и «начали уже сами на многотысячные суммы доставлять в Россию китайских товаров и на обмен оных привозить оттуда российских». Количество привозимых ими товаров вполне удовлетворяло потребности в них не

только города, но и всего уезда. В 1830 г. иркутскими купцами было доставлено товаров почти на 6 млн руб., что в 8 раз превосходило общий привоз на Иркутскую ярмарку. В этих условиях существование двух продолжительных ярмарок в Иркутске не отвечало интересам местных предпринимателей. По их требованиям ярмарочная торговля здесь была ограничена одной месячной ярмаркой, проходящей в декабре.

Ярмарочная торговля носила сезонный характер, имела временные и пространственные рамки, являясь формой оптовой торговли. Она исключала широкие слои городского населения из непосредственных торговых операций. Основной торг происходил между крупными иногородними и местными предпринимателями. В этих условиях необходимым дополнением к ним становилась стационарная торговля, имевшая более продолжительные контакты между продавцом и покупателем.

О степени распространения постоянной торговли свидетельствовало большое количество лавок в ведущих городах Сибири. В Иркутске уже в конце 1780-х гг. действовало 2 гостиных двора с 467 лавками, хлебный рынок, где находилось 67 торговых точек, 13 харчевен, мясные и рыбные ряды. Современники справедливо называли Иркутск «средоточием всей многообразной Сибирской торговли, через который проходят или провозят разные товары, как следующие из России в Кяхту, в Якутск и в Камчатку, так и отправляемые из многих мест в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки лучшие пушные и также разные китайские товары». Губернский центр выступал в роли гигантской перевалочной базы, распределяя партии товаров по обширной территории Восточной Сибири.

Розничная торговля велась на торговых рынках и в рядах, а также в лавках под домами. С 1767 г., когда горожане получили право открывать лавки при своих домах, их численность быстро стало расти. В начале XIX в. в Иркутске насчитывалось до 30 каменных купеческих домов, первые этажи которых были предназначены для лавочной торговли. Всего, по данным А. Мартоса, в Иркутске при домах числилось 108 лавок, 18 погребов, 13 шкафов. Кроме них, 30 лавок находилось в мясном ряду, 26 – в рыбном, на мелочном рын-

ке – 35 лавок, 24 шкафа, 110 балаганов, 96 столов. Вокруг верхнеудинского гостиного двора сформировалась торговая площадь, на которой размещались торговые ряды и лавки М. Курбатова, А. Шевелева, Д. Пахолкова, а также кузницы, мясной ряд и хлебный рынок. Кроме того, в городе были винные магазины, питейные дома и амбары для хранения товаров. В 1838 г. торговую инфраструктуру в Верхнеудинске составляли 3 провиантских, 2 винных, 2 соляных магазина, 3 питейных дома, съестной рынок и два гостиных двора на 74 торговые лавки.

Оживленная торговая жизнь кипела в Кяхте. Кроме оптовой торговли здесь значительное развитие получила мелочная торговля, в которой участвовало значительное количество забайкальских жителей. В гостиных дворах Троицкосавска и торговой слободы насчитывалось 123 лавки. Кроме них, на мелочном и съестном рынках торговля производилась из 45 лавок, 2 лавок хлебного амбара, соляного и провиантского магазинов, 5 питейных домов и 2 погребков с виноградным вином. То есть всего здесь насчитывалось 181 место стационарной торговли. По удельному весу купечества Кяхта была самым торгующим городом не только Сибири, но и России. В 1850-х гг. торговый оборот градоначальства составлял более 30 млн руб. в год, а в обоих населенных пунктах (с Троицкосавском) проживало в 960 домах почти 5,5 тыс. человек. Здесь официально было зарегистрировано 58 торговых фирм. В 1862 г. только в самой торговой слободе состояло 276 купцов и находилось 165 торговых лавок.

Торговые обороты малых городов Сибири были значительно меньше. Годовой оборот Киренска в середине 1850-х гг. составлял всего около 30 тыс. руб. В Нижнеудинске было всего 11 мелочных лавочек. Но город после объединения с подгородной слободой быстро рос. В 1865 г. в нем насчитывалось уже 546 жилых домов, 8 складских магазинов, 47 торговых лавок.

На фоне постепенного сокращения торговли из лавок и складов гостиных дворов заметнее стала роль магазинной торговли, специализировавшейся на определенных группах товаров, что увеличивала возможность выбора для горожан, содействовала формированию потребительского спроса. Число мест постоянной торговли росло на протяжении всего пе-

риода. В середине XIX в. количество торговых заведений Иркутска превышало показатели Тобольска, Томска и Тюмени, вместе взятых. Из более чем полутора тысяч мест стационарной торговли, что насчитывалось в городах Восточной Сибири, почти половина находилась в губернском центре. В среднем приходилось по одной лавке на 20 горожан. Более высокой степени коммерческого сервиса не было ни в одном другом сибирском городе. Да и в России подобных торговых городов было не так много. Словом, как отмечал М. Александров, «торговля и нажива – вот два термина, которые ярко блистали на горизонте иркутском в то время и в центре которых, как в фокусе зажигательного стекла, сосредоточивались жизнь и жизненная деятельность»⁷. Следует сказать также, что развитие специализации в торговом маркетинге важно не только для самой торговли, но и для «формирования ценностных социальных категорий городской культуры, ибо она создает материальную основу избирательности горожанина как поведенческой привычки»⁸. В Иркутске каждый покупатель мог найти свой товар соответственно своим доходам и потребностям. Весь оборот внутренней торговли Иркутской губернии в первой трети XIX в. превышал 13 млн руб. В том числе на Прибайкалье приходилось до 8,8 тыс. руб., а обороты внутренней торговли в Забайкалье составляли около 4,8 млн руб.

Развитие торгово-предпринимательской деятельности в Сибири сдерживалось общим недостатком капиталов в крае. Россия еще не имела своей системы кредита, оказывая некоторую поддержку лишь дворянскому предпринимательству. В этих условиях приходилось пользоваться услугами частного кредита. Так, огромный для своего времени капитал иркутского купца первой гильдии Н. Н. Мыльников более чем наполовину состоял в долгах за разными людьми по векселям. Нередко купцы выступали одновременно и как кредиторы, и как векселедатели. Иногда в роли типичных ростовщиков выступали представители местной администрации и

⁷ Александров М. Воздушный тарантас // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 416.

⁸ Резун Д.Я. О некоторых исторических категориях городской культуры Сибири ХУП – ХIХ в. // Роль Сибири в истории России. Новосибирск, 1993. С. 6.

дворяне, превращая свои накопления в капитал и эксплуатируя его путем получения процентов.

Первые кредитные учреждения в Сибири появляются во второй половине XVIII в., но еще в ряде наказов от сибирских городов в Комиссию об уложении содержалась просьба об учреждении казенных банков. Так, в наказ от Барнаульского завода была включена просьба открыть банк с оборотом в 50 тыс. руб. на 10–15 лет, а томские купцы ходатайствовали об учреждении казенного банка под присмотром местного магистрата также с небольшим уставным капиталом в 30 тыс. руб. В 1776 г. была учреждена Банковская контора в Тобольске с капиталом в 1 млн руб. Спустя три года подобная контора была открыта в Иркутске, ее капитал составил 500 тыс. руб. Надо признать, что появление этих учреждений оказалось несколько преждевременным. Сибирское купечество не обладало еще достаточным капиталом и не могло осуществлять кредитные операции в больших размерах. Иркутская банковская контора просуществовала около 10 лет и была ликвидирована вместе с Тобольской в 1776 г. из-за малого обращения капиталов. Кроме них, занимались кредитованием приказы общественного призрения, учрежденные в 1775 г. Они имели право выдавать займы купечеству под залог недвижимого имущества. Размеры ссуд составляли от нескольких сот рублей до нескольких тысяч рублей. Право заниматься кредитными операциями получали и органы городского самоуправления. В 1809 г. городским думам было разрешено использовать для кредитования купечества часть сборов с их капиталов. Купечество использовало и другие источники. Так, когда после смерти купца Пелопонесова его капитал в размере 16,8 тыс. руб. за отсутствием наследников поступил в ведение иркутского сиротского суда, купечество добилось разрешения использовать его как ссудный капитал.

Первый российский городской банк появился в Вологде вскоре после выхода в свет Жалованной грамоты городам, которая позволяла из остающихся от городского расхода денег заводить общественные банки. Спустя два десятилетия общественный банк был открыт в городе Слободском Вятской губернии. Основателем его стал местный купец Ксенофонт Анфилов, пожертвовавший в основной капитал бан-

ка 25 тыс. руб. личных средств. Его пример не остался незамеченным, и к середине XIX в. в России открылись ещё 16 городских банков. В числе первых оказались и сибирские банки. Первый частный банк в Иркутске появился в 1837 г. при сиропитательном доме Е. Медведниковой. Его первоначальный капитал составлял 14,3 тыс. руб. Цель банка заключалась в предоставлении возможности гражданам Иркутска всех сословий получения кредита для развития торговых операций. Несмотря на то что банк назывался частным, он был по сути своей городским общественным банком, так как контролировался городской думой, а управляли им лица, избираемые городским обществом. Обороты банка быстро росли и к 1870 гг. составляли около 6,8 млн руб.

Возраставшая потребность в кредите для торговых и промышленных целей вызвала появление в Сибири новых банков. В 1860 г. был создан Государственный банк России с целью обновления торговых оборотов и упорядочения денежной кредитной системы. В 1860-х гг. его отделения появились в ряде сибирских городов, в том числе в Иркутске. В 1872 г. в Екатеринбурге был учрежден акционерный Сибирский торговый банк, также открывший свои филиалы в городах Сибири. В 1890-х гг. появились филиалы Русско-Китайского, а затем и Русско-Азиатского банков, специализировавшиеся на внешнеторговых операциях с Китаем и Монголией.

Таким образом, решающая роль в развитии экономической жизни городов Сибири и создании местных меновых связей принадлежала внутренней торговле. Увеличение ее объемов способствовало расширению социального состава торгующих, развитию в городах разветвленной торговой инфраструктуры, росту потребительского спроса.

Городской рынок Сибири носил многоуровневый характер. Различные формы торговли не подавляли, а дополняли друг друга. Стационарная торговля обслуживала города, развозная – сельскую местность, а ярмарки соединяли регионы Сибири в единый хозяйственный комплекс. Господствующей формой торговли на протяжении всего периода была ярмарочная, охватывающая все экономическое пространство Сибири системой торговых цепочек от оптовых узловых ярмарок до мелких сельских торжков и базаров. К середине

XIX в. все заметнее становится роль стационарной торговли, лучше отвечающей повседневному потребительскому спросу городского населения.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 6

1. Назовите основные формы торговли в Сибири.
2. Что из себя представляла ярмарочная торговля?
3. Роль иркутской ярмарки в развитии внутреннего рынка Сибири.
4. Магазинно-лавочная торговля в городах Сибири.
5. Первые городские банки Сибири.
6. Специфика торговой жизни Кяхты.

Литература к теме 6

1. Резун Д. Я. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX в. / Д. Я. Резун, О. Н. Беседина. – Новосибирск : Наука, 1993. – 140 с.
2. Шахеров В. П. Формирование экономического пространства Сибири в XVII – начале XX вв. // Административно-государственное и правовое развитие Сибири XVII–XXI веков. – Иркутск, 2002. – С. 153–179.
3. Шахеров В. П. Экономика сибирского дореформенного города (на материалах городов Байкальской Сибири) / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – 256 с.
4. Шпалтаков В. П. Формирование и развитие рыночного хозяйства в Западной Сибири в первой половине XIX в. / В. П. Шпалтаков. – Омск : Литограф, 1997. – 304 с.
5. Щеглова Т. К. Ярмарки юга Западной Сибири в XIX – начале XX века. Из истории формирования и развития всероссийского рынка / Т. К. Щеглова. – Барнаул : Изд. Алт. ун-та, 2001. – 504 с.

ПРОМЫСЛЫ И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

С появлением посадского населения в городах Сибири получили некоторое развитие местные промыслы и ремесла. Среди переселенцев и ссыльных из Европейской России были специалисты в различных ремесленных производствах. Прозвища иркутских посадских людей конца XVII в. свидетельствуют об их специализации: Семен Котельник, Евсений Кузнец, Иван Кваснин, Иван Кирпишник, Иван Колокольник, Семен Скорняк, Тихон Шорник, Любим Выжигальщик. Если плотницкое мастерство было доступно почти всему взрослому мужскому населению города, то начало каменного строительства в сибирских городах вызвало необходимость появления каменных дел мастеров и кирпичников. Для строительства первых каменных храмов и казенных зданий в городах появились кирпичные сараи. Один из первых построил посадский Иван Кирпичник. Уже в 1701 г. в Иркутске в строительных работах было занято 43 ссыльных. Они заготавливали глину, ломали и тесали камень, строили кирпичные сараи. Всеми работами руководил присланный из Верхотурья «каменного дела подмастерье» Моисей Иванов Долгих. Каменное строительство в сибирских городах было полностью обеспечено местным строительным материалом. Лес, камень, глина, известь заготавливались в ближайших окрестностях.

Некоторое развитие в городах получила обработка животного сырья. Уже в XVIII в. во многих сибирских городах значительное количество жителей было занято в выделке кож, изготовлении мыла и свеч. Некоторые из них работали не только по заказам, но и поставляли продукцию в другие города и уезды Сибири. Первые успехи земледельческого освоения края, особенно в Западной Сибири, привели к появлению мукомольного дела и винокурения. В первые десятилетия существования Иркутского острога хлебное вино привозили из Тобольска и Енисейска, но уже в 1680-х гг. по-

являются небольшие винокурни и пивоварни. Скупая в большом количестве хлеб у красноярских и иркутских крестьян, торговые гости братья Ушаковы организовали в Красноярске и Иркутске крупное квасное, пивоваренное и винокуренное производства. На их иркутском заводе выкуривалось более 10 тыс. ведер вина. Им же принадлежали две большие мельницы на реке Иде, которая стала называться Ушаковкой. С ростом посадского населения заметно растет число ремесленников. Если в 1744 г. иркутские цеховые насчитывали 271 ревизскую душу, то в 1779 г. их уже было 742, а в 1785 г. в цехах состояло 1275 человек. Надо сказать, что ремеслом и разными рукоделиями занимались и другие слои городских низов. Во второй половине XVIII в. численность цеховых ремесленников в Иркутске заметно увеличилась. Но по-прежнему не хватало опытных, квалифицированных мастеров. В 1769 г. в городе состояло 726 цеховых, но Иркутская земская изба считала, что этого числа мало для удовлетворения местных нужд, и рекомендовала увеличить их количество в три раза.

В первой половине XVIII в. ремесленное производство появляется и в забайкальских городах. В Селенгинске в начале 1720-х гг. было около 60 ремесленников самых различных специальностей. Наибольшее развитие получили кожевенное и связанное с ним мыловаренное дело. Что касается развития ремесла в Верхнеудинске, то документы приводят достаточно полную характеристику ремесленных занятий верхнеудинцев: «В числе мещанства есть такие, которые делают кирпичи, ломают из гор фундаментные камни и готовят природные, собирают булыжники, умеют обжигать известь, готовить строевые леса, куют из железа разные вещи, в кожевнях выводят кожи, занимаются портным и сапожным ремеслом, делают горшки и корчаги»⁹.

Обслуживание крупной меновой торговли в Кяхте привлекало сюда мастеровых и ремесленников из разных мест Сибири. Уже в 1774 г. в Кяхте насчитывалось до 908 цеховых. Наиболее развито было кожевенное производство, так как для упаковки китайских товаров требовалось большое

⁹ Архив Российского географического общества (АРГО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 49. Л. 93 об. – 94.

количество кож. При кяхтинской таможне находилась специальная ширельная артель, занимавшаяся упаковкой китайских товаров, главным образом разных сортов чая. Сначала она состояла из 40 кяхтинских мещан, но быстро выросла до 150 человек.

Специалисты разных ремесел были объединены в цеха. Введение цеховой системы в России было во многом явлением искусственным, преследовавшим прежде всего фискально-полицейские цели. Запись в цех была свободной для всех категорий трудового населения. Открытым был и выход из него. Для цеховой организации не была характерной жесткая регламентация количества и качества изделий, числа подмастерьев и учеников, свойственная западноевропейским цехам. Все цеховые составляли особое общество, во главе которого стоял староста, выбираемый на общем сходе. В конце XVIII в. в Иркутске насчитывалось 14 цехов. Ремесленных специальностей было, конечно, значительно больше. По «Ведомости цеховых и мастеровых Иркутска» за 1785 г. в 14 цехах состояло 1275 ремесленников, представляющих 54 специальности. Абсолютное большинство (77,9 %) занималось переработкой сельскохозяйственного и минерального сырья. Остальные специализировались в добывающих промыслах. Первостепенное значение получила обработка животного сырья, где ведущей специальностью было кожевенное производство. В обработке кожи, приготовлении изделий из нее, утилизации отходов было занято более 300 цеховых. К числу ведущих ремесел можно отнести также деревообрабатывающие, портновские, изготовление металлических изделий и кирпича. В самостоятельный цех выделялись мастера иконописи и малярных работ. В 1850-х гг. в Иркутске насчитывалось уже 1315 ремесленников, из них 440 мастеров. Больше всего было кирпичников и печников (237), извозчиков (104), портных (132) и сапожников (104). Крупных ремесленных мастерских было немного. Обычно работал один хозяин – мастер – с двумя-тремя учениками и рабочими. Кроме цеховых ремесленников, в Иркутске было много кустарных мастеров, особенно в дамско-портновском ремесле, сапожном, шубно-овчинном, булочно-кондитерском.

Занятия ремеслом не являлись сословной привилегией цеховых. В разной форме и объемах ремеслом занимались

мещане, разночинцы, крестьяне и даже ссыльные, которые, по признанию местных властей, «гораздо удобнее и дешевле готовят для городских жителей вещи всякого мастерства». Для более действенного использования ссыльных была создана система ремесленных, или рабочих домов. В Иркутске такой дом был устроен в 1799 г. Первоначально он назывался «конторой строения домов и разных ремесел» и объединял до 100 ссыльных. Спустя два десятилетия в нем и в слободе, возникшей вокруг ремесленного дома, проживало уже до 1000 человек. В начале XIX в. ремесленные дома и их отделения возникли в других крупных городах Сибири. В большинстве малых городов ремесло в течение всего рассматриваемого периода оставалось на уровне домашнего производства, почти не связанного с рынком.

Сибирские города, даже такие крупные как Тобольск, Томск, Иркутск, Красноярск, Барнаул, не знали примеров перерастания ремесленных мастерских в мануфактурное производство. Более характерным было внедрение купеческого капитала в те или иные отрасли, но оно не нашло массового характера и почти всегда было подчинено торговой деятельности. Преобладание в Сибири торгово-промыслового капитала и избыток торговых возможностей привели к тому, что промышленность в сибирских городах не получила достаточного развития, оставаясь в течение всего периода на уровне мелкотоварного производства. Причинами слабости сибирской промышленности можно назвать недостаток капиталов и квалифицированной рабочей силы, засилье продукции российских фабрик и заводов.

Малочисленные и маломощные сибирские предприятия не могли серьезно конкурировать с продукцией российских фабрик и заводов. Они возникали и развивались лишь в тех отраслях обрабатывающей промышленности, которые были тесно связаны с местной сырьевой базой, и обслуживали ближайший рынок. Лучше всего этим условиям отвечали производства, основанные на переработке животного сырья, — кожевенные, мыловаренные, салотопенные. Первые мануфактуры как бы исчезали в общей массе мелких заведений, отличаясь от них лишь степенью концентрации рабочих рук и разделением труда.

Наиболее массовым производством в Западной Сибири была обработка кож. Она была развита в Тобольске, Томске, Тюмени, Курганском и Ишимском округах. Некоторое значение имело овчинное производство в Ялуторовском округе. Первая кожевня в Тюмени была построена купцом С. Прасоловым еще в 1738 г. В начале XIX в. в городе действовало 15 кожевенных заводов, в 1825 г. уже 18. Кроме отраслей обрабатывающей промышленности, с конца XVIII в. некоторое развитие получили такие достаточно редкие для Сибири производства, как полотняное, стекольное и писчебумажное. С 1791-го по 1811 г. в Тобольске действовала крупная полотняная фабрика статского советника Куткина. К ней было приписано до 100 ссыльных. Продукцию фабрики составляли салфетки, платки, ленты, кружева, тесьма, которые сбывались не только в города Тобольской губернии, но и в среднеазиатские государства.

Достаточно рано в Тобольской губернии начинает развиваться писчебумажная промышленность. В 1751 г. купцом А. Дьяковым было устроено первое производства бумаги в Тобольске. Чуть позднее заработала бумажная фабрика братьев Корнильевых. В 1789 г. при ней была открыта первая в Сибири частная типография. Общий тираж выпущенных ею изданий составил более 12 тыс. экземпляров. Значительный размах получило стекольное производство. В 1830-х гг. в Тобольской губернии действовало 12 стекольных и хрустальных заводов, 7 из них принадлежали купцам, а 5 – зажиточным крестьянам. Наиболее крупным было предприятие купца Медведева в Ялуторовском уезде. На заводе было налажено производство белого и зеленого оконного стекла, фаянсовой посуды, украшенной цветным орнаментом, хрустальной посуды, зеркал. За распространение мануфактурной промышленности в Тобольской губернии Медведев был награжден золотой медалью на Анненской ленте.

В середине XVIII в. на учете Мануфактур-коллегии состояло всего три иркутских заведений. В 1755 г. богатейший иркутский купец М. Глазунов приобрел у московского предпринимателя Мамонтова шелковую фабрику. Заведению Глазунова предписывалось «делать платки и ленты самым добрым мастерством». Иркутским купцом С. Прокопьевым были основаны две небольшие мануфактуры: стеклодела-

тельная и шелкоткацкая. На одной выделялась посуда из зеленого стекла, на другой ткались из китайского шелка платья и кушаки. Еще одно небольшое стеклоделательное заведение принадлежало аптекарю Бранту. Еще несколько иркутских купцов имели промышленные предприятия за пределами города. В 1757 г. к иркутскому купцу И. Бестужеву отошла суконная фабрика на реке Тельме, основанная группой московских и великоустюжских купцов еще в 1731 г. На ней было занято 87 работников из числа приписных ссыльнопоселенцев. С 1773 г. она стала принадлежать Алексею и Михаилу Сибиряковым. На Лене купцы Ворошиловы владели Усть-Кутским соляным заводом, а около Селенгинска находились соляные промыслы, принадлежавшие иркутскому купцу М. Пахолкову. Этим перечнем ограничивались все мануфактурные заведения Иркутской губернии в середине XVIII в.

В основном частный капитал пытался использовать местные сырьевые ресурсы и ближайший рынок. Попытки внедриться в горнодобывающую промышленность были еще более неудачными. Здесь безраздельно господствовало государство, а со второй половины XVIII в. – Кабинет, являющийся по своей сути органом вотчинного управления. Центром крупного горно-металлургического производства стали районы Алтая и Восточного Забайкалья.

В Иркутской губернии наиболее развитым в промышленном отношении был Иркутск. В начале XIX в. в городе действовало 42 предприятия, в том числе 16 кожевенных и один козловый завод, 11 мыловаренных, 3 салотопные свечные, шляпная и полотняная фабрики, по 2 пивоваренных, солодовых и пильных заведения, водочный, котельный и колокольный заводики. Кроме того, были еще кирпичные заводи, кузнечные ряды, небольшое фарфоро-фаянсовое заведение и стекольная фабрика в устье реки Тальцинки. Конечно, многие из иркутских «заводов» только по своему громкому названию относились к мануфактурным заведениям. По сути же это были небольшие мастерские с двумя-тремя работниками. Распределение обрабатывающей промышленности по территории Байкальской Сибири было неравномерным. Фактически сложились два основных центра – Иркутский и Верхнеудинский уезды. В Прибайкалье практиче-

ски вся промышленность была сосредоточена в Иркутске. В Забайкалье же городская промышленность была развита слабо. В 1810 г. в Верхнеудинске действовало всего 7 небольших кожевенных заведений и 1 мыловаренный заводик, производивший не более 40 пудов мыла в год. Вместе с тем значительное развитие получила крестьянская кожевенная промышленность, располагавшаяся в Ильинской и Итанцинской волостях. В 1811 г. из 32 кожевенных предприятий Верхнеудинского уезда более 80 % составляли крестьянские заведения.

Отмеченное размещение промышленности Прибайкалья и Забайкалья сохранялось на протяжении всего рассматриваемого периода. Изменилось лишь соотношение между городской и сельской промышленностью Верхнеудинского уезда. В 1831 г. из 96 предприятий обрабатывающей промышленности региона в Иркутском уезде находилось 50, в Верхнеудинском – 46. В уездах они распределялись следующим образом: в Иркутске – 45, в уезде – 5; в Верхнеудинске – 23, в уезде – 23.

В конце XVIII – начале XIX в. обрабатывающая промышленность Восточной Сибири почти не уступала западно-сибирской. Так, в 1805 г. кожевенные предприятия Иркутской губернии, составляя 36,2 % всех сибирских заводов, сосредоточивали у себя 26,6 % оборудования, 47,2 % рабочей силы и 31,25 % вырабатываемой продукции. Если же взглянуть на соответствующие показатели Тобольской губернии, то окажется, что иркутские кожевни превосходили их по численности и концентрации работников, но почти в два раза уступали по объему производства. Основной специализацией как тобольских, так и иркутских заводов была выделка юфти. На ее долю приходилось 90,7 % продукции кожевенных заводов Тобольской губернии и 80,4 % – Иркутской. Иркутские мыловаренные и свечные заводы также выделялись на общесибирском фоне, концентрируя у себя 36 % оборудования, 56 % наемных рабочих и около 41 % продукции. В дальнейшем, несмотря на некоторый рост предприятий обрабатывающей промышленности региона, размеры их значительно мельчают, а отставание от Западной Сибири по общей сумме производства становится более заметно. В 1820 г. местные кожевенные заведения по объему производ-

ства уступали тобольским почти в 3 раза, а если сопоставить среднюю выработку на одно предприятие, то разрыв достигнет пятикратного размера (478,7 кожи в Иркутской губернии против 2409,5 кожи в Тобольской).

Продукция иркутских промышленных заведений не удовлетворяла и половины городского спроса на мануфактурные изделия. В 1828 г. в Иркутске было потреблено различного привозного товара на 7,7 млн руб., в том числе только мануфактурных изделий на 142 тыс. руб., что в 1,5 раза превышало общую сумму производства местной промышленности. Среди них были и такие, на выпуске которых специализировалась местная промышленность: кожи и изделия из них, свечи, оконное стекло. Следует учитывать, что в стоимостном отношении сибирская продукция в несколько раз уступала более дорогим российским фабричным товарам. «Потребности, – писал Н. М. Ядринцев о Сибири, – у нее развились сильно, но окупить их своими продуктами она не в силах: сколько она ни дает продуктов, она все в долгу у мануфактуристов»¹⁰. Невысокая мотивация инвестиций сибиряков в местную промышленность объясняется также достаточно высокими доходами, которые давали торгово-предпринимательские операции, особенно на пушном рынке.

Несмотря на такие стимулирующие меры правительства, как указ 1839 г. о раздаче даром земель под фабрики и заводы, крупные производства в Сибири не возникали. Промышленные предприятия для большинства сибирских предпринимателей имели подсобное значение. Занятия торговлей они считали более выгодным вложением капитала. Исключение составляла золотопромышленность. Богатейшие запасы золота, огромный спрос на него на российском и мировом рынках, темпы кругооборота капитала, исключительно высокая норма прибыли обусловили приток в эту отрасль горнодобывающей промышленности крупных капиталов и рабочей силы. Во второй половине XIX в. Восточная Сибирь становится настоящим краем золотодобычи. Уже в середине XIX в. в числе первых привилегии на поиски и добычу золота получили иркутские купцы Сибиряковы, Трапезниковы,

¹⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. СПб., 1892. С. 362.

Баснины, Е. А. Кузнецов. Им и принадлежала честь открытия новых месторождений в Саянах, на Лене и в витимской тайге. Золотодобыча требовала значительных денежных вложений. Предпринимателям было трудно заниматься добычей в одиночку, и они все чаще создавали акционерные общества и компании. В 1865 г. иркутские купцы Сибиряков, Базанов, Трапезников и Немчинов основали две компании: «Прибрежно-Витимскую» и «Компанию промышленности в разных местах Сибири». В 1885 г. обе эти компании слились в одно предприятие, которому принадлежали 177 отводов участков, Ленское пароходство и Бодайбинская железная дорога. Компания в среднем получала до 275 пудов золота в год и колоссальные прибыли.

Основателями Ленского золотопромышленного товарищества также были иркутские предприниматели П. И. Катышевцев, П. Н. Баснин и Кокорин. Еще одна крупная компания иркутских купцов – «Бодайбинская» возникла в 1872 г. Паи принадлежали Немчиновой, Осокиным, Корзухиным, Котельниковым и Похолковой. Иркутские купцы Катышевцевы, Малых, Бутины, Фризер и другие владели значительными золотыми месторождениями в Забайкалье.

Еще в одной отрасли промышленности – винокуренной – традиционно были сильны купеческие капиталы. С 1840-х гг. государство дозволило частным лицам устраивать винокуренные заводы. В Иркутске было открыто четыре винокуренных завода, производящих продукции на 165 тыс. руб. Но наиболее крупные производства спирта и водок организовывались за пределами города, ближе к сырьевой базе. Иркутские заводы полностью обеспечивали потребности в крепких спиртных напитках не только в городе, но и в губернии.

Из новых производств можно отметить только небольшую суконную фабрику А. Векшина, заведенную в 1834 г. в 7 верстах от города, и появление табачных и сахарных заведений. В 1851 г. в Иркутске действовало 17 ручных табачных мельниц, а само производство не выходило за пределы цехового ремесла. В 1842 г. кяхтинский купец И. Пиленков устроил в Иркутске сахарный завод для изготовления белого сахара-рафинада из китайского сахара-леденца. В 1870 г. в Иркутске находилось 92 промышленных предприятия, которые производили продукции едва на 400 тыс. руб. Некоторые

отрасли в городе не были представлены вообще. По словам М. В. Загоскина, «Иркутск только привозит товары и продает, а сам ничего не производит, даже для местного употребления, а не только для вывоза в другие места... Нет здесь такого ремесла, которое бы удовлетворяло хотя бы сам город. И обувь, и мебель, и деревянные ложки – все привозное, местных изделий для самого города недостаточно»¹¹.

Таким образом, с ростом городов и посадского населения в Сибири некоторое развитие получили ремесло и местные промыслы. Большинство ремесленников были заняты в переработке сельскохозяйственного и минерального сырья. Остальные специализировались в добывающих промыслах. Наибольшее развитие ремесленное производство получило в крупных городах региона, которые отличались разнообразием хозяйственных занятий населения и специализацией ремесленных услуг. В большинстве малых городов региона ремесло в течение всего рассматриваемого периода оставалось на уровне домашнего кустарного производства, почти не связанного с рынком.

Развитие обрабатывающей промышленности сдерживалось общей экономической отсталостью Сибири, узким рынком сбыта, недостатком капиталов и рабочих рук. Промышленное развитие характеризовалось господством мелкотоварного производства, в общей массе которого первые капиталистические предприятия были едва заметны. Среди отраслей обрабатывающей промышленности наибольшее развитие получила переработка животного сырья, ведущее производство которой – кожевенная промышленность – в числе первых вступило на капиталистический путь. Отдельные мануфактуры появлялись в винокурении, стекольно-фаянсовом, суконном, писчебумажном и в некоторых других производствах.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 7

1. Причины слабого развития сибирского ремесла.
2. Цеховая система в сибирских городах.
3. Основные отрасли городской обрабатывающей промышленности в Сибири.

¹¹ Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1870. С. 23.

4. Особенности мануфактурного производства в Сибири.
5. Назовите причины быстрого роста частной золотопромышленности в первой половине XIX в.

Литература к теме 7

1. Кашик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье в XVII–XVIII в. // Очерки истории Сибири. – Иркутск, 1973. – Вып. 4. – С. 3–48.
2. Копылов Д. И. Обработывающая промышленность Западной Сибири в XVIII – первой половины XIX в. / Д. И. Копылов. – Свердловск, 1973. – 268 с.
3. Рафиенко Л. С. К вопросу о возникновении цеховой организации ремесленников Сибири в XVIII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). – Новосибирск, 1978. – С. 124–133.
4. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917) / С. Ф. Хроленок. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 312 с.
5. Шахеров В. П. Городские промыслы и ремесло южной части Восточной Сибири в конце XVII – начале XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв. – Барнаул, 2005. – С. 163–180.

Тема 8

ЗАСТРОЙКА И АРХИТЕКТУРА ГОРОДОВ СИБИРИ

Основная часть городов Сибири возникла в ходе открытия и присоединения ее территорий в середине и второй половине XVII в. Эти города выполняли на первом этапе своего становления чисто военно-административные задачи, заключавшиеся в сборе ясака с коренного населения и охране подведомственных территорий. Планировочная структура ранних городских поселений Сибири напрямую была связана с их военно-административной функцией. Практически все они представляли собой укрепленные остроги или, позднее, крепости, выстроенные в форме квадратов или правильных прямоугольников. Особенностью было и раннее формирование элементов регулирования застройки, отличавшее городские поселения от сельской застройки. Острог или крепость достаточно долго оставались заметным элементом городского пространства, организуя его вокруг себя. Среди городских строений этого времени несколько выделялись по размерам и архитектурному оформлению таможенные и приказные избы, гостиные дворы, воеводские дома. Застройка же посадской части города носила более естественный, хаотичный характер и зависела в основном от рельефа местности.

В XVIII в. городская застройка Сибири была представлена замкнутыми усадебными комплексами, включавшими в себя небольшой жилой дом на подклете и хозяйственные постройки. По мнению П. Словцова, в этот период «дома были скромные жилища, без украшений, без мебели»¹². О постройках Иркутска середины XVIII в. Е. А. Авдеева-Полевая отмечала в своих записках: «Лет сорок назад все дома строились самым старинным манером. Обыкновенно двор обносили высоким забором, что в Иркутске называют “заплот”; большие ворота были заперты засовом и отпирались только

¹² Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 406.

для проезда экипажей; для пешеходов была сделана калитка... Дома были высокие и строились в два жилья: вверх горницы, а нижнюю половину занимала кухня, которую называют там “подклет”, и кладовая, по-тамошнему, “подвал”. В иных домах были мезонины, которые называют в Иркутске чердаком; они были по большей части холодные»¹³. В сибирских городах преобладали небольшие жилые дома, занимаемые чаще всего одной семьей. Показатели людности колебались от 5,6 человек в Нижнеудинске до 7 – в Киренске или Нерчинске. Своеобразие Троицкосавска проявлялось и здесь. В самом городе на один дом приходилось до 7,5 человека, а в Кяхтинской слободе, где имели право проживать только купцы-оптовики, всего 4 человека. В целом средний показатель в регионе был несколько выше, чем в Западной Сибири, где в 1851 г. средняя норма жителей на дом составляла 5,8 человека. Наиболее высокий показатель был в губернском центре. В первой половине XIX в. он составлял в среднем до 8 человек, а к 1850-м гг. достиг 10. По данным Ю. А. Гagemейстера, средняя норма городских жителей России на один дом в середине XIX в. не превышала 8 человек.

Начало каменного строительства в Сибири было связано с рядом царских указов конца XVII в., предписывавших возводить церковные и казенные здания: приказные избы, таможни, «каменные анбары» для «всяких нужд и клади», из камня или кирпича – в целях борьбы с частыми пожарами. Для возведения каменных зданий и обучения сибиряков «каменному строению» практиковалась отправка из Москвы опытных мастеров и каменщиков. Первые каменные строения появились в Тобольске и Верхотурье. Затем мастера, здесь работавшие, отправлялись в другие города Сибири. Правительство и в дальнейшем поощряло каменное строительство в российских городах, в том числе и в Сибири. В конце XVIII в. в Иркутске было уже 34 каменные постройки, 24 из которых принадлежали иркутским купцам. Эти изменения в быту зажиточных иркутян отметил один из первых краеведов А. И. Лосев. «Первостатейные купцы, – писал он, – имеют огромные каменные, хорошо устроенные дома с вы-

¹³ Авдеева-Полевая Е.А. Записки и замечания о Сибири // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 19.

годным внутри расположением, на дворе службы, погреба и амбары, есть и садики в огородах. Мещане строят дома хотя менее, но порядочны, имеют зал, столовую, гостиную, спальню и кабинет»¹⁴.

Каменное строительство оказало заметное влияние на привычное представление о городе. Прежде всего это серьезно повлияло на развитие городской экономики, так как почти в каждом городе появились кирпичные заводы, и ремесло каменщиков становилось достаточно престижным. Кроме того, это серьезно изменило восприятие города. Если деревянный город воспринимался только в одноэтажной плоскости, за исключением церквей, то сейчас появилась уже двух-, трехэтажная вертикаль и горизонталь. Медленный рост частного каменного строительства объяснялся не только большими затратами. Помимо материального фактора сказывалось некоторое негативное отношение горожан к каменным постройкам. Как отмечал один из современников: «В Иркутске жители и по экономии, и по предрассудку не любят строить каменных домов: они полагают, что каменные дома всегда сохраняют в себе сырость, и потому вредны для здоровья»¹⁵. Причиной невысокого темпа застройки каменными зданиями была также нехватка мастеровых. В относительно крупных масштабах каменное строительство шло лишь в Тобольске и Иркутске. В других городах она оставалась незначительной. В начале XIX в. в Сибири насчитывалось 222 каменные постройки, из них 113 культовые, 4 крепостные, 33 административно-хозяйственные, 72 частные. Из них в Иркутске – 16 церквей, архиерейский дом, семинария, 10 административно-хозяйственных зданий, в том числе 2 гостиных двора и 31 частный дом. Во многих городах каменных строений не было вообще.

К концу XVIII в. вслед за городами Европейской России города Сибири встали на путь перехода к регулярной планировке и рациональному освоению территории. «Живописный» город постепенно превращался в «регулярный». Создание перспективных планов способствовало формированию и закреплению в исторической перспективе городского ядра,

¹⁴ Лосев А.И. Географическо-статистическое описание Иркутской губернии // Весь Иркутскъ. Иркутск, 1992. С. 239

¹⁵ Там же. С. 241.

административных, торговых, духовных центров, направлений главных магистралей. Основные этапы эволюции планировочной системы города, его силуэтной композиции наглядно прослеживаются в материалах картографического наследия сибирских городов. В 1792 г. был утвержден первый регулярный план Иркутска, выполненный архитектором Алексеевым. Он сохранял композиционную основу старой части города и намечал более четкую прямоугольную структуру в новых направлениях, за линией прежнего палисада. В эти же годы разрабатываются планы и для других городов Сибири. В 1798 г. Я. Федоровым были составлены планы для всех уездных городов Иркутской губернии. Для большинства малых городов они представляли фиксированные чертежи. В то же время такие города, как Верхнеудинск, Киренск, Нижнеудинск, Якутск получили планировочную структуру. Для них было выполнено функциональное зонирование городской территории, определены места для административных учреждений, а основным планировочным элементом выступали торговые площади с гостиными дворами. Наряду с общими планировочными приемами можно заметить и некоторые отличительные признаки, вызванные индивидуальными градостроительными ситуациями. Так, план Верхнеудинска определялся широтной и меридиональной трассировкой улично-квартальной сети вдоль берегов Селенги и Уды, а также въездом со стороны Иркутского тракта, который в границах города становился главной улицей. На плане Нижнеудинска были отмечены как собственно город на правом берегу Уды, так и Подгородная слобода на левом. Но если для города применена регулярная перспективная застройка, то слобода показана с живописной планировочной структурой. Существенной особенностью нового подхода была организация квартального пространства. Например, на плане Киренска было выделено пять типов кварталов и показана их застройка. Во всех вариантах были представлены не только «обывательские строения», но и хозяйственные постройки.

Первоначальная застройка вокруг Кяхтинского форпоста и Троицкой крепости во многом определялась рельефом местности, расположением рек, а также Селенгинской дорогой, пролежавшей мимо крепости к торговой слободе. План

Троицкосавска задавал застройке форму многоугольной звезды с квадратной площадью в центре и прямоугольной сеткой улиц. Направление застройки во многом определялось городским ландшафтом, главную роль в котором играли три небольшие речки, обычно маловодные, но в период распутицы превращающиеся в бурные потоки. Эти речки делили город на три части, в которых и формировались жилые массивы. Каждая из частей получила свою прямоугольную сетку улиц. План Кяхтинской слободы того же времени предполагал приведение в порядок стихийно сложившейся застройки севернее и западнее форпоста. Планы середины XIX в. сохранили в целом сложившуюся градостроительную ситуацию, предлагая лишь дальнейшее ее развитие и упорядочение.

В планировке и застройке городских центров Сибири в этот период значительное место уделялось формированию деловых центров. Центром их обычно становились торговые площади со множеством гостиных дворов, торговых рядов, лавок, рынков, таможенных помещений. Особенно ярко торговая инфраструктура проявлялась в ярмарочных городах региона. Неустанной заботой губернских властей было формирование административных центров, в которых сосредотачивались различные казенные постройки, здания городского самоуправления и другие присутственные места. В направлении основных городских центров сходились главные улицы и дороги. Остальное пространство города приобретало самостоятельное значение и требовало специальной архитектурной организации. Этим и было вызвано пристальное внимание к разработке типовых фасадов зданий, к которым переходила главная роль в формировании облика города. Число домов по уставу Управы благочиния не должно было быть более 100 на квартал. Но в сибирских городах установленная норма не соблюдалась. Здесь в квартале могло быть от 130 до 200 жилых строений и более, «как по малости домов, так и по скудости жителей».

Особое место в городской архитектуре занимали соборные площади, на которых располагались комплексы церковных построек, включающие обычно, кроме храмов, и другие духовные учреждения. Их высота, живописные виды во многом определяли силуэт и выразительность панорамы города. С исчезновением крепостных и острожных ансамблей, опре-

делявших силуэт города в конце XVII – первой половине XVIII вв., главенствующая роль в формировании городского облика переходит к культовой архитектуре. Строительство церквей, кроме того, существенно меняло планировку города, создавая новую систему площадей и улиц. Храмы строились с учетом ландшафтных особенностей, что придавало городам неповторимую индивидуальность. Конечно, в первую очередь это касалось крупных городских центров Сибири, таких как Тобольск, Томск, Иркутск, в которых большое количество храмов определялось наличием духовного управления, а главное – многочисленным и зажиточным купечеством, щедро финансировавшим церковное строительство.

Работы по планировке провинциальных городов велись под руководством Комиссии для устройства городов Санкт-Петербурга и Москвы, основанной в самом начале царствования Екатерины II. Одной из задач ее было распространение принципов типового и повторного строительства на территории страны. Под руководством Комиссии были разработаны и рекомендованы для внедрения книги типовых проектов фасадов жилых домов. Первая такая книга «Опыт городским и сельским строениям» вышла в 1785 г. Однако на практике к типовому строительству в глубинке обращались мало. Сам характер строительства в провинциальных городах препятствовал широкому применению типовых проектов. Только центры городов, где застройщиками или координаторами массового строительства выступали в основном губернские власти, получали более или менее целостное ансамблевое решение. Многообразие во внешнем облике зданий не наблюдалось, порой одни и те же чертежи использовались при возведении нескольких домов. Застройка велась по уже разработанным и апробированным фасадам, но остальная часть дома отдавалась на разработку местным архитекторам. Будучи людьми творческими, местные архитекторы вносили в типовые фасады свои изменения. Им также было необходимо «привязать» постройку к конкретному месту и следить за ведением строительства.

Ряд проектов рекомендовал для применения раскрашенные фасады. Цоколи окрашивались в серый цвет, стены домов – в светло-желтый, светло-зеленый, светло-серый или светло-синий цвета. Такая окраска использовалась в соответ-

ствии с изданным в 1817 г. указом, запрещавшим применение ярких красок и рекомендовавшим красить здания в бледные тона, образцы которых рассылались на специальных дощечках. К этому же времени относится проникновение в городскую застройку новых стилистических приемов, связанных со стремлением придать деревянному дому сходство с каменным. Обычно дом обшивался тесом для придания ему имитации каменной кладки. Так же отделявались все основные детали здания. С помощью таких приемов дома приобретали городской вид. Наиболее популярны подобные приемы были среди чиновничества, купечества и зажиточных мещан. Естественно, чем больше и богаче был город, тем большее количество домовладельцев стремилось соответствовать новым веяниям. В Тобольске, Томске, Иркутске, Красноярске, Кяхте тесовую обшивку старались декорировать, придавая тем самым домам индивидуальные черты. Расцвет деревянной декоративной резьбы в середине XIX в. в сибирских городах, особенно в Иркутске, до сих пор поражающей своими формами и сложным рисунком, свидетельствовал о благополучии города и зажиточности значительной части его жителей.

В начале XIX в. в окнах большинства сибирских городов слюда была уже заменена стеклом, и притом местного производства. Впрочем, иркутское купечество нередко выписывало стекло и зеркала из Европейской России. Признаком благополучия было также наличие у домов железных крыш. Обычно, большинство купеческих особняков в городах было покрыто железом, окрашенным в красный или зеленый цвет. Во второй половине XIX в. от 30 до 50 % жилых домов в сибирских городах имели железные крыши, что значительно превышало средний показатель по стране. В то же время в небольших сибирских городах по-настоящему городских домов, имеющих декоративные и архитектурные украшения, было сравнительно немного. Основная часть жилой застройки в них мало чем отличалась от деревенской.

Отмеченные выше изменения в городской планировочной среде и архитектурном облике в первую очередь затрагивали наиболее крупные города Сибири. Так, Иркутск во второй половине XVIII в. все больше приобретает приметы новой городской архитектурно-пространственной среды, в

которой заметное место уделяется планировочным решениям и благоустройству. Первым опытом вмешательства губернской администрации в стихийный процесс городского строительства стала деятельность первого иркутского губернатора К. Л. Фрауендорфа. Из учеников навигационной школы он отобрал наиболее способных для участия в съемке местности в окрестностях города и составления нового плана Иркутска. Молодые геодезисты проводили планировку улиц, разбивали город на кварталы. На всех улицах появились доски с названием улиц и указанием их направления. В результате этой работы центр Иркутска подвергся существенной реконструкции: были выпрямлены и расширены улицы, намечены некоторые площади, начаты работы по устройству деревянных тротуаров и укреплению набережной Ангары. В архитектуре города все заметнее стали проступать черты русского классицизма, образцами которого были гостиный двор, тюремный замок, сибиряковский дворец.

Настоящая архитектурная революция свершилась при гражданском губернаторе Н. И. Трескине. С домами, стоящими не по плану, власти не церемонились. Надолго запомнили иркутяне «гуцинскую команду», которая не останавливалась перед ломкой дома, если его фасад выступал на улицу и мешал движению. По распоряжению Н. И. Трескина были подняты и осушены топкие места в городе, улицы засыпались мелким камнем, устраивались площади и бульвары. Причем все работы проводились за счет домовладельцев, а земляные работы и благоустройство осуществлялось руками ссыльных. В результате удалось заметно упорядочить застройку и улучшить внешний вид города.

Но даже к середине XIX в. Иркутск не производил впечатление крупнейшего административно-торгового центра Сибири. Своеобразным рубежом в развитии города стал печально известный пожар 1879 г. Пожарами 22–24 июня была уничтожена вся центральная часть города. Выгорело 75 кварталов, в которых находилось 105 каменных и 3 418 деревянных строений. Сгорели все торговые и казённые постройки. Убытки составили до 7,5 млн руб. только от уничтоженной недвижимости, а частного имущества и товаров погибло на сумму до 20 млн руб. После пожара в центральной части города развернулось массовое каменное строитель-

ство. В 1883 г. городская дума запретила строительство деревянных сооружений не только по линии центральных улиц, но и на расстоянии десяти сажень вглубь. Обновление города заметно изменило его образ, придав ему европейский вид.

Изменения в других городах Иркутской губернии были не столь разительны. Пожалуй, только Верхнеудинск и Троицкосавск с торговой слободой Кяхтой, где заметно преобладала торговая сфера, в целом соответствовали новым тенденциям организации городского пространства. Очень низкими темпами развития отличались Нерчинск, Нижнеудинск, Киренск и другие малые города региона. Окончательно потерял свое былое значение и пришел в полное запустение Селенгинск.

Внешний вид малых городов региона менялся крайне медленно. Все они были небольшими, деревянными поселениями с населением в несколько сотен жителей. Жилая застройка в них мало чем отличалась от деревенских усадеб. Приметами города могли служить лишь церкви, кое-где каменные, да несколько торговых лавок и казенных строений. Даже то, что некоторые из них на какое-то время становились уездными центрами, почти не сказывалось на их развитии. Так, Нижнеудинск, получивший в 1783 г. статус города благодаря тому, что таковым перестал быть Балаганск, вплоть до середины XIX в. оставался одним из самых небольших городов Иркутской губернии. Он был настолько мал, что даже присутственные места находились в основном в расположенной на другом берегу Подгородной слободе, лежащей на Московском тракте. Указом Сената в 1851 г. поселения на двух берегах Уды были объединены в один город, что придало Нижнеудинску необходимый социально-экономический потенциал и содействовало развитию уездного города.

Таким образом, пространственная среда и застройка городов Сибири претерпела в рассматриваемый период серьезные изменения. На смену живописной, органично вписанной в природный ландшафт города застройки, с середины XVIII в. внедряется регулярная, ориентированная на перспективное планирование. Изменения, произошедшие в архитектурном облике сибирского города, были напрямую связаны с социально-экономическим развитием как региона в целом, так и конкретного города в частности. Вместе с утра-

той военно-административных функций города теряли вид военных крепостей и все больше обзаводились торгово-ремесленной инфраструктурой. Градообразующими факторами становятся гостиные дворы, рыночные площади, пристани и торговые тракты. Рост жилой застройки содействовал более четкой квартальной разбивке городов и стилевым изменениям в массовом домостроении, основой которого становятся разработанные в столицах «образцовые» проекты. Отмеченные изменения в большей степени были характерны для наиболее крупных городов Сибири, в то время как облик средних и особенно малых городов по-прежнему сохранял черты сельского поселения и быта.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 8

1. Особенности архитектуры первых сибирских острогов и городов.
2. Что такое «живописный город»?
3. Появление первых регулярных планов городов.
4. Расскажите о первых архитекторах г. Иркутска.
5. Формирование деловых центров и кварталов в сибирских городах.
6. Малые архитектурные формы в городах Сибири.

Литература к теме 8

1. Ивонин А. Р. Города Западной Сибири в последней четверти XVIII – начале 60-х гг. XIX вв. (динамика городского пространства) / А. Р. Ивонин. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – 151 с.
2. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. / А. Н. Копылов. – Новосибирск : Наука, 1974. – 252 с.
3. Кочедамов В. И. Первые русские города Сибири / В. И. Кочедамов. – М. : Стройиздат, 1978. – 190 с.
4. Оглы Б. И. Строительство городов Сибири / Б. И. Оглы. – Л. : Стройиздат, 1980. – 272 с.
5. Ожегов С. С. Типовое и повторное строительство в России в XVIII–XIX веках / С. С. Ожегов. – М. : Стройиздат, 1984. – 168 с.
6. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 256 с.
7. Шахеров В. П. Формирование планировочного и архитектурного облика городов южной части Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. // Сибирский город XVIII – начала XX веков. – Иркутск : Оттиск, 2005. – Вып. 5. – С. 7–34.

КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА СИБИРСКОГО ГОРОДА

Культурная среда города формировалась в теснейшем взаимодействии профессиональной и традиционной культуры. Главным стержнем в понимании культуры выступают ее социальная функция и факторы, влиявшие на этот процесс. Городская культура, конечно, была частью культуры официальной, но в то же время город являлся носителем инноваций, центром сосредоточения культуры креативной, созидающей, центром формирования культурно-информационной системы, способствующей интеграции культурных процессов. Но культура города никогда не была замкнутой системой: через различные формы коммуникаций город был связан с близлежащей его сельской округой и другими городами.

Уже первое поколение городских жителей внесло свой вклад в накопление сведений о естественно-природном мире Сибири и народах, населяющих этот край. Своеобразным итогом изучения Сибири в XVII в. стала «Чертежная книга Сибири» тобольского сына боярского С. У. Ремезова и его сыновей (1701 г.), в которой были представлены чертежи всех сибирских уездов, впервые показаны графические изображения городов и острогов, сельских поселений и мест обитания «ясадного» населения.

Развитию интереса к окружающей среде, собственной истории, пограничным странам способствовали научные экспедиции, участники которых неоднократно бывали в городах Сибири. Сибиряки с интересом встречались с Д. Г. Мессершмидтом, И. Г. Гмелиным, участниками Второй Камчатской экспедиции В. Беринга, а позднее с П. С. Палласом, И. Г. Георги и другими исследователями. Особое внимание, прежде всего у купечества, вызывали сведения о новых землях на Тихом океане, экзотических странах Юго-Восточной Азии. В городах бывали посланники и торговые люди из различных мест Монголии, Средней Азии, Китая. Разными путями в город попадали представители из Японии и даже Индии.

Грамотность проникает в Сибирь вместе с русскими служилыми людьми и казаками. И хотя она на первых порах в целом была низкой, никак нельзя согласиться с мнением отдельных историков об отсутствии в Сибири до XVIII века грамотных людей, за исключением духовенства. Освоение новых земель, их изучение и колонизация предполагает движение на эти территории людей энергичных, деятельных, развитых, поэтому среди предводителей казачьих отрядов, торговых и промышленных людей было немало грамотных людей. Об этом свидетельствуют их «отписки» и «скас-ки», челобитные и другие документы. В XVIII в. число грамотных людей, в регионе стало заметно расти. За отсутствием школ детей учили у писцов, подьячих, священников, отставных военных. Обучение было самым примитивным и имело целью научить лишь письму и чтению. Торговые дела заставляли купечество обращать внимание на элементарное домашнее образование своих детей. Некоторое число грамотных встречалось даже среди крестьянского населения. В целом надо признать, что количество грамотных в уездах было крайне невелико и не покрывало даже потребностей местного самоуправления. В 1749 г., например, илимская воеводская канцелярия отмечала, что в бургомистры и ларечные были назначены посадские, которые «в грамоте читать и писать не умеют, к тому же и малосмышленные».

Петровские преобразования потребовали большего числа образованных людей, более углубленных знаний и опытных специалистов. Особенно остро эта проблема стояла в Сибири в связи с широкомасштабным изучением ее природных ресурсов, становлением горного дела, описанием и освоением восточных окраин и Тихоокеанского региона. Первая школа в Сибири была открыта в 1701 г. в Тобольске для детей служилых людей. В школе изучали славянскую письменность и грамматику, арифметику, геометрию, фортификацию и артиллерийское дело. Спустя два года там же по инициативе митрополита Филофея Лещинского открылась архиерейская славяно-православная школа, преобразованная в 1743 г. в духовную семинарию. С середины XVIII в. Тобольская духовная семинария становится главным образовательным и просветительским центром Сибири.

Еще одним центром образования стал Иркутск. В 1725 г. в Вознесенском мужском монастыре была открыта «мунгальская» школа для подготовки миссионеров. Первоначально в ней обучалось 25 учеников, но через 10 лет их число выросло до 70. В 1780 г. в Иркутске была открыта вторая в Сибири после Тобольской семинария. Число семинаристов превышало 100 человек. В связи с развитием миссионерской деятельности в Сибири в семинарии преподавались монгольский, маньчжурский и китайский языки, а среди преподавателей были ученые-востоковеды. Так, в 1802–1803 гг. ректором семинарии был Н. Я. Бичурин, в монашестве Иакинф, известный в будущем ученый-китаевед.

Духовные школы не могли удовлетворить возросшие потребности государства и общества в светском образовании. В середине XVIII в. в ряде городов Сибири стали открываться профессиональные школы для подготовки специалистов в разных областях знаний. В 1732 г. был издан указ о повсеместном учреждении в России гарнизонных школ. Появились они и в сибирских городах – Тобольске, Омске, Томске, Якутске, Селенгинске. В 1750-х гг. такая школа была создана в Иркутске. В ней обучали в основном солдатских детей военному делу, грамоте, различным ремеслам. Выпускники гарнизонных школ обычно назначались на низшие командные, канцелярские и хозяйственные должности в армии, иногда использовались на гражданской службе. На базе иркутского военно-сиротского отделения в 1819 г. была учреждена первая в Сибири ланкастерская школа. Ланкастерский метод взаимного обучения был в то время новым и прогрессивным для России, благодаря чему Иркутск оказался на одном уровне со столицами и далеко впереди других городов в деле народного образования. В 1820 гг. в Иркутске было уже два учебных заведения военного ведомства при полубатальоне военных кантонистов и при казацких командах. Уникальной для России была открывшаяся в 1835 г. в Троицкосавске русско-монгольская войсковая школа для обучения детей бурятских казаков. Она являлась единственной школой у бурят, имеющей более обширную программу, чем приходские училища, и выпустила немалое количество грамотных людей. Выпускники ее работали писарями и урядниками в бурятских казачьих полках, переводчиками в

пограничном управлении и даже учителями приходских училищ Иркутской губернии.

Начавшиеся в Сибири географические и картографические исследования, работы по измерению и межеванию земель, открытие горнодобывающих заводов, а также развитие судоходства на реках Сибири и в водах Тихого океана потребовали более углубленных знаний и опытных специалистов. При горных заводах на Алтае и в Нерчинском крае открывались горнозаводские школы, готовившие специалистов горного дела. В 1728 г. такая школа была открыта при Нерчинских сереброплавильных заводах. Со временем были открыты горнозаводские школы при всех крупнейших заводах и рудниках. В 1788 г. количество учеников в них превышало 500 человек. Способные ученики могли продолжить обучение в главном горном училище Нерчинска, которое относилось к средним специальным учебным заведениям.

Инициатором создания навигационных школ в крае выступил В. Беринг. При его непосредственном участии в 1730-х гг. были открыты небольшие школы «для обучения навигацким наукам» в Охотске и Якутске. Несмотря на сложности с содержанием школ и нехваткой специалистов, обе школы с некоторыми перерывами просуществовали до конца XVIII в. В 1740-х гг. по инициативе иркутского вице-губернатора Л. Ланга в Иркутске открылась школа для подготовки геодезистов и землемеров. В 1754 г. она была преобразована в школу навигации и геодезии. Среди иностранных языков в Иркутской навигационной школе изучался монгольский, манчжурский, китайский и японский языки. Школа японского языка была переведена в Иркутск из Петербурга в 1753 г. Язык преподавали японские моряки, в разное время подобранные после кораблекрушения у русских берегов. Выпускники иркутской навигационной школы трудились по всей Сибири, участвовали во многих экспедициях, открывая, изучая и нанося на карты новые земли, реки, моря. Почти одновременно было введено светское профессиональное образование в Тобольске. В 1750 г. открылась геодезическая школа, которая готовила необходимых для региона специалистов-землемеров, а в 1761 г. для налаживания дипломатических, экономических, культурных связей с пограничными территориями открылась школа переводчи-

ков татарского, калмыцкого и узбекского языков. Еще одна навигационная школа действовала с 1755 г. в Нерчинске для обеспечения работы секретной экспедиции, исследовавшей возможности вернуть России амурские земли. В 1765 г. нерчинскую навигационную школу присоединили к иркутской.

Изучение монгольского и китайского языков было насущной потребностью и для Кяхты. Неслучайно первым учебным заведением здесь стала школа переводчиков при пограничной канцелярии, открытая в конце XVIII в. В 1813 г. монголоведом А. В. Игумновым была учреждена частная школа, в которой, помимо других предметов, обучали монгольскому языку. Большую роль в становлении процесса обучения китайскому языку сыграл известный ученый, глава русской духовной миссии в Пекине Н. Я. Бичурин (в монашестве Иакинф). Он стал инициатором открытия в 1831 г. в Кяхте училища китайского языка, первого специализированного учебного заведения подобного рода в России.

Профессиональные знания передавались и частным образом, через обучение у специалистов. Именно так чаще всего готовили медицинских работников. Медицинские школы в Сибири первоначально открылись в Алтайском и Нерчинском горных округах. С 1765 г. обучение медицинскому делу проводил при Селенгинском госпитале лекарь П. Лебедев, а А. Малков в те же годы – в госпитале Кутомарского завода. В Иркутске действовала частная школа штаб-лекаря А. Поддубного. Кроме того, при врачебной управе и аптеке находилась небольшая группа учеников. Однако общее состояние медицинского дела в Сибири находилось на самом низком уровне. Поскольку казенных средств не хватало, активно пытались подключить к решению проблемы частный капитал. В 1806 г. в Иркутске была открыта первая общественная больница, построенная на капитал купца Н. Чупанова. Со временем этому примеру последовали и в других городах региона.

Немногочисленные профессиональные учебные заведения в сибирских городах охватывали незначительную часть населения. Основная масса горожан, особенно женщин, оставалась за чертой образовательного процесса, довольствуясь семейным и домашним обучением, а то и вообще была неграмотной. Даже среди купечества лишь немногие созна-

вали необходимость и пользу образования. Впрочем, подобная картина наблюдалась по всей стране. В наказе архангельских купцов в Уложенную комиссию проводилась даже мысль о необходимости принудительного приобщения купцов к грамотности. Большинство городских обитателей предпочитало элементарное образование, обучение детей основам письма и чтения, считая, что дальнейшая их служба мальчиками, лавочными сидельцами вполне даст им необходимый уровень знаний. На обращение иркутского губернатора Ф. И. Клички о необходимости учреждения городского училища положительно ответили только трое купцов. «Прочие же, имеющие детей, подписали: некоторые дома учить будем, а другие – учить не желаем». Губернатору пришлось прибегнуть к усилиям, в том числе и административным, чтобы достичь желаемого. Так, в 1781 г. в Иркутске возникла первая в Сибири городская школа. Спустя восемь лет народное училище было открыто в Тобольске, в котором, кроме преподавания русского, было введено преподавание татарского языка. В 1780-х гг. были предприняты попытки учреждения школ в других городах региона, но из-за недостатка средств они не всегда были успешны.

В 1780-х гг. правительство предложило открыть в губернских городах четырехклассные народные училища, первое из которых было образовано в 1783 г. в Петербурге. Школьный устав 1786 г. предусматривал два типа учебных заведений: главные народные училища – в губернских городах и малые народные училища – в уездах. В Сибири было организовано три главных училища – в Тобольске, Иркутске и Барнауле и пять малых – в Тюмени, Туринске, Таре, Томске и Нарыме. В 1793 г. малое народное училище было создано в Верхнеудинске. Предполагалось открыть училища еще в ряде городов Иркутской губернии, однако этого так и не случилось. В 1804 г. было учреждено лишь Балаганское инородческое училище.

С открытием в 1789 г. иркутского главного народного училища градская школа с 43 учениками влилась в него, а само училище разместилось в ее помещении. Новое училище было рассчитано на четырехлетний срок обучения. Преподавательские кадры стали более профессиональными. Кроме программы, предусмотренной Уставом, с 1792 г. было введе-

но обучение монгольскому, китайскому и маньчжурскому языкам, а с 1792 г. еще и японскому. С 1795 г. в училище стали преподавать также немецкий и французский языки. Подавляющую часть учащихся составили купеческие и мещанские дети. Так с 1789-го по 1805 г. в главном народном училище Иркутска прошло обучение 2974 ученика. Из них более половины (1503 человек) приходилось на долю податной части общества. Дети чиновников, дворян и разночинцев составляли около 45 % учащихся. Успехи образования в Иркутске были очевидны. Неслучайно народное училище Иркутска первым в Сибири было преобразовано в ноябре 1805 г. в мужскую гимназию. Одновременно с ней в губернском центре открылись уездное и Воскресенское приходское училища. Иркутская гимназия стала основным поставщиком педагогических кадров для учебных заведений Восточной Сибири в первой половине XIX в.

По штату 1804 г. в Иркутской губернии должно было открыться 15 уездных училищ. Открылось только 6: Иркутское (1805), Верхнеудинское (1806), Нерчинское (1811), Троицкосавское (1812), Киренское (1814), Нижнеудинское (1817). Еще хуже обстояло дело с развитием приходских училищ. Их содержание полностью зависело от городских и крестьянских обществ, благотворительности частных лиц. Количество училищ в первой половине XIX в. росло очень медленно. Всего в Иркутской губернии в 1859 г. насчитывалось 24 учебных заведения министерства народного просвещения.

Со второй четверти XIX в. берет свое начало история школьного женского образования в Сибири. Первое женское учебно-воспитательное заведение – сиропитательный дом – было открыто в 1838 г. по инициативе иркутской купчихи Елизаветы Медведниковой. Отличительной особенностью сиропитательного дома было учреждение при нем банка, за счет прибылей которого дом и содержался. В 1845 г. в Иркутске открылся девичий институт, ставший первым средним учебным заведением для женщин в Сибири. В его создании большую роль сыграли представители высшей администрации региона, иркутские купцы и ссыльные декабристы. В институт, кроме детей дворян и чиновников, разрешалось допускать дочерей местных купцов и представителей бурят-

ской знати. Более широкое развитие женского образование начинается только во второй половине XIX в.

Наряду с развитием системы образования в городах по-прежнему сохранялось домашнее образование. В 1809 г., например, в Иркутске педагогической практикой занималось 23 человека, у которых обучалось 116 мальчиков и 19 девочек. Как правило, учителя готовили детей для поступления в гимназию, предоставляли дополнительные образовательные услуги (уроки музыки и пения, танцев, иностранных языков). Уровень домашнего образования был заметно выше, и со временем домашнее образование превратилось в элитное, дававшее более качественные знания. Со временем стали появляться частные школы. В Сибири такие школы действовали почти во всех городах и крупных селениях. Обучение, как правило, было платным, а потому доступно лишь зажиточным людям. В 1833 г. в Иркутске открылось частное учебное заведение – пансион титулярного советника Н. Ф. Скрыбина. В эти же годы действовали частные училища в Верхнеудинске, Троицкосавске, Кяхте. Довольно широкую практику в Сибири получила частная педагогическая деятельность декабристов, о которой достаточно много писалось в литературе. Она носила негласный характер, так как правительство в своих инструкциях и распоряжениях запрещало декабристам, выходящим на поселение, обучать детей грамоте. По этой причине не сохранилось точных сведений, сколько школ открыли декабристы и сколько в них обучалось детей. Известно, что в Сибири занимались педагогической деятельностью декабристы И. Д. Якушкин, В. Л. Давыдов, братья Бестужевы, К. П. Торсон, Д. И. Заваляшин, В. и М. Кюхельбекеры и др. Большая группа декабристов находилась на поселении в Иркутске и его окрестностях, здесь учили детей П. И. Борисов, А. П. Юшневский, П. А. Муханов, А. В. Поджио, В. Ф. Раевский и др.

Появление домашнего и школьного образования заметно обогатило культурную среду сибирских городов, что проявилось прежде всего в росте интереса к печатному слову. Книги заполняли пробелы образования, расширяли представления о мире и обществе. Недостаток литературы компенсировался рукописными сочинениями. Многие горожане имели рукописные сборники, в которые переписывались по-

нравившиеся произведения. Городских обывателей разных сословий объединял интерес к прошлому своего города и края. Уникальным явлением для России было сибирское городское летописание, во многих купеческих семьях Иркутска велись или имелись списки этих погодных записей. Иркутские летописи с наибольшей полнотой выразили местную историческую традицию. Первую попытку обобщить городские летописи и составить своеобразный летописный свод предпринял в 1812 г. известный иркутский краевед А. И. Лосев. В отличие от других летописей труд Лосева не привязан к Иркутску. В нем представлен разнообразный и значительный материал о Восточной Сибири. Продолжателями начатой им традиции стали П. И. Пежемский и В. А. Кротов, а позднее с блеском продолжил библиограф и краевед Н. С. Романов.

Развитие интереса к книге привело к появлению в городах книжной торговли и домашних библиотек. В конце XVIII – начале XIX в. значительные книжные собрания были у иркутских купцов Дудоровских, Казанцевых, Сибиряковых, Трапезниковых, Саватеевых, Старцевых и др. Позднее славилась своей обширностью библиотека В. Н. Баснина, которая была открыта для всех желающих. По мере распространения грамотности потребность в книгах возрастала, ее уже не могли удовлетворить домашние библиотеки, имевшие узкий круг читателей. Уже при первых школах были небольшие книжные собрания, включавшие учебную литературу. Крупнейшие библиотеки были в Тобольской и Иркутской духовных семинариях.

В декабре 1782 г. в Иркутске открылась первая в провинциальной России публичная библиотека. Она была открыта для всех жителей Иркутской губернии и была бесплатной. Читать книги можно было как в самой библиотеке, так и на дому, причем с особого разрешения их можно было увозить в другие города губернии. В 1789 г. библиотека была передана главному народному училищу, а в начале XIX в. вместе с ним вошла в состав иркутской гимназии. К этому времени ее книжный фонд состоял из 1108 названий в 2407 томах на русском, китайском, греческом, немецком, французском языках. Даже в отдаленных и малозаселенных уездах Сибири зарождался интерес к книге. Наиболее распространенным способом пополнения частных библиотек была

подписка на книги и периодические издания. Из-за дороговизны подписка была доступна в основном купцам и чиновникам. Кроме индивидуальной подписки, существовала и коллективная. Так, в Иркутске в 1818–1833 гг. существовала Компания для выписки периодических изданий и книг. Журналы и газеты выписывались учебными заведениями, некоторыми присутственными местами, городской думой.

Купеческие библиотеки С. Ф. Дудоровского, А. В. Белоголового, В. Н. Баснина и других были доступны для всех желающих, а некоторые приобрели статус публичных библиотек. Первая такая библиотека в Иркутске была открыта в 1840 г. купцом М. А. Болдаковым и насчитывала около 5 тыс. книг на русском и иностранных языках. В феврале 1858 г. открылась частная публичная библиотека С. Д. Протопопова – М. П. Шестунова, получившая позднее название «Иркутская публичная библиотека Н. В. Пестерева». Роль этой библиотеки в общественной жизни Иркутска была весьма велика – здесь собирались, обсуждали литературные новости и действия местной администрации.

Появление общественных и частных библиотек, рост числа домашних книжных собраний у разных слоев городского общества свидетельствовали о расширении культурной среды и формировании местной еще очень малочисленной и разрозненной интеллигенции. Неудивительно, что именно в таких культурных центрах, как Тобольск и Иркутск появляются ростки ранней сибирской публицистики и литературы. Творчество Н. А. Полевого и его сестры, братьев Щукиных, И. Т. Калашникова, П. П. Ершова, П. А. Словцова отличало новое восприятие Сибири как своей малой родины. Авторы стремились не только воспеть красоту природы края, но и поднять острые социальные вопросы взаимоотношения местного общества и коронной администрации. Неслучайно один из современников оценил повесть Н. Полевого «Сохатый» как «знамя литературного восстания сибиряков». При этом идеологи сибирского возрождения, в отличие от областников середины XIX в. воспринимали себя россиянами, а свою родину – неотъемлемой частью России.

К середине XIX в. круг читателей заметно вырос, об этом свидетельствует увеличение числа личных библиотек, разнообразие сословной и профессиональной принадлежности

их владельцев. Почти каждый сибирский город имел свои библиотечные традиции. Частными купеческими книжными коллекциями могли пользоваться жители Барнаула, Томска, Красноярска, Троицкосавска, Нерчинска, Верхнеудинска. Наличие домашних библиотек, как и домашних художественных и минералогических коллекций, стало в эти годы признаком хорошего тона. Характерной приметой времени стало появление в городах края литературных салонов и других «культурных гнезд». Наиболее насыщенная культурная и общественная среда была, естественно, в Тобольске и Иркутске. Здесь уже в конце XVIII в. в купеческих особняках В. Я. Корнильева, Н. С. Пиленкова, Н. П. Мыльниковых, М. В. Сибирякова, А. Е. Полевого собиралась интеллектуальная элита города, представители власти, приезжие путешественники и ученые. В первой половине XIX в. большой популярностью у иркутян пользовались литературно-музыкальные салоны В. Н. Баснина, Е. П. Ротчевой, декабристов Волконского и Трубецкого. Литературные салоны и рукописные альманахи в первой половине XIX в. существовали в Верхнеудинске, Троицкосавске, Нерчинске. Как правило, они формировались при домах местных просвещенных купцов, а активную роль в них играла интеллигенция и политические ссыльные, которых в Сибири принимали открыто и дружелюбно.

После прекращения издания тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» до середины XIX в. в Сибири существовала только рукописная литература. Стремление к консолидации общественных и культурных сил проявилось в создании местных рукописных литературных изданий: «Енисейского альманаха на 1828 г.» в Красноярске и «Ангарского вестника» в Иркутске. В конце 1830-х гг. иркутянин Н. И. Виноградский издавал небольшую рукописную газету «Домашний собеседник». Кроме того, время от времени в Иркутске выходили другие рукописные журналы: «Звездочка», «Козуля», «Мещанин» и «Заушаковский вестник». Значительная часть материалов этих сборников имела социальную направленность, критиковала произвол местной власти и даже поднимала вопросы дальнейшего развития страны. Усилиями местного литературного кружка в Кяхте в начале 1830-х гг. издавались рукописные журналы «Кяхтин-

ский литературный цветник» и «Кяхтинская стрекоза». В Вехнеудинске кружком купца М. К. Курбатова издавался рукописный альманах «Метляк», редактором которого был А. И. Орлов, уже имевший опыт выпуска подобного рода изданий в Кяхте.

Рукописные журналы и альманахи подготовили почву для появления периодической печати в Сибири. В 1856 г. администрации сибирских губерний получили разрешение издавать официальные газеты «Губернские ведомости». Уже на следующий год вышли первые номера в Тобольске, Томске, Красноярске и Иркутске. Начало частной периодической печати в Сибири положила либеральная еженедельная газета «Амур», первый номер которой увидел свет в Иркутске в январе 1860 г. Практически одновременно еще одна газета «Кяхтинский листок» появилась в Троицкосавске. Газета выходила при поддержке декабристов М. А. Бестужева и И. Н. Горбачевского.

Изучение края было невозможно без функционирования архивов, музеев и библиотек, и в этом плане Иркутск находится в весьма благоприятном положении. Городской архив был не только самым полным по объему документов, но и использовался как заезжими учеными, так и местными краеведами. При первой публичной библиотеке стараниями ученых-натуралистов Э. Г. Лаксмана и А. М. Карамышева был организован небольшой музейный кабинет, в котором были представлены образцы и макеты различных современных «диковинок»: телескоп, электрическая машина, орудие приготовления целительные воды, а также модели фабрик, водоходных судов, различные минералы и гербарии растений. В музее можно было увидеть кусок ткани с Сандвичевых островов, полученный от капитана Дж. Кука, шкуру китайского козла, морских животных, лук и колчан и все снаряжение калмыцкого воина и другие редкости. Сюда же привозили образцы оружия и бытовых вещей коренного населения Аляски и Алеутских островов.

Новый этап научного изучения Сибири был связан с созданием в ноябре 1851 г. в Иркутске Сибирского отдела Русского географического общества (с 1877 г. — Восточно-Сибирский — ВСОРГО). В деятельности отдела принимали участие представители всех слоев населения: чиновники,

учителя, купцы, священнослужители, мещане, грамотные крестьяне и инородцы, политические ссыльные. Под эгидой ВСОРГО были организованы десятки крупных экспедиций для изучения края и сопредельных стран, которые решали как научные, так и практические задачи. В 1854 г. при нем был создан музей, который постоянно пополнялся экспонатами, собранными в процессе экспедиций. В 1877 г. открылось Западно-Сибирское отделение в Омске.

Наряду с просвещением все большую роль в формировании культурной среды городов Сибири начинает играть живопись и различные проявления музыкально-театральной жизни. Именно они придавали завершенность городской культуре, так как исторически были присущи именно городу. В течение XVIII в. искусство в основном было представлено иконописью. Иконописцы расписывали многочисленные городские храмы, создавая их цельность и неповторимость. Развитие светской культуры и рост административного значения губернских городов вызвали к жизни моду на официальные парадные портреты членов императорской семьи, которые украшали все казенные заведения. Война 1812 г. пробудила патриотическое сознание сибиряков и обострила интерес к исторической и портретной живописи. Портреты военачальников и героев, изображения батальных сцен выписывались из столиц и становились привычным элементом интерьеров присутственных мест и домашних гостиных чиновников и купцов.

В первой половине XIX в. наряду с оригинальными произведениями живописи и «писаными» копиями во многих городских домах появились дешевые штампованные портреты и жанровые картинки – лубки. Они становились модными не только в мещанской городской среде, но даже в сельской местности. В среде образованной публики были популярны различные акварели и гравюры исторической тематики, проявлялся интерес к ландшафтной живописи. Приезжающие с разными научными экспедициями профессиональные художники впервые запечатлели виды сибирских городов. Картины и гравюры И. Люрсениуса, А. Е. Мартынова, Е. М. Корнеева, Бомануара, иркутян А. И. Лосева, В. Алексеева, П. И. Пежемского донесли до нас городской пейзаж Тобольска, Томска, Красноярска, Иркутска

и других городов Сибири, а также различные бытовые сценки. Среди первых художников было немало ссыльных. Известно, что рисованием занимались некоторые из декабристов, наибольшую известность своими портретами друзей по несчастью и сибиряков получил Н. А. Бестужев.

Собрания картин были у многих богатейших купцов Сибири. Известными собирателями книг, редкостных предметов и произведений искусства были в Иркутске купцы С. С. Дудоровский, К. М. Сибиряков, В. Н. Баснин. В доме Сибиряковых внимание гостей привлекала прекрасная шпалера с оригинала Ван Дейка и огромный портрет Г. Державина кисти итальянца С. Тончи. В собрании Сибиряковых были коллекции гравюр с видами городов России, уникальные гобелены русской работы, различная скульптура. Собрание В. Н. Баснина содержало до 7 тыс. гравюр русских и иностранных мастеров, живописные полотна, множество старинных карт.

История сибирского театра восходит к традициям скomorошества и народного кукольного театра (вертепа). Вертепные представления устраивались на Святках, а также между Рождеством и Масленицей. Вертепы были очень популярны у простых обывателей города, поэтому предпринимались попытки создания стационарных кукольных театров. Широкое распространение получила игра на различных музыкальных инструментах. В XVIII в. в домах зажиточных горожан появились ручные органы, а с конца века в домашний быт входят и такие сложные музыкальные инструменты, как фортепиано. На них музицировали в домах некоторых чиновников и в купеческих особняках. Важным моментом в формировании музыкальных и зрелищных вкусов стало появление военных духовых оркестров, а также хоровых коллективов. Без оркестров не обходилось ни одно официальное торжество, а также балы и маскарады, которые давались губернаторами и городскими властями. У многих сибирских губернаторов имелись домашние оркестры. Так, с первым иркутским наместником генерал-поручиком И. В. Якобием в 1783 г. прибыло около полутора сотен чиновников и прислуги, среди которой было «одних музыкантов...до сорока человек». В конце XVIII в. в Иркутске действовало пять крупных хоров: архиерейский, казачий, солдатский, полицейский и хор молодых чиновников. В домах зажиточных горожан практикова-

лось домашнее музыкальное и вокальное обучение девочек. Часто преподавателями выступали ссыльные и иностранцы.

Во второй половине XVIII в. в Сибири получает развитие театральное искусство. Первые театральные постановки были показаны в Тобольске и Иркутске. Так, по инициативе жены иркутского чиновника В. А. Троепольского в 1787 г. в городе появился любительский театр, ставивший разнообразные пьесы – от классических пьес А. П. Сумарокова до комедий А. О. Аблесимова и Д. И. Фонвизина. Кроме того, любительские спектакли ставились в помещении «благородного собрания», мужской гимназии, в губернаторском доме. А в 1803 г. купеческий сын Е. П. Солдатов открыл театр уже «для всей публики». Спектакли шли на Святках и в Пасху, но существовал театр недолго. Уже в 1805 г. появился новый театр, основанный ссыльными князем В. Н. Горчаковым и гвардейским офицером А. П. Шубиным. Представления давались два раза в неделю и пользовались большой популярностью. К актерам, выступавшим в театре Е. П. Солдатова, были добавлены несколько способных актрис, молодых унтер-офицеров и певчих гарнизонного хора. Оркестр был составлен из полковых музыкантов и нескольких скрипачей из ссыльных. Недолго просуществовал на иркутском рынке общедоступный дешевый театр казачьего урядника Клепикова и мещанина Кондратова. До середины 1850-х гг. постоянного театра в Иркутске не было, но время от времени любительские спектакли играли в гимназии, в семинарии, в домах некоторых чиновников.

В 1851 г. в Иркутске при содействии генерал-губернатора Н. Н. Муравьева-Амурского был открыт первый профессиональный театр, в котором ставились пьесы Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, В. Шекспира. В мае 1852 г. в иркутском театре впервые в Сибири была поставлена комедия «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Много места в репертуаре занимали водевили и мелодрамы. В уездных городах Сибири спектакли профессиональных трупп были редкостью, а отдаленные и малые города региона гастролеры вообще не посещали. Более-менее оживленная музыкально-театральная жизнь была в Троицкосавске и Нерчинске. Трудно переоценить значение театра в развитии культурной среды города. Как и

литература, он активно воздействовал на формирование нового вкуса, потребностей, моды и даже поведения людей.

На бытовую культуру и повседневное поведение горожан оказывало влияние пребывание в городах ссыльных из дворян, многие из которых устанавливали тесные, иногда дружеские отношения с местным образованным обществом. Устраиваемые ими литературные и музыкальные вечера, домашние спектакли, пикники с фейерверками и экскурсии в живописные городские окрестности – все это служило примером для сибиряков, приобщало их к разнообразной духовной жизни, заставляло заниматься самообразованием и тем самым повышало общий уровень сибирского общества. Поведение, манеры, мелочи дворянской бытовой культуры подмечались, перенимались, служили образцом для многих представителей элиты местного общества. В то же время изменения в материальном быту в меньшей степени затрагивали духовные представления и ценности сибиряков. В первой половине XIX в. горожане во многом сохраняли «патриархальность в семейных устоях» и общественной нравственности, «твердо соблюдали посты» и традиции православной обрядности. Свое свободное и праздничное время горожане проводили по старинке, отличаясь лишь обилием угощений и размахом приемов. Чем дальше от губернских центров, тем консервативнее в домашний быт и жизни. А. И. Лосев, одним из первых обративший внимание на образ жизни населения городов Иркутской губернии, отмечал, что даже в Верхнеудинске уровень европеизации купечества был заметно ниже, чем в Иркутске, особенно в женской среде.

Важную общественную и культурную роль в жизни горожан стали играть праздники, торжественные обеды и приемы. Один из первых в Иркутске произошел по случаю воцарения императрицы Елизаветы Петровны, когда публике были представлены различные картины с надписями иллюминацией. При Ф. Н. Кличке торжества в честь событий в императорской семье становятся регулярными. Начиная со М. М. Сперанского, балы и приемы становятся непременной частью бытовой культуры иркутского общества, совершенно изменив его полуазиатский характер. Кроме домов и присутственных мест они проводились в биржевой зале гостиного двора, в Комендантской роще и Портновском саду. В городах

всегда было немало иностранцев, оказавшихся там по тем или иным причинам. Их воздействие разрушало старомосковское общинное мировоззрение, способствуя индивидуализации городского сознания.

Необходимо отметить, что города южной части Сибири испытывали сильное влияние восточной культуры, прежде всего китайской, монгольской, среднеазиатской. Еще в начале XVIII в. И. Георги отмечал в иркутских домах «китайский вкус», выражавшийся в обилии китайских ваз и посуды, статуэток, картин и других бытовых вещей. Почти у каждого дома был садик или огород, в котором выращивали китайские цветы и овощи. Китайская материя разных сортов и изделия из нее, чай, сахар имели повсеместное употребление. У многих купцов и мещан мебель, посуда и другие домашние вещи были китайскими. В городе звучала речь на китайском, монгольском, японском языках, а среди горожан было немало людей, побывавших в Китае или связанных с русско-китайской торговлей. Еще большее влияние Китая ощущалось в городском быту Забайкалья, особенно в Кяхте и Троицкосавске, где составной частью домашнего обихода были частые встречи с китайскими торговцами, совместные обеды и переговоры, постоянно звучал китайский язык.

Даже в деревянном декоре городов Иркутской губернии явно проступал причудливый восточный колорит, привнесенный близостью Китая и монгольских степей. В растительном и геометрическом орнаменте отчетливо просматриваются стреловидные узоры, остроконечные звезды и завитки, похожие на бараньи рога. На некоторых деталях деревянных украшений домов можно разглядеть фигурки львов, стоящих на задних лапах. Образы Востока, сошедшие с китайских рисунков и миниатюр, нередко входили в повседневную жизнь, создавая причудливый сплав стилей и архитектурных элементов. Кстати, Иркутск с конца XVIII в. ощущали не только китайское, но и американское влияние. Участники промыслов привозили домой различные экзотические вещи, предметы быта и культуры коренного населения Америки, массу информации о новых островах и народах, их населяющих.

Таким образом, к концу XVIII в. школьное образование, библиотеки, коллекции музейных редкостей, частные книж-

ные собрания становятся необходимым элементом повседневной жизни жителей сибирских городов. Наиболее насыщенной была культурная среда губернских городов, особенно Тобольска и Иркутска. В других городах Сибири подобной полноты и разнообразия не наблюдалось. Особенностью формирования культурной среды сибирского города было то, что инновационные процессы не замыкались только в каком-то одном слое населения, а постепенно захватывали значительную часть чиновничества, купечества и мещанства. Более того, купеческие круги не только активно финансировали общественно-культурную среду города, но и сами принимали заметное участие в развитии культурного процесса. Такой сплав разных сословных и национальных культур не мог не привести к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора городских жителей.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 9

1. Грамотность и образование в дореформенном сибирском городе.
2. Становление женского образования.
3. Иркутское городское летописание.
4. Первые библиотеки в Сибири.
5. От сибирских иконописцев к светской живописи.
6. Становление музыкально-театральной жизни в дореформенном сибирском городе.

Литература к теме 9

1. Азадовский М. К. Очерки литературы и культуры Сибири. Вып. 1 / М. К. Азадовский. – Иркутск : Иркутск. обл. изд., 1947. – 203 с.
2. Гончаров Ю. М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.) / Ю. М. Гончаров. – Новосибирск : ИД «Сова», 2004. – 358 с.
3. Дегальцева Е. А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. / Е. А. Дегальцева. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2005. – 188 с.
4. Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 544 с.
5. Иркутск в панораме веков : очерки истории города. – Иркутск : Вост.-Сиб. изд. компания, 2002. – 512 с.

6. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX в. / А. Н. Копылов. – Новосибирск : Наука, 1974. – 252 с.

7. Куприянов А. И. Русский город первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – М. : АИРО-XX, 1995. – 157 с.

8. Паликова Т. В. Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX в. / Т. В. Паликова. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. – 260 с.

9. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 256 с.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ИНИЦИАТИВЫ ГОРОЖАН

Становление городского самоуправления в России содействовало общественному развитию и выработке общесословных ценностей и интересов горожан. Наиболее активной и общественно зрелой силой городского общества выступало купечество. Свое экономическое положение оно подкрепляло ведущей ролью в городском управлении. Выступая прежде всего за свои интересы, купечество, тем не менее, являлось единственной оппозиционной силой, с которой не могла не считаться местная администрация. Современники отмечали, что уже в конце XVIII в. в Иркутске сложилась сплоченная купеческая группировка, претендующая на монопольные права в предпринимательской деятельности и сфере городского управления и хозяйства. «В городе, — замечал один из мемуаристов, — где не было дворянства, кроме бедных и безгласных чиновников, купеческое общество одно составляло некоторый оплот самоуправству и беззаконию, столь обыкновенному в прежнее время в отдаленных провинциях»¹⁶.

Формирование общественного сознания, понимание своей роли в обществе и государстве, осознание того, что «среди всех сословий звание купца, гражданина столь же почетно, благородно и необходимо, как и другие звания», далось сибирскому купечеству непросто и растянулось на все XVIII столетие. Городское население Сибири на себе испытало все «прелести» чиновничьего произвола и беззакония. Среди иркутских воевод и губернаторов редко можно было найти человека честного, радеющего о процветании общества и края. Чаще встречались такие, как Л. Ракитин или А. Жолобов, закончившие свою жизнь на плахе, настолько вопиющими были их преступления. Не меньше страдало городское насе-

¹⁶ Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 269.

ление от наездов приезжих чиновников и ревизоров. Надолго запомнилось иркутским купцам следствие коллежского асессора Крылова, вошедшее в историю города под названием «крыловского погрома».

Значительным этапом в становлении гражданского общества было участие горожан в выработке наказов в Уложенную комиссию. Еще в 1766 г. два представителя от Иркутска были приглашены в столицу для слушания Манифеста о создании нового Уложения. Затем наступила очередь составления наказа от жителей г. Иркутска. Утвержден он был на городском сходе 23 июня 1767 г. Сочинителями его были сын боярский В. Лапин и купцы А. Шалин и Ф. Власов, а общее руководство осуществлял городской голова М. А. Сибиряков. Наказ представлял интересы купечества и цеховых, разночинцев, сибирских дворян и детей боярских. Наиболее обширным и детально прописанным был раздел наказа, включивший пожелания и чаяния купечества и цеховых. Кроме чисто сословных требований в нем много места уделялось защите чести и достоинства купцов и содержалось требование «положить за бесчестие денежное взыскание». Среди других сибирских городов подобные требования были только в купеческих наказах Тобольска и Селенгинска. Особо стоит отметить стремление регионального купечества взять в свои руки всю кяхтинскую торговлю. Они просили предоставить право торга в Кяхте для сибирских купцов, а российским производить размен товаров только через их посредничество.

Представлять интересы иркутян в Комиссии об Уложении доверили купцу А. А. Сибирякову Меньшому. Он выделялся общественной активностью, был начитан, особенно интересовался правом. В его библиотеке были копии всех указов и постановлений со времени Петра I. Избранный в 1767 г. депутатом в Комиссию, он более двух лет находился в столице, участвуя в работе подкомиссии «О почтах и гостиницах». Следует отметить, что дворянское большинство боялось бойкого и начитанного иркутянина и не пропустило его в более важные комиссии «О порядке государства» и «О размножении народа», в которые он первоначально пытался баллотироваться.

Помимо Иркутска из Восточной Сибири в Комиссию поступили наказания из Енисейска, Красноярска, Нерчинска, Якутска, Кяхты и Селенгинска. В подготовке наказа от Нерчинска активное участие приняли купец И. Бусыгин и посадские С. Попов, И. Фадеев, Ф. Черепанов, И. Волков. Как правило, депутатами от сибирских городов выбирались представители местного купечества. Правда, были и исключения. В отдаленных и северных городах, где были традиционно сильны позиции служилых людей и казачества, в депутаты могли выбирать людей из управленческого звена. Так, в Нерчинске выбрали дворянина князя П. Гантимурова, в Якутске – сибирского дворянина А. Данилова. Выборные депутаты заметно выделялись даже на фоне городских верхов своим положением и заслугами. Им были пожалованы неслыханные дотоле в России привилегии – неприкосновенность личности и имущества с освобождением от телесного наказания, пыток и смертной казни. Депутаты получали значительное для того времени жалованье, а также награждались почетной золотой медалью на память и назидание потомкам.

С самого начала своего существования городское общественное управление заняло твердую позицию по отношению к разветвленной и изощренной системе злоупотреблений со стороны чиновников. Эта борьба способствовала сплочению купечества, придавала динамизм общественной жизни, выдвигала лидеров. Доверие сограждан обязывало ко многому, и даже первостатейные купцы почитали службу обществу за великую честь. Настоящими лидерами городского сообщества были богатейшие иркутские купцы Н. П. Мыльников и М. В. Сибиряков. Их дома становились своеобразными центрами притяжения для местных предпринимателей, недовольных злоупотреблениями и коррупцией губернских чиновников. Борьба иркутского купечества с губернской администрацией в конце XVIII – начале XIX в. объективно содействовала активизации общественной жизни в Иркутске и других городах Сибири, формированию идеалов и мнения городского общества. Это была уже вполне сложившаяся купеческая олигархия, сознающая и отстаивающая свои корпоративные интересы. Следует особенно подчеркнуть, что эти изменения в общественной жизни и быте сибирских купцов

происходили почти на полвека раньше, чем в России. Еще в середине XIX в., по свидетельству купца Н. П. Вишнякова, значительная часть московского купечества жила семейной, патриархальной жизнью. «В нашей среде, — писал он, — интересы общественные были слабо развиты, а политических и вовсе не существовало... Все это нас трогало мало. О правительстве, всем том, что могло иметь к нему отношение, старшие говорили с оглядкой, шепотом»¹⁷.

В течение всего XVIII в. происходила консолидация податной части городского общества в рамках сословных организаций и городского общественного самоуправления. Гильдейское, мещанское и цеховое общества выполняли не только задачи контроля за раскладкой и сбором податей, но и играли реальную роль в сближении этих групп городского населения. Они организовывали корпоративную и досуговую жизнь трудового населения, представляя его интересы перед государственной и муниципальной властью. Еще большее значение в общественном быту горожан занимала церковь. Посещение ее в будни и праздничные дни воспринималось не только как акт религиозный, храм был местом общения, встреч, знакомств. Приходские храмы объединяли вокруг себя людей различных социальных и имущественных групп, проживающих на их территории. Церковная благотворительность была одной из наиболее ранних форм филантропической деятельности.

Не только борьба с произволом администрации сближала разные городские сословия. Жители городов часто оказывали материальную поддержку как попавшим в беду своим землякам, так и населению других городов при пожарах, наводнениях и других стихийных бедствиях. Но наиболее ярко проявлялось общественное единение во время серьезных социальных потрясений и войн. Война 1812 г. вызвала небывалый патриотический подъем в стране. Одним из проявлений его стали добровольные пожертвования на нужды армии и ополчения, поддержку пострадавших от войны городов и сельских жителей.

¹⁷ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1911. Ч. 3. С. 19.

О нападении Наполеона в Сибири, тем более в Иркутске, узнали с опозданием. В столице Восточной Сибири манифесты Александра I получили только 6 августа – в день оставления русскими войсками Смоленска; жителей города известили о войне немедленно, а остальное население губернии узнало о ней в середине или даже в конце месяца. На призывы губернатора и городского головы откликнулись как иркутские купцы, так и иногородние, находящиеся в то время в городе. Даже будучи в других городах, иркутяне живо реагировали на патриотический порыв страны. Так, иркутский купец 1-й гильдии П. Т. Баснин узнал о войне 1812 г. на Макарьевской ярмарке. Участвуя в собрании местного купечества, он выступил с инициативой о сборе пожертвований на снаряжение ополчения и первым выделил сумму в 1 тыс. руб., а сверх того, вызвался склонить других купцов и собрал еще 3,5 тыс. руб. Для приема ополченцев, «вещественных пожертвований» и денег были учреждены особые присутствия в Иркутске, Якутске, Верхнеудинске, Нерчинске, Киренске. Пожертвования на оборону собирались во всех городах Сибири. Всего в Иркутской губернии было собрано 186 тыс. руб., в Тобольской – 162 тыс., в Томской 158 тыс. Всего же сибиряки собрали в 1812–1813 гг. на военные нужды почти 500 тыс. руб. золотом, серебром и пушниной. По сумме взноса Иркутская губерния была первой в Сибири и девятнадцатой в России.

В годы войны ярко проявилось единение сибирского общества, всеобщий патриотический настрой всех социальных групп горожан. И. Т. Калашников приводит трогательную картину прощания горожан с уходящим в действующую армию иркутским батальоном: «Слезы благословения и молитвы сопровождали защитников отечества. Весь город сошелся на берег Ангары, чрез которую переправлялись воины»¹⁸. Колокольным звоном и пушечной стрельбой приветствовал Иркутск известие об освобождении Москвы, а затем и России от французов. В небывалое народное торжество вылилось получение манифеста о взятии Парижа в июне 1814 г. Праздник начался общим молебном и колокольным звоном.

¹⁸ Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 279.

Затем состоялся военный парад, завершившийся стрельбой из ружей и пушек. После парада высшее общество города было приглашено на обед и бал в загородный губернаторский дом. Было устроено также гуляние для народа.

В деле облагораживания, «окультуривания» нравов сибирского городского общества большую роль сыграло влияние дворянства и чиновничества, а позднее и политической ссылки. В истории Сибири были не только губернаторы-самодуры, но и настоящие государственные деятели, много сделавшие для развития края. Большую роль в деле сплочения городского общества сыграли такие иркутские воеводы и губернаторы XVIII в., как Л. Ланг, К. Л. Фрауендарф, Ф. Н. Кличка. Так, Ф. Н. Кличка за свое короткое губернаторство (1779–1783) смог направить городское общество на решение задач развития просвещения и гражданственности. Заметную роль в консолидации городской элиты сыграл созданный им совет из лучших граждан города, который собирался раз в неделю, а в экстренных случаях и чаще. Среди прочих дел, по словам В. И. Штейнгейля, губернатор «совету поручал ссорившихся граждан примирять, поэтому в городском магистрате не было дел»¹⁹. Эти начинания Ф. Н. Клички при его преемниках были упразднены, хотя не считаться с возросшей ролью городской элиты власть уже не могла. В начале XIX в. иркутский губернатор А. М. Корнилов предложил для координации действий местных властей создать «комитет из чиновников каждого звания, опытных и при том об общем благе мыслящих». Кроме начальников гражданских и военных учреждений членом комитета он предложил сделать авторитетного иркутского купца Н. П. Мыльникову. Планировалось, что комитет будет регулярно собираться (один или два раза в неделю) по вечерам в доме губернатора и обсуждать вопросы о распределении ссыльных, заготовке хлеба, земледелии, торговле, об устройстве дорог, о судебных делах. Исполняя совещательные функции при генерал-губернаторе, полагал А. М. Корнилов, комитет поможет привести управление в должный порядок. Однако сибирский генерал-губернатор И. О. Селифонтов не поддержал эту

¹⁹ Штейнгейль В.И. К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири // Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1992. С. 185.

идею, сославшись на то, что без разрешения верховной власти образовать такой комитет нельзя. В XIX в. благодаря усилиям М. М. Сперанского, Н. Н. Муравьева Иркутск заслуженно приобрел статус столичного центра Сибири и его справедливо называли «сибирскими Афинами».

Малочисленное дворянство, в большинстве своем связанное с Сибирью лишь периодом служебной деятельности, не играло заметной роли в сибирском городском обществе. Оно поневоле должно было искать сближения с верхушкой купечества, образуя вместе с ней своеобразный «высший свет». Уже с 1780-х гг. начинается их сближение в сфере досуга и быта, что оказывало значительное влияние на европеизацию городского образа жизни. Совместные приемы, балы и маскарады придавали купечеству столичный лоск. В 1799 г. в Иркутске было открыто благородное собрание, где работал буфет, устраивались вечера и балы, любительские спектакли. Доступ в него был открыт далеко не каждому чиновнику. Годовой билет стоил 20 руб., а чиновник средней руки получал в год не более 300 руб. Короткое пребывание М. М. Сперанского в Иркутске заметно повлияло на вкусы и манеры горожан. «Его образ жизни, – вспоминала позднее Е. А. Авдеева-Полевая, – его манера обращаться, его мнение, все было наблюдаемо, пересказываемо и служило образцом для многих»²⁰. С именем Н. Н. Муравьева связано дальнейшее развитие общественной жизни в Иркутске, появление первой в Восточной Сибири газеты, но еще большее значение для города, да и для всей Сибири, имело присоединение к России Приамурья и Приморья, установление новой границы с Китаем.

Глубокий след в общественной и культурной жизни Байкальской Сибири оставило пребывание здесь ссыльных декабристов и петрашевцев. Литературно-музыкальные салоны в домах Волконских и Трубецких привлекали не только местное чиновничество, но и многих иркутских купцов. Совместные встречи, деловые отношения и интересы способствовали сближению декабристов с лучшими представителями сибирского купечества – Кузнецовыми, Трапезниковы-

²⁰ Авдеева-Полевая Е.А. Воспоминания об Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 58.

ми, Басниными, Белоголовыми, Медведниковыми, ставшими не только их деловыми партнерами, но и друзьями. Многие из них оказывали декабристам посильную помощь и старались облегчить их участь. В свою очередь, декабристы, стараясь лучше узнать и понять сибирскую действительность, активно содействовали выработке в местном обществе «сибирских вопросов», подготавливая тем самым почву для зарождения сибирского областничества. Заложенные декабристами традиции активного восприятия социальных проблем и включенности в жизнь местного общества были продолжены последующими поколениями политических ссыльных. Причем в новых исторических условиях это сближение с потребностями и интересами городского общества принимает уже не только нравственно-культурный, но в значительной степени политический характер.

Размывание сословных рамок в сибирском обществе, «частое общение» между чиновниками и купцами, с одной стороны, и купечеством и мещанскими слоями, с другой, создавали благоприятную среду для развития общественной и культурной жизни Иркутска и творческих импульсов его граждан. Этим Иркутск выгодно отличался от других сибирских городов, тем более от российских. В России подобная ситуация была в принципе невозможна. Уже упоминавшийся нами Вишняков писал: «Отношение купечества к дворянству было, естественно, полно недоверия, зависти и недоброжелательства. Встретить дворянина или дворянку в купеческой среде было такою же редкостью, как купца или купчиху в дворянской»²¹. В Иркутске же было в порядке вещей, когда генерал-губернатор Восточной Сибири М. М. Сперанский открывал бал в паре с женою городского головы купчихой Саватеевой. Демократизация общественных отношений затронула даже верхушку иркутского общества. Здесь не было места сословным и национальным предрассудкам. «В Иркутске очень мало интересовались происхождением, – вспоминал сын иркутского генерал-губернатора А. П. Игнатьева, – и в доме родителей весело танцевали и евреи Кальмееры, и гвардейские адъютанты отца, и богатые золотопромышлен-

²¹ Вишняков Н.П. Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. С. 39.

ники, и интеллигенты-ссылнопоселенцы, и скромные офицеры резервного батальона. Такое пестрое общество ни в одном губернском городе Центральной России, а тем более в Петербурге – было немыслимо»²².

Как уже отмечалось, ведущую роль в развитии общественной жизни сибирского общества играло купечество. Конечно, были в этой сфере люди непорядочные, готовые ради прибыли на любые противоправные поступки. В то же время, наряду с понятиями о купеческой жадности, скупости, расчетливости в сознание современников и потомков прочно вошло понятие «купеческое слово», которое было лучшей рекомендацией в обществе, поскольку ассоциировалось с надежностью, честностью и исполнительностью. Воспринимая свое богатство как своеобразную награду и испытание свыше, лучшие представители купечества стремились часть его использовать для общественных нужд, рассматривая это как своеобразную плату за собственный успех. Приобретая со временем профессиональные навыки, чувствуя за собой усиливающуюся с годами экономическую мощь своих капиталов, купцы вырабатывали в себе новую систему нравственных ценностей. В основе ее лежало понятие «купеческая честь», т. е. свод правил, регулирующих поведение купца в различных ситуациях и определяющих основные моральные качества. В обществе таких людей нередко называли «совершенный купец». По мнению горожан, под этим званием понимался купец не только предприимчивый и удачливый, но и широко известный на общественном поприще, как правило, являвшийся членом городского самоуправления, а нередко и городским головой. Такой купец был обычно хорошо образован, имел собственную библиотеку и собрание картин, непременно посещал театр и вообще слыл знатоком и покровителем искусств. Дом его был известен не только знатными обедами, но и своеобразными приемами, на которые собирались меломаны и любители изящной словесности. Его имя и деяния оставались в памяти горожан, передаваясь из поколения в поколение. Для таких купцов нормой жизни становилось активное участие в делах общества и благотворительность. Почти в каждом сибирском городе было несколько

²² Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. М., 1989. Т. 1. С. 37.

купцов такого рода, но особенно прославился подобными «совершенными купцами» Иркутск. По всей Сибири были известны книжные собрания, оранжерея и литературные салоны В. Н. Баснина, собрания и приемы в особняках Сибиряковых, Дудоровских, Медведниковых, картинная галерея В. П. Сукачева, уникальная энтомологическая коллекция С. Н. Родионова.

Вокруг купеческих домов группировались небольшие кружки местной интеллигенции, куда помимо купцов входили молодые чиновники, офицеры, учителя, врачи. Их отличал интерес к книге, краеведческим изысканиям, литературному и научному творчеству. Их было немного, представителей первого поколения сибирской интеллигенции, но именно они определяли своеобразие и тенденции культурного развития края. Именно с этими купеческими домами тесно общались ссыльные декабристы, неизменно находя здесь не только материальную поддержку, но и чутких и внимательных собеседников.

Традиции благотворительности и меценатства становились смыслом и делом жизни и передавались от поколения к поколению. Многие из купцов, как бы стыдясь своего богатства и благополучия, стремились по мере возможности внести посильный вклад в изучение края, развитие просвещения и культуры городского общества. В их среде проявляется стремление участвовать в первых российских научно-просветительских организациях, таких как Санк-Петербургское вольное экономическое общество (ВЭО), Общество для собирания памятников отечественной истории и древностей при Московском университете (ОИДР), Московское общество сельского хозяйства (МОСХ), Библейское общество и др. Как правило, эти первые общественные организации возникали по инициативе центральной власти и действовали под высочайшим покровительством.

Говоря о сибирском купечестве первой половины XIX в., не следует идеализировать его нравы и характеры. Были и такие купцы, которые богоугодными делами стремились замолить собственные грехи. Но всё же для многих служение общественным нуждам было нравственным долгом и своеобразной формой местного патриотизма. Неслучайно большее число пожертвований шло на нужды просвещения, социаль-

ного призрения, медицинской помощи, благоустройства городов, т. е. в те сферы городской жизни, где государственные затраты были минимальны или вообще сведены к нулю. Филантропия, таким образом, стала одним из направлений общественной инициативы, средством поддержания относительной стабильности в городском сообществе. В благотворительных и других общественных объединениях участвовала наиболее активная часть общества, что уже свидетельствовало о зарождении гражданского общества и общественных инициатив. Участие в благотворительной деятельности обладало в глазах купечества высокой социальной значимостью. Для определенной части купечества она становилась сферой преодоления узкоклассовых устремлений и интересов, что, несомненно, содействовало консолидации городского общества и его движению в сторону развития гражданских инициатив и интересов. Тем более что эта деятельность поощрялась местным руководством и правительством. Особо отличившихся купцов ожидали медали и ордена, почетные звания. Следует отметить, что местная администрация старалась пропагандировать подобные начинания, обставляя открытия новых благотворительных заведений торжественно и пышно. В 1806 г., например, в Иркутске была открыта первая общественная больница, построенная на капитал купца Н. С. Чупалова. Информация об этом достойном подражании примере была направлена во все уезды губернии, в том числе и в Киренский, «чтоб оное сообщить публике города Киренска». Здесь также нашелся свой меценат – купец П. З. Черепанов, на деньги которого была построена больница для жителей города и уезда. По ходатайству иркутского гражданского губернатора Н. И. Трескина он был награжден золотой медалью на алой ленте. В дальнейшем подобные заведения были открыты на купеческие деньги и в других городах региона. Активной меценатской деятельностью отличались иркутские купцы Баснины, Медведниковы, Сибиряковы, Трапезниковы, Е. А. Кузнецов, верхнеудинские Г. А. Шевелев и М. К. Курбатов, селенгинские Старцевы, Наквасины, кяхтинские Н. М. Игумнов, И. И. Котельников, Лушниковы, нерчинские И. А. Юренский, Зензиновы, М. и Н. Бутины.

Значительные качественные изменения в культурном и общественном быте городов Сибири привели к общей демократизации городского общества. По-прежнему ведущей силой его оставалось купечество, но и в нем произошли заметные перемены. Наиболее активные и социально зрелые его представители успешно сочетали коммерческую деятельность с общественным служением и благотворительностью, жаждали уже «не столько богатства, сколько славы». Необычайного размаха достигло в пореформенное время меценатство и благотворительность, причем их направленность была ориентирована на развитие образования и социально-культурной сферы. В городе появляются первые общественные и благотворительные организации, в деятельности которых участвовали не только купцы и чиновники, но и разночинская интеллигенция. Из среды купечества выходят не только меценаты и общественные лидеры, но и творческие личности – врачи, художники, ученые, публицисты. Можно вспомнить имена писателя, историка и общественного деятеля Н. А. Полевого, врача с мировым именем Н. А. Белоголового, лечившего И. Тургенева и Н. Некрасова, известного исследователя ледников, погибшего в Альпах, А. П. Федченко, А. М. Сибирякова, много сделавшего для изучения сибирской Арктики, и его брата Константина, известного скульптора, и многих других иркутян. «В настоящее время, – писал Г. Н. Потанин в 1880-х гг., – начинает появляться класс людей, которых можно назвать благородной буржуазией. Это ряды жертвователей по убеждению, люди, сами принимающие участие в трудах интеллигенции»²³.

К середине XIX в. в общественной жизни сибирских городов начинают постепенно появляться общественные структуры, созданные не распоряжением местной власти, а отдельными группами городского населения. Так, по инициативе чиновника Б. А. Милютина в 1864 г. в Иркутске появился первый проект создания культурно-просветительной организации «Общество грамотности Восточной Сибири». Однако он не был утвержден, поскольку не соответствовал представлениям властей о содержательной стороне общественной деятельности в сфере просвещения. Крупными общественными

²³ Письма Г. Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3. С. 230.

организациями, в которых участвовали представители местной общественности, были: отделение Российского общества Красного Креста (1868), Иркутское благотворительное общество (1874), Общество помощи учащимся в Восточной Сибири (1875), Общество любителей музыки и литературы (1881 г.), Общество содействия учащимся в Петербурге сибирякам (1884 г.) и др., а также научно-исследовательские объединения – Восточно-Сибирское отделение Русского географического общества (1851) и Иркутское отделение Русского технического общества (1868). Всего во второй половине XIX в. только в городах Иркутской губернии было создано около 40 общественных объединений, направленных на развитие благотворительности, научной, культурно-просветительной и досуговой деятельности. Они способствовали расширению и оживлению общественной и культурной среды, распространению образования и научных знаний, профессионализации различных видов деятельности, инновациям в сфере повседневной жизни и досуга, консолидации различных социальных групп. В целом эти организации, как и органы городского самоуправления, являлись одним из важнейших каналов формирования гражданской активности городского населения Сибири, представляя социальную базу либерализма и демократии.

Таким образом, к середине XIX в. в городском обществе наиболее крупных городов Сибири произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета. Показателями их были большая динамичность хозяйственной жизни города, расширение коммерческого кругозора и торговых связей купечества, стабилизация и растущее влияние капитала в городском управлении и общественной жизни, разительные перемены в образе жизни и культуре горожан. В малых городах с их неторопливым экономическим и социальным развитием формирование городского сообщества и общественных инициатив проходило более медленно и в целом соответствовало тенденциям дореформенного российского провинциального города.

Вопросы и задания для самоконтроля к теме 10

1. Особенности социального протеста в городах Сибири XVII в.

2. Дайте характеристику наказа от Иркутска в Комиссию об Уложении.
3. Борьба иркутского купечества с произволом сибирской администрации.
4. Роль чиновничества и политических ссыльных в социализации сибирского городского общества.
5. Роль купечества в развитии общественных инициатив.
6. Традиции сибирской благотворительности и меценатства.

Литература к теме 10

1. Бочанова Г. А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Г. А. Бочанова, Л. М. Горюшкин, Г. А. Ноздрин. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. – 212 с.
2. Записки иркутских жителей / сост. М. Д. Сергеев. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1990. – 544 с.
3. Куприянов А. И. Русский город первой половине XIX века: общественный быт и культура горожан Западной Сибири / А. И. Куприянов. – М. : АИРО-XX, 1995. – 157 с.
4. Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. Н.В. Куликаускене. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1996. – 320 с.
5. Мешалкин П. Н. Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей. Вторая половина XIX – начало XX в. / П. Н. Мешалкин. – Красноярск : Изд-во КГПУ, 1997. – 157 с.
6. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в. / В. П. Шахеров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 256 с.
7. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в судьбах и лицах / В. П. Шахеров. – Хабаровск : ИД «Приамур. ведомости», 2006. – 176 с.

Заключение

В течение XVIII – первой половины XIX в. происходил процесс формирования и развития городов Сибири, который при всем региональном своеобразии отражал основные закономерности российской урбанизации. Возникновение городских поселений было следствием и одним из главных факторов формирования общесибирского экономического пространства. Процесс этот был весьма противоречив, имел чисто сибирские особенности, что не могло не сказаться на специфике сословно-демографической ситуации, эволюции социально-экономических структур и динамике городского пространства. Результатом стало создание разнородной структуры городских поселений – от высочайше учрежденных городов до острогов, торговых слобод и заводских поселков.

Превращение любого поселения в город тесно связано с формированием в нем городской среды, включающей в себя не только экономическую составляющую, градостроительный образ и природный ландшафт, но демографические и ментальные характеристики городского общества. Даже поселения, не ставшие в силу определенных причин городами или потерявшие этот статус, отличались более сложной социальной структурой и играли важную роль в формировании и реализации товарно-денежных отношений. Тем самым они наполняли сельскую округу «городским сознанием» и отчасти возмещали недостаток официальных городских поселений в регионе.

Следствием городских реформ в России стало развитие городского самоуправления, выборность органов городской власти, многочисленные общественные службы, что, в свою очередь, содействовало социализации и сплоченности городского социума, выдвигало лидеров и подвижников общественного служения. Основой развития города, его экономической самостоятельности была бюджетная политика. В течение всего рассматриваемого периода шел процесс оптимизации доходной части города, переноса налогового бремени с населения на торгово-промышленную сферу и недвижи-

мость. В свою очередь недостаточное бюджетное финансирование сдерживало инициативу городского общества и не давало в полной мере реализовать возможности городского управления. В результате деятельность городских органов власти была направлена преимущественно на решение текущих вопросов городского хозяйства и управления в ущерб перспективному развитию города.

Формирование регионального купечества в целом отвечало процессам и сословно-общественной организации городского населения, сложившимся в России в дореформенный период. Особенностью было отсутствие в Сибири дворянского предпринимательства, как и самого дворянства, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Несмотря на преобладание мелкого купечества, лидирующие позиции в экономической и общественной структуре города занимала купеческая элита – первогильдейцы, которые во многом и определяли социальную активность и зрелость городских обществ. Именно в их среде формируются новые жизненные ценности и ориентиры, включающие в себя не только коммерческие приоритеты, но и стремление к просвещению, общественной деятельности, благотворительности. Устойчивой тенденцией становится постепенное размытие сословных форм организации хозяйственной и общественной жизни, проявлявшееся в активизации участия в городской торговле и промышленности других социальных групп населения.

Процесс формирования сибирского экономического пространства носил многогранный характер, связанный как с общим вектором хозяйственного развития империи, так и с региональными особенностями. Функцию пространственной локализации экономических связей выполняли ярмарки, связанные между собой своеобразными цепочками, по которым и осуществлялся весь товаропоток. Различные формы торговли не подавляли, а дополняли друг друга. Стационарная торговля обслуживала города, развозная – сельскую местность, а ярмарки соединяли регионы Сибири в единый хозяйственный комплекс, который складывается к середине XIX в. С этого времени можно говорить и о вхождении сибир-

ского регионального рынка в общенациональный. Экономическое пространство Сибири было заметно шире ее географических и политических рубежей. Российский и местный капитал выходил за пределы собственно сибирских территорий и стремился укрепиться на внешних рынках Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского региона. Особая роль в развитии международной торговли в течение рассматриваемого периода принадлежала Иркутску, Тобольску, Омску и Кяхте. Русско-китайская торговля, несмотря на свой транзитный характер, содействовала развитию транспортной системы региона, ориентировала на удовлетворение своих нужд ряд местных промыслов и отраслей промышленности.

Городское ремесленное производство Сибири заметно уступало торгово-промышленным занятиям населения и едва обеспечивало потребности ближайшей округи простейшими домашними изделиями. Слабое проявление рыночных отношений было заметно лишь в немногочисленных купеческих предприятиях, большинство из которых достигало уровня мануфактуры. Сибирские города были в большей степени центрами региональной и транзитной торговли, нежели промышленного производства.

В дореформенный период в городах Сибири происходило формирование сети образовательных и культурно-просветительных учреждений, муниципальных органов самоуправления и общественных объединений, что обозначало постепенную смену приоритетов и ценностей в духовной жизни горожан, расширяло их образовательный и культурный уровень. В условиях неразвитости и разобщенности городского общества особую значимость приобрела общественная инициатива по поддержке социокультурных инноваций, формирование благотворительности в сфере культуры и поддержки социально незащищенных категорий городского населения.

Особенностью формирования культурной среды сибирского города было то, что инновационные процессы не замыкались только в каком-то одном слое населения, а постепенно захватывали значительную часть чиновничества, купечества и мещанства. Как подмечали современники, между чиновниками и купцами «есть частое общение», и этой атмосферой сибирские города выгодно отличались от большин-

ства российских. Более того, купеческие круги не только активно финансировали общественно-культурную среду города, но и сами принимали заметное участие в развитии культурного процесса. Значительное воздействие на бытовую культуру и кругозор жителей края имело проникновение азиатской, прежде всего китайской, культуры. Такой сплав разных культур не мог не привести к формированию самобытного и разнообразного городского быта, к развитию гражданского и культурного кругозора иркутских жителей.

К середине XIX в. в развитии городского общества произошли существенные сдвиги, связанные с формированием общественного самосознания, процессом выработки и оформления гражданских позиций и инициатив. Заметным явлением стало появление общественных объединений сословного, приходского и внесословного уровней, ставших практически единственной формой общественной самоорганизации различных слоев городского населения. Участие в благотворительной деятельности и общественных объединениях содействовало социализации различных слоев городского общества, повышению их правового и культурного уровня, росту гражданского самосознания.

Изучение изменений, происходивших в законодательстве, городской экономической и общественной среде Сибири, позволяет выделить два хронологических этапа. Первый связан с появлением первых городских поселений и становлением системы городского хозяйства с конца XVII в. до 1780-х гг. Наиболее важные изменения, ставшие следствием реформ второй половины XVIII в., происходят в городском обществе и самом городе в конце XVIII – первой половине XIX в. К середине XIX в. в городском обществе наиболее экономически развитых сибирских городов произошли значительные изменения, свидетельствующие о формировании буржуазного менталитета. Показателями их были большая динамичность хозяйственной жизни города, расширение коммерческого кругозора и торговых связей купечества, стабилизация и растущее влияние капитала в городском управлении и общественной жизни, разительные перемены в образе жизни и культуре горожан.

ПРИМЕРНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ТЕМ РЕФЕРАТОВ И КУРСОВЫХ РАБОТ

1. Городской рынок Сибири.
2. Управление сибирским дореформенным городом.
3. Взаимоотношение власти и городского общества Сибири.
4. Общественная жизнь горожан Сибири.
5. Социальный состав городского населения Сибири.
6. Типология сибирского города.
7. Жалованная грамота городам 1785 г.
8. Характеристика городов Восточной Сибири в «Топографическом описании Иркутского наместничества» 1792 г.
9. Записки иркутских жителей как источник о развитии городского общества.
10. Место малого города в системе сибирского горообразование.разовательного процесса.
11. Становление коммунального хозяйства в сибирском городе.
12. Формирование бюджетов сибирского города.
13. Особенности экономического и социального развития Кяхты.
14. Особенности формирования и сфера приложения капиталов сибирского купечества.
15. Особенности планировочной структуры сибирского города.
16. Архитектура сибирского города.
17. Основные формы торговли.
18. Становление образования в сибирском городе.
19. Культурно-бытовые процессы в сибирском городе.
20. Информационная среда сибирского дореформенного города.
21. Благоустройство городов Сибири.
22. Иркутская ярмарка.
23. Иркутское купечество.
24. Роль Иркутска в открытии и освоении Русской Америки.
25. Пути сообщения и транспорт.

Наказ в «Уложенную Комиссию» от жителей г. Иркутска

Наказ, данный от иркутских жителей выбранному по силе именного ея императорского величества всевысочайшего 1766-го году, декабря 14-го дня, повеления и приложенного при оном обряде из иркутского купечества депутату Алексею, Афанасьеву сыну, Сибирякову Меньшому, сочиненный под смотрением городского головы нерчинского горного начальства берг-гешворена иркутского купца Михаила Сибирякова, для принесения в Москве во учрежденной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения о нижеписанных гражданских нуждах и недостатках просьбы, а именно:

А. ИРКУТСКОГО ШТАТА ОТ ДВОРЯН И ДЕТЕЙ БОЯРСКИХ ИЗЪЯСНЕНИЕ.

1. По указу из Тобольской сибирской губернской канцелярии, августа от 21-го числа 725-го году, велено по городу Иркутску по штату быть дворянам первой статьи – 3, второй – 7, детям боярским – 40 человекам, им давать жалованья в год денежного: дворянам первой статьи по 20, второй по 10, детям боярским по 8 рублей; хлебного: ржи дворянам и детям боярским каждому по три четверти, круп по полтора четверика; а которые пожелают за хлебное жалованье взять себе пахотной земли и сенные покосы, тем велено, по силе воеводского 204-го году, декабря 18-го дня наказы, 34 пункту и по указу государя императора Петра Второго марта 15-го числа 1728-го году, довольствоваться пахотными землями и сенными покосами и другими угодьями в силу вышеписанного из Тобольской сибирской губернской канцелярии 725-го году указу, ныне действительно служащих по городу Иркутску, находятся налицо дворян первой статьи – 1, второй – 4, детей боярских – 29 человек; и в полное число по штату не имеется: дворян первой статьи 2, второй статьи – 3, детей боярских – 11 человек.

2. А из вышеписанного определенного им денежного жалованья вычитается у них, по силе указу бывшего Сибирского приказа сентября от 2-го 737-го году, на новоучрежденный тогда в Тобольску драгунский полк и пехотный батальон: у дворян первой статьи по 2 рубли по 37 копеек с половиною, второй статьи по рублю по 19 копеек, у детей боярских по 95 копеек с четью в каждый год и по ныне.

3. А за тем вычетом производится им денежного жалованья уже действительно в год: дворянам первой статьи по 17 рублей по

62 копейки с половиною, второй статьи по 8 рублей по 81 копейке, детям боярским по 7 рублей по 4 копейки по три чети; хлебного против вышеписанного, ржи по три четверти, да за крупу рожью ж вдвое по три четверика; и иные за то хлебное жалованье имеют у себя пахотные земли и сенные покосы, которые оную пашню, за неимением у себя крепостных людей, содержат наемными людьми, а те земли они имеют, только как находятся в службе, а по отставке из службы или по смерти за те земли на жен и детей их, ежели оне пожелают оставить своих домов и займок, то полагается на них так же, как и на прочих крестьян, оброчный провиант по два пуда за каждую десятину; а ежели ж тем платежом они будут не в состоянии платежа, то отдаются оные земли в оброки другим желающим, а они, вдовы и сироты с детьми, остаются без никакого пропитания.

4. За которое выдаваемое им денежное жалование служат они, дворяне и дети боярские, по городу Иркутску разные службы и определяются к интересным немалым делам, а именно в иркутскую рентерею к приходу и расходу денежной товарной казны и ясашной мягкой рухляди рентмейстерами, в иркутские и никольские магазины для сбора и приему с крестьян и с прочих разного чина людей оброчного провианта и у раздачи оного в иркутския на разные военные регулярные и нерегулярные команды в жалование и у отправления того провианта в разные места водяным и сухим путями за Байкал-море на раздачу на состоящие при китайской границе и в прочих тамо местах на разные военные команды ж и на нерегулярное войско в жалование ж, за провиантмейстеров за сбором иркутского ведомства разных родов с иноверцев, кочующих в немалой обширности в лесах и степных местах, ясаков, посылаются в Москву и в Санкт-Петербург с ясашной мягкой рухлядью, денежною и товарною казною повсегодно; посылаются ж для отвозу и отдачи с принятою денежною казною немалою суммою оной ж Иркутской губернии в города за Байкал-море в Селенгинск, Нерчинск и в сереброплавящие заводы, также и во отдаленные города в Якутск и Охотский порт и те же города и в прочие остроги и слободы с приемным провиантом, вином и солью и с прочими припасами; также находятся они при иркутской губернской канцелярии при приеме канцелярских мелочных припасов и материалов и у покупки в тою канцелярию и на отправляющия в разные места суда разных потребностей комиссарами каждогодно ж, и у сбору с партикулярных топорных судов разного чина людей как в Иркутске по реке Ангаре, так и у Байкала-моря до Илимского ведомства по реке Лене летним временем пошлинных денег; в город Томск у отправления почт почмейстерами, у приему и у перевозки из иркутского Усолья в город Иркутск водяным путем на судах соли и той соли у отдачи в Иркутске повсегодно ж, да они ж, дворяне и

дети боярские, посылаются в разные Иркутской губернии города и остроги с разными делами по почте и на других подводах, отчего пришли крайне по недостатку жалованья, а всегда по не полному по штату дворян и детей боярских в частых и беспрестанных служениях, во всеконечную скудость и убожество.

5. И по бытию у тех неусыпных немалых служб многие впади под начета и доимки, из коих с их же братьи и выборщиков из предписанного денежного жалованья за те доимки вычитают неослабно; за теми вычитами иные служат без получения жалования, а должность несут в службах такую, где бы подлежало быть обер-офицерам; да сверх того из них, дворян и детей боярских, при городе Иркутске имеют свои дома, а они находятся в службах, и в тех домах остаются одне только жены и дети, но и на те дома от иркутской полицмейстерской конторы всегда как при них, так и без них наряду с прочими жителями бывают постои, также и стоят бекетовые караулы, отчего претерпевают немалое отягощение; и за тем всем вышеписанным случаем означенного выдаваемого им денежного и хлебного жалованья за немалыми службами бывает всегда весьма недостаточно, к тому ж из них же, дворян и детей боярских, по прежней и по нынешней ревизии по большей части написаны по городу Иркутску с прочими разночинцами наряду в подушном семи-, четыре- и шестигривенном платеже, кои и платят собою со всякою скудостью, а находятся все в вышеписанном штате, яко не суть подлинные дворяне и дети боярские, но по всем примерам и отягощениям яко самые подлые люди и никакого себе в ровность против прочих дворян и детей боярских преимущества не имеют. А на вышеписанное изъяснение приносим нижеписанную просьбу:

1) в силу вышеписанного из Тобольска из Сибирской губернской канцелярии 725 году указу – о дополнении в число положенного по городу Иркутску штата дворян и детей боярских и о даче им во равность прочих сибирских дворян преимущества;

2) о уничтожении у них, дворян и детей боярских, из их годового денежного жалованья по силе указа бывшего Сибирского приказу сентября от 2-го числа 737-го году на учрежденные в Тобольске драгунский полк и пехотный батальон вычета;

3) за понесенные вышеписанные разные службы о прибавке к прежнему годовому окладу по дороговизне здесь, в Иркутске, всяких хлебных и съестных припасов, также платья, обуви и прочего, для всеконечной их скудости как денежного, так и хлебного жалования, а кои за хлебное жалование имеют пахотные земли и сенные покосы, также кто из них и другие пожелают взять себе во владение какия можно отыскать угоды, а хотя по неимению порозжих, кроме государственных крестьян и оброчных, отводить повелено

было в вечное владение, а по отставке из службы или по смерти оставлять в наследство женам и детям, яко ими уже заслуженные, без отбирания обратно и не полагая за те угоды на жен и детей их никаких оброков, а для размножения хлебопашества и других надобностей дозволить, кто пожелает, купить крепостных людей;

4) живущих в городе Иркутске дворян и детей боярских своими домами от постоев и бекетовых караулов освободить, а находящихся в подушном окладе выключить или отставить из службы (а за верную службу для пропитания дать, какое заважасудит-ся, награждение);

5) по силе ея и. в. из правительствующего Сената декабря от 16-го числа 1765-го году указу по достоинству заслуг и по долго-временной и беспорочной службы наградить из дворян рангами обер-офицерскими, а детей боярских в дворяне, ибо в городах, яко то в Сибирской губернии в городе Якутске дворяне многие пожалованы обер-офицерскими рангами и имеют против состоящих в городе Иркутске, яко то против губернских дворян и детей боярских, преимущество.

Б. ОТ ИРКУТСКОГО КУПЕЧЕСТВА И ЦЕХОВЫХ

1. За отдачею прежде состоящей на иркутском магистрате и купечестве кабацких сборов питейной суммы ныне на откуп господину обер-директору Гусятникову из новой его отдачи за таковое помилование ея. и. в. иркутское купечество приносит всенижайшее благодарение и притом всепокорнейше просит, чтоб оные сборы впредь за таковую, как ныне обер-директор Гусятников содержит по большим их отдачам, хотя б и со уменьшением, положены не были на иркутское купечество, и от того не могло оное притти в крайнюю нищету и разорение, да и казенные бы доимки на себя не умножить.

2. Хотя таможенным уставом, состоявшимся в 755-м, и указами 752-го октября 30-го и 756-го годов апреля 29-го чисел, приезжающим иногородним купцам и других чинов людям о розничной продаже товаров и накрепчайше подтверждено, одноко ж здесь, в Иркутске, разных городов припленные по паспортам всякого чина люди и приезжающие из купцов всякими товарами в розницу торгуют и в уезды от себя отпускают и тем иркутскому купечеству немалый подрыв чинят, отчего иные припленные уже в банкротство и в разорение почти до основания, а кому указами повелено смотрение иметь, теми оставляется и спускается, и для того из высочайшей ея. и. в. милости всенижайше просить об оном накрепчайше подтвердить, кто же из иногородних купцов и припленных и здешних крестьян

ян и разночинцев впредь в розницу торговать будет, оные товары у них по силе вышеписанных указов конфисковать.

3. Из приезжающих иногородних купцов и крестьян некоторые имеют здесь собственные свои дома, кожевенные и мыльные заводы и построенные для подрядов и перевозки за Байкал-море всякой клади собственные свои суда, чего и иметь им не должно, ибо они по здешнему месту никаких податей и тягостей не несут и служб не служат, и тем здешнее купечество и цеховых опромысливают, отчего иркутское купечество и цеховые немалое себе отягощение несут, а некоторые от тех своих заводов и судовых промыслов отстали. И за тем всенижайше просить: кто из них таковые заводы и суда имеют, тем дозволить записаться в посад или в цех, а кто не пожелает записаться, тем от всех промыслов вовсе отказать; кто ж из них, иногородних и посторонних людей, под видом хотя и у здешнего купца оные промыслы иметь будут, то сделанные их суда и вывезенные товары дозволить по вышеписанным указам конфисковать же.

4. В городе Иркутске в полицмейстерской конторе находятся командирами из штаб- и обер-офицеров, а в ту полицию требуются и определяются к служению по числу дворов большею частию в сотники, пятидесятники и десятские из купечества и цеховых, и для того, а особливо по состоянию в городе Иркутске большего числа жительства купечества и цеховых, нежели разночинцев, коих небольшое число имеется домами, и во удержание для приезжающих штаб и обер-офицеров и прочих чинов людей в отводе квартир немалых несогласиев и ссор, из высочайшей ея величества милости всенижайше просить касающиеся до купечества и цеховых при полиции дела препоручить по силе регламента Главного магистрата 10 -й главы в одно ведение иркутскому магистрату.

5. Живущие здесь, в Иркутске, вблизи города за полисадом юртами бурятские иноверцы многия воровства чинят, лошадей и скота крадут и отгоняют в дальние улусы, и доискаться никоим образом невозможно; белку, соболи и лисицу перекупая у своей же братии, подделывают, копотят и тем сдабривают и русский народ обманывают, и тайным образом с иногородними купцами поторжки имеют, и пригоняемый из дальних улусов недопуская своею братию для продажи со скотом в город, перекупая у них и довольствуются прибылью они, живущие при городе, а не улусные, и тем здешнему гражданству в покупке товаров и скота несносный подрыв чинят. И за тем всенижайше просить, чтоб им, бурятским иноверцам, в близости здесь, города Иркутска, как то ныне при самом городе есть, юртами и никаким жильем не жить, а кои ныне живут, тех всех выслать и распределить на свои их места, где и прочие таковые ж иноверцы кочуют и живут.

6. Оные ж бурятские иноверцы и тунгусы, приезжая из улусов, здесь, в Иркутске, пушные товары и звериные кожи продают оптом и в рознь иногородним купцам и пришлым людям, кому указами и торговать не велено, и тем они, иноверцы, да и те, иногородние купцы и пришлые, отторговывают и здешним купцам и цеховым в купеческой коммерции чинят немалый подрыв. И для того всенижайше просить: когда оные иноверцы из улусов с какими-нибудь товарами приедут сюда, в Иркутск, оное приказать им продавать оптом или розницею только здешнему купечеству и цеховым, а не иногородним купцам и пришлым, а буде иногородние купцы или пришлые кто что у них купит, оное у тех купцов и пришлых и у здешних крестьян и разночинцев, кому указами торговать запрещено, дозволить конфисковать же.

7. Иркутская губернская канцелярия, многих здешних купцов и цеховых принимая, допускает во откупы и подряды без ведома магистрата и без дозволения купецкого; а потом, когда они в том явятся неисправны, то следующее с них в казну взыскание, какое бы то ни было, слагает и почитает все то в доимок на магистрат, чему магистрат и ни мало виною в том не состоит, да и знать не может; когда же магистрат соответствует, что с тех должников и взыскивать крайне уже нечего, то после яко бы за продолжение и упущение оного в доимку, паки канцеляриею взыскание чинят усиленно с магистратских и ратушских присутствующих, и за то иногда содержат их под караулом безвинно; того ради всеподданнейше просим: впредь бы оное той канцелярии чинить запретить; когда же то учинить, то б повелено было за непредосторожность оное все в казну чинить взыскание помимо магистрата с подрядчиков и откупщиков самой той канцелярии.

8. По присланному указу из Сибирского приказа обще с Главным магистратом от 13-го числа апреля 76-го году велено: кто из иркутского купечества и цеховых имеют пахотные земли и сенные покосы, тем всем людям подводы гонять обще с крестьянами наряду, посему и до ныне оное чинится, и какая б куда посылка ни случилась и команда ни последовала, то у купцов и цеховых несравненно и без расчета с крестьянами берут излишняя многия подводы и чинят купцам обиды; и за тем всепокорнейше просить: хотя б кто из купечества или цеховых иметь и будут пахотные земли и сенные покосы, с тех под казну и под прочее подвод не иметь и никаму наряду не чинить и всем командирам, кто б какого чина не был, усиленно требовать и брать запретить, ибо многие от той подводной гоньбы приходят в упадок и разорение.

9. Наперед сего по требованию иркутской губернской канцелярии с 732-го по 747-й год находились в той канцелярии, а с 747-го в иркутской же рентерее за выбором иркутского купечества у

счета денежной казны в счетчиках человека по два, по три и по четыре в ведомстве той канцелярии и под точным смотрением самих господ губернаторов секретарей и приказных служителей; а сверх того, у настоящего приходу и расходу той денежной казны по усмотрению господ губернаторов за выбором секретарей находились действительно приходчиками и расходчиками из приказных служителей; по губернаторскому ж 728-го года наказу 21-му пункту и по указу 735-го года, декабря 21-го дня, велено ту денежную казну ежемесячно, а потом и при окончании года, свидетельствовать, хранить и печатать казенною печатью самим губернаторам и воеводам и секретарям, а ныне, как не безызвестно, с того 732-го года до бытности господина губернатора генерал-майора и кавалера Вульфа от несмотрения бывших губернаторов, секретарей и приказных служителей оказывается в запущении или вовсе утраченной денежной казны в доимке немалотысячная сумма, кою иркутская губернская канцелярия, требуя, и взыскивает за тех бывших счетчиков с иркутского магистрата и с выборщиков из купечества; и за тем всепокорнейше просить: повелено б было в силу объявленного губернаторского наказа и доимочной инструкции 733-го года, мая 24 дня, и по состоявшимся указам 1735-го, декабря 31-го, 738-го, марта 25-го, и 762 годов, октября 25 чисел, за таковое слабое смотрение и упущение учинить взыскание неизъемлемо с тех, кто в том причиною состоит, а купечество от того б взыскания учинить свободно: ибо те счетчики из купечества находились только при одном счете денег, а не в собственных своих руках имели; со счетчиками бы учинить по законам, чему они будут достойны.

10. Из высочайшей ея и(мператорского) в(еличества) милости всенижайше просить ко облегчению здешнего купечества сборами на содержание имеющих в Иркутском губернском магистрате приказных служителей и на магистратские расходы: бумагу, сургуч, дрова и на прочие необходимые расходы, без коих никак обойтись невозможно, о употреблении до коликой суммы по рассмотрении определиться из вступающих по магистрату в силу именного всевысочайшего 1763-го году, декабря 15 дня, на жалованье новоположенных денег указу.

11. В купеческой коммерции необходимо потребно иметь лучшим купцам у себя приказчиков, большею ж частью обязываются векселями с такими людьми, кои на первый случай своим хозяевам оказывают свою верность, а потом вверяют им товаром и деньгами немалыя суммы; когда ж, получа они в свои руки велику или малу сумму, во отсутствии от хозяев впадают некоторые от невоздержности в роскоши, в пьянство и непотребное житье, отчего вверенный им капитал проматывают, а другие умышленно переводят в посторонния руки, а потом явят себя банкротами под видом хотя

владеть и пользоваться незаконно чужим в одной надежде, что на таковых нет строжайшего закона, отчего капиталисты и лучшие купцы в коммерции несут крайние убытки; когда ж приступят ко взысканию, напротив того те ж приказчики и векселедавыц предприимлют бессовестно происки и своим хозяевам наносят великие обиды, затруднения и от платежей отрекаются и показывают за-тейно, яко б насчитывают постановлением высоких цен у товаров и клепят платежами денежными, чего от них и не бывало; ябедни-ческими ж происки векселедавыц употребляют главный пункт, яко б сверх указных процентов приписывали процент, и тем заводят хозяев в приказныя хлопоты, отчего лучшие купцы претерпевают в коммерции великий подрыв, а коммерция время от времени при-ходит в упадок, оттого ж умаляются и казенные доходы; а те при-казчики и векселедавыц в продолжении суда и волокитами поль-зуются чрез же выкрутки и таковых же себе подобных подкуплен-ных на хозяйския деньги людей свидетельми почитают свою лжу за правость и свою незаконную выторжку за приобретение, чего ради всенижайше просить о строжайшем с таковыми узаконений.

12. По малолюдству здесь, в Иркутске, купечество и цеховые по требованиям Иркутской губернской канцелярии почти ежегодно в разных интересных служениях обращаются, да и в другие города, как то с 759-го году последовало, канцеляриями требовались и к тем служениям высылались, а именно в город Илимск без мала чрез шесть сот верст, а от Илимска в дальние уезды рассылались по пяти, по шести и по семи сот верст, а в Нерчинск едва не чрез ты-сячу верст; здешнее ж купечество, будучи в Илимском уезде, чрез год паки возвращаются в Илимск и проживают за отчетами по году и по полтора, и за тем лишается здешнее купечество всей своей ку-печеской коммерции и в путевых проездах приемлют себе убыток, а цеховые тож лишаются своих мастерств и приходят от того, да и пришли, в крайнее разорение; а по прежним состоявшимся указам в прошлом 1722-м году по 1-му – генваря 11-го, по 2-му – апреля 13-го, по 3-му – сентября 24-го, по 4-му Высочайшему именному повелению 731-го годов, августа 11-го числа, 8-го числа, 8-го пунк-та, из купечества и цеховых для соблюдения купеческой коммер-ции и мастерств ни в каких служениях быть не велено, а повелено быть из отставных или действительно военнослужащих; и для того в сходность оных прежних законов из Высочайшей Ея и. в. милости всеподданнейше просить от оных бы всех служениев купечество и цеховых учинить свободно, а дозволить быть при всех тех служени-ях из отставных или действительно военнослужащих, как предпи-санными правами узаконено.

13. Напротиво ж того, ежели здешнее гражданство и цеховые ото всех служениев будут свободны, то, уповательно, купцы купече-

ской своей коммерции, а ремесленники от мастерств своих могут поправиться и в лучшее состояние притти и более в купеческой коммерции и в мастерствах обращаться, и за тем всеподданнейше просить как здешним, так и иногородним всякого чина людям дать бы вольность морския суда строить и в вояж вступать в Камчатку и в другия тамо отдаленныя места, кто куда пожелает для прииску неизвестных островов и на них зверинных промыслов с тем, во-первых, наилучшим иноверцам казать ласку и приветливо к склонению к подданству ея и. в. и к платежу ясака: когда ж они к тому склонны явятся, дозволить от них брать аманатов и вывозить в Россию и представлять ея и. в. из желаемым ими платимым ясаком, и если помощью Божиею и счастием ея и. в. покорены будут, то должны российский народ чинить против вышеописанного ж, казать им ласку и приветство и возможным награждать; ежели ж оное для приохочивания дозволено будет. То, уповательно, не то-чию Российскому государству в пространство, но и Всевысочайшему ея и. в. интересу немалый прибыток последовать может.

14. В Камчатке и в Большерецком и Анадырском острогах находящиеся из военнотружущих командиры купечеству и других чинов мореходцам многия чинят препятствия и остановки и в купеческой коммерции помешательства, а тех всех людей приводят в убыток напрасно; и затем всенижайше просить: для правосудия и добротпорядочного содержания российского народа в Камчатке или в Большерецке или в других тамо главных местах учредить ратушу и определить по согласию и с совету всех случаетющихся тамо мореходцев быть командирами за выбором из купечества или из кого между собою они из благорассудных людей сами изберут, а военнотружущим тамошним командирам в том их не ведать.

15. Наперед сего при китайской границе по таможенному 207-го года уставу и по указам бралось в казну со обеих сторон натурою и деньгами по 22 копейки с каждого рубля, а по нынешнему новоположенному тарифу, состоявшемуся в 1761-го году, сходит в казну по 49 копеек с каждого ж рубля; и затем остается хозяину капитальной суммы от каждого ж рубля только по 51 копейке, что, видя, купечество к наезде туда и охоты не имеют; некоторые иркутские купцы ныне имеют завезенные в Кяхту товары, кои лежат и до ныне без всякой поторжки, у прочих же те товары на вексели забраны, со всех же тамо в казну с тех товаров и пошлины заплачены, и от непоторжки все купечество приходит во изнеможение; и за тем из Высочайшей ея и. в. милости просить, не соизволено ли будет для таковой бедности учинить милостивое рассмотрение и нынешний бы тариф возможным облегчить.

16. Здесь, в городе Иркутске, купечество и прочие чины имеют собственные свои дома с огородами, почти всякий по купчим

крепостям с платежом указных пошлин, а особливо по близости к городской крепости и к торговым местам покупаются оные немалую ценою; когда же случится, отчего Боже сохрани, у кого те дома по несчастию сгорят, и прежний владелец не токмо тогда дому, но всего своего в пожарный случай имения лишась, вскоре застроиться не может, то вышеописанные места отводятся другим людям без покупки и безденежно, почитая, яко бы ту порозжую землю прежнему владельцу ни продать, ни заложить не можно, отчего все те люди приходят в крайнее разорение и нищету; того ради всенижайше просить, чтоб оное командам чинить запретить, а дозволить прежняя покупная места всякому владельцу иметь в вечном потомстве, и вольны они по прежним купчим крепостям продать и заложить.

17. Наперед сего, да и ныне здесь, в Иркутске, всем городым жителям под домовое и огородное строение места и земли отводятся длиннику только по 16, а по перешнику по 8 сажень, отчего в строениях имущие люди несут и претерпевают немалую нужду, а паче от пожарных случаев бывает великий страх и опасность; и за тем всепокорнейше просить, чтоб по довольству здесь земли для городского распространения, кто из жителей пожелает вновь строиться, тем под постройку домов и огородов дозволить отводить земли по пропорции; тем же всем людям по принадлежащим улицам строиться линейно, а старых дворов и никакого строения для прямизны улиц не ломать, дабы жители от того не могли понести себе разорения.

18. Ныне недавно состоявшимися указами повелено во всем государстве на всякое строение употреблять лес пильный, а не топорный, а здесь, в Иркутске, состоит казенная пильная мельница только одна, и довольствоваться нечем, а других к постройке заводить угодных мест для плотины не предвидится; по близости ж здесь к городу и далее благодтию Божию состоит лесу весьма довольное число, а по состоявшемуся ж указу 1720-го года, марта 28 дня, в Сибири в рубке лесов топорного чинить не воспрещено; и за тем всенижайше просить, чтобы здесь, в Иркутской губернии, дозволено было на всякое строение по множеству употреблять лес топорный, а не пильный, ибо здесь в лесе никогда впредь и никакому недостатку, по благодти Божьей, быть не уповательно.

19. По регламенту Главного магистрата 13-й главы накрепчайше подтверждено, чтобы в каждом городе купцы и цеховые неспособными постоями отягощены, и от того б торгах и промыслах их помешательства не имели, да и сверх того, многими указами запрещено, чтоб без ведома магистрата никто сами собою квартир не занимали; а здесь, в Иркутске, по отдаленности многие приезжающие штаб- и обер-офицеры сами собою усиленно, без отводу от маги-

страта, становятся на купецкие и цеховые квартиры и чинят им разные приметки и обиды, и хозяев совсем вон выживают и по долговременному житью своевольно постройки чинят, за которые по сходе с тех квартир взыскивают усиленно немалые деньги; и для того из Высочайшей ея И. В. милости просить: самим собою им, штаб- и обер-офицерам, и никому без отводу магистрата на купеческие и цеховые квартиры усиленно становиться и хозяев из домов своих выживать и тем, да и прочим обидеть и пристройки им без дозволения хозяев чинить запретить, а определенным в Иркутске военнослужащим баталионам, по тому ж и отставным штаб-, обер- и унтер-офицерам и рядовым солдатам повелено б было построить им вечныя квартиры или казармы собою, ибо и от них в постоях купечеству и цеховым и от излишних требований у хозяев дров, свечей и съестных припасов и прочего чинятся немалые обиды и притеснения.

20. По указам 741-го, апреля 29-го, и 742-го годов, июля 1-го, числ, здесь, в городе Иркутске, городской лекарь Фиан Ваксман со онаго 741 году находится на купеческом трактаменте, и употреблено ему в жалованье на каждый год по 144 рубли, и того составляет по 768-й год 3888 рублей, а сверх того прежде дан ему от гражданства покупной дом, и пристройка к нему чинима была по его требованию за немалую сумму, а ныне как купечество признавает то его, лекаря, содержание за немалое себе отягощение, и за тем всепокорнейше просить впредь ему или по нем кому другим быть на казенном, а не на гражданском жалованье и довольствоваться своим домом, а не квартирою.

21. В Иркутской губернии ныне год от году военных людей и прочих посельщиков противу прежняго несравненно стало приумножаться, а крестьян состоит малолюдство, и на умножающиеся команды и посельщиков состоит из казны покупка провианту немалая, да и впредь, уповательно, на всегдашнее время оное происходить будет, и за тем, чтоб впредь было хлеба со удовольствием никакой нужды не предвидится (и от чего Боже сохрани), хотя в один год последует недород хлебу, то всем живущим здесь людям может воспоследовать разорение; того ради из Высочайшей ея и. в. милости всенижайше просить, не повелено ль будет иркутскому купечеству и прочим чинам, кто от избытку своего пожелает по множеству здесь пустых мест для приумножения хлебопашества из диких поль порозжую землю и сенные покосы или вновь расчищать, оные отдавать от иркутской губернской канцелярии без платежа в казну денежного и оброчного провианта, и тем людям, кому оныя земли и покосы отданы будут, иметь тем в вечном потомстве в рассуждении того, что из онаго, во-первых, воспоследует Высочай-

шему интересу в покупке хлеба прибыток, да и народу от дешевизны хлеба надежная польза.

22. Из Высочайшей ея и. в. милости всеподданнейше просить за крайним в Иркутской губернии малолюдством по необходимости для распространения и содержания рудных, медных, железных, соляных, мелничных, кожевенных, мыленных заводов, откупов, подрядов и прочих услуг и работ по дороговизне здесь наемных из русских городов работных людей, кои не менее получают каждый платы на хозяйском пропитании от 20, а другие ремесленные люди от 30 до 50 и до 100 рублей, дозволить купить купечеству у помещиков, у вотчинников, кто пожелает продать, пристойное число людей; капиталистам, имеющим заводы, сколько им потребно, не имеющим заводов от избытку своего до 5 семей.

23. Многие из военнослужащих обер- и унтер-офицеры и других чинов люди, поставляя купечество и цеховых за ничто, чинят разные притеснения и прицепки, бесчестят, бьют и увечат за напрасно; того ради из Высочайшей ея и. в. милости всеподданнейше просить, кто из обер- и унтер-офицеров и прочих чинов людей на купцов и цеховых найдут и чему обесчестят, побьют или изувечат, и в том по делам явятся виновны, повелено б было отважно положить за бесчестие денежное взыскание по их окладам, а за бой и увечье учинить то ж, что и купцам и цеховым определено будет.

24. По указам здесь, в городе Иркутске, учреждено соляное комиссарство, и в нем находится у отправления всех дел комиссар из тобольских дворян с производением ему и будущим при нем приказным служителям, канцеляристу и двум копиистам по ново-состоящемуся штату с довольным жалованьем, а денежный соляной сбор, приход и расход весь состоит с 761 году и до ныне на магистрате, и у записки прихода и расхода той казны и у сочинения рапортов ведомостей и прочих производимых при том дел задолжены и находятся из купечества один канцелярист, да двое копиистов с награждением им в жалованье из мирских поборов канцеляристу по 80, копиистам по 30 рублей на каждый год, и в том они трое, а более всего и сами магистратские присутствующие в том задолжаются напрасно, и купечество от излишних на оное поборов приемлет себе отягощение; того ради из Величайшей ея и. в. милости просить, не соизволено ль будет от всех тех соляных дел, от приему и содержания денежной казны иркутский магистрат учинить свободным, а положить единственно все оное правление на соляное комиссарство или на губернскую канцелярию, как то и до 761 году состояло.

25. Из Высочайшей ея и. в. милости всенижайше просить, ежели кто из купечества и цеховых волею Божию помрут, а

наследников и свойственников никого от них не останется, то б оставшее их имение дозволено было для платежа в казну за них подушных денег и прочих указных податей за бедно умерших, престарелых и неимущих оставлять в гражданскую сумму, а оставших их жены чтоб в замужество без ведома купечества не выходили, в том им учинить запрещение.

26. По состоявшемуся указу 1727 года, сентября 30-го дня, дозволено в Иркутской губернии промысел иметь слюдяной всем безвозбранно, почему многие из иркутского гражданства на то и отваживаются, токмо имеют препятствие от здешних иноверцев, потому что в те места оные иноверцы не допускают, грабят и отнимают приготовленные на то орудия, хлеба и прочие съестные припасы, и тем русским людей иногда несносно обидают; и для того из Высочайшей ея и. в. милости всенижайше просить: не повелено ль будет для прииску тех слюдяных и по пути следующих всяких звериных промыслов дозволить гражданству ходить без истребования от иркутской губернской канцелярии и без платежа пошлин, объявлять только во ону к ведению о походе от артелей, куда похотят идти и в каком числе людей при доношениях (в) поименном реестре, в рассуждении того, что по Иркутской губернии почти все иноверцы русский язык знают и сами говорить умеют и находятся под ведомством канцелярии, и затем куда их здешнее гражданство с артелями для изыскания каких руд, слюдяных и звериных промыслов с указными виды ни пришли, допускать дозволить и вышеописанных обид русским людям чинить им запретить.

27. Наперед сего, да и ныне, по малолюдству в здешней губернии государственных крестьян крайняя и необходимая происходила, да и ныне немалая нужда состоит купечеству и цеховым в лавочные сидельцы, в приказчики и работники нанимать из крестьян русских городов, к сему они сами по большей части прежде были, да и ныне склонны; по прежним же купецким отпускным книгам и по векселям некоторые и до ныне иркутскому гражданству должны, а по состоявшемуся Правительствующего Сената указу 761 году, февраля 14-го числа, обязываться с ними ничем не велено, а кто обяжется, тем и суда не давать; и за тем из Высочайшей ея и. в. милости всепокорнейше просить, кто в чем из здешних и пришедших из русских городов крестьян до состояния предписанного указа у здешнего иркутского купечества и цеховых обязался долговыми записными книгами, векселями и письмами, с таковых и взыскание учинить по прежним законам.

В. ОТ ИРКУТСКИХ РАЗНОЧИНЦЕВ

1. Разночинское звание последовало с давних лет, в коем звании прежде состояли, да и ныне состоят, и действительно слу-

жащие дворяне, дети боярские и отставные казаки в подушном семи-, четыре- и тригивенном окладе с прочими разночинцами наряду, а они против других разночинцев никакой народной тягости и раскладок не несут и вспоможения в том не чинят, выручая себя тем, что они люди служащие, а другие отставные заслуженные, почему все оныя тягости и принуждены нести оставшие в малолюдстве прочие разночинцы.

2. Прежде, да и по нынешней третьей ревизии находящихся здесь, в Иркутске, жительством всех знатных чинов дворовые и крепостные люди написаны были, да и по ныне состоят в подушном единственно в семигивенном окладе с разночинцами ж наряду; а они ни в чем и никакого вспоможения не чинят же и тягостей мирских, раскладок не несут, а пребывают всегда в воле и в служении у господ своих, и так принуждены наперед сего с числа душ рекрут отдавать и рекрутские поборы платить и все оное нести на себе оставшие разночинцы.

3. Из тех же состоящих в подушном платеже дворян, детей боярских подростлые их дети, годные в службу, по рассмотрению иркутской губернской канцелярии, берутся и определяются действительно в службу, напротив ж того, престарелые, дряхлые и увечные по отставке присылаются и определяются паки в подушный платеж в разночинцы ж, и за тем наивяще вся тягость и подати полагаются на оставших же разночинцев.

4. По нынешней же третьей ревизии разных русских родов пришлых записано в подушный оклад с разночинцами ж немалое число и по большей части престарелые и все они домов не имеющие, об иных же, где они находятся, дознаться и сыскать невозможно, а с других налично престарелых не токмо каких податей собрать, но и настоящих подушных денег взять не можно, и за тем подушныя деньги и прочия мирския раскладки принуждено платить за них другими настоящими разночинскими жителями побором и раскладкою.

5. В разночинцах же здесь, в Иркутске, состоят по большей части из присыльных и каторжных, тоже престарелые, самые дряхлые и не имущие домов, а другие хотя и дома и детей имеют, но они люди неимущие ж и самые убогие, кои не токмо каких тягостей и других податей платить, но и едва настоящие за себя подушные деньги оплачивают милостынею, а за престарелых и дряхлых, также за умерших и беглых, как по бывшей второй, так и по нынешней третьей ревизиям платились, да и ныне платятся поборами ж с прочих налично оставших разночинцев с крайнею невозможностью.

6. Оставших же имущих разночинцев состоит весьма малое число, и несут они тягости несносныя, во-первых, по наряду иркут-

ской губернской канцелярии находятся в разных городских сделках и работах, как то и ныне недавно было при строении казенных провиантских магазинов, ластовых морских судов, наперед же сего и архиерейского дому и прочих происходимых многих поделках, а особливо в городе Иркутске содержим подводну гоньбу в каждый год по 30 лошадей, не имея у себя в отвод (кроме одного дворового жительства) никаких земель и сенных покосов и других угодий, и ту подводну гоньбу принуждены иметь наймом, на котору и употребляется ежегодно от четырех до семи сот рублей, отчего не только неимущие, но все имущие, претерпевая такову несносную тягость, пришли во всеконечное разорение и нищету, так что и подушных денег платить в казну крайне не в состоянии.

7. И для предписанных разночинских всекрайних нужд и разорений из Высочайшей ея и. в. милости просить, не соизволено ль будет именуемое здесь разночинское звание впредь уничтожить, а из разночинцев всех распределить по порядку: дворян, детей боярских и казаков действительно служащих в их чины из подушного оклада из разночинцев выключить, прочих же разночинцев, могущих тягости нести по желанию их каждого распределить по имению некоторых капитала в купечество, а имеющих же ремесла и мастерства в цех, а других во крестьяне или в ямщики, неимущих же, престарелых, дряхлых и увечных записать в богадельни и оставить их без платежа денег.

В прочем же все здешнее иркутское дворянство, дети боярские, купечество, цеховые и разночинцы по общему совету и согласию вверяем ему, депутату Алексею Сибирякову Меньшому, что он к соблюдению и сохранению Высочайшенго интереса и ко общественной народной пользе усмотрит, признает и заблагорассудит, в том на него полагаемся и дозволяем просить и исходатайствовать по его рассуждению во всем непременно, в чем сим наставлением за нашими руками и уверяем

ИЮНЯ 23 ДНЯ, 1764 ГОДУ

Наказ скреплен по пунктам городским головой и бергешвореном Михаилом Сибиряковым. Под наказом следуют подписи сочинителей его — сына боярского Василия Лапина, купцов Алексея Шалина и Федора Власова. Делее подписи 15 дворян и детей боярских, 43-х купцов, 8-ми цеховых, 37-ми разночинцев.

(Сборник Русского исторического общества. СПб., 1911. Т. 134. С. 387–404.)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Грамота на права и выгоды городам Российской Империи

21 апреля 1785 г.

Божиею поспешествующею милостию мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, царица Херсониса-Таврическаго, Государыня Псковская и великая княгиня Смоленская, княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иных, государыня и великая княгиня Новагорода, Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Полоцкая, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская, Витепская, Мстиславская и всея северныя страны повелительница и государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей, и иных наследная государыня и обладательница.

С самого первого основания общежителств познали все народы пользы и выгоды, от устройства городов проистекающия, не токмо для граждан тех городов, но и для окрестных обитателей. Начиная от древности, мраком покрытой, встречаем мы повсюду память градоздателей, возносимую наравне с памятию законодателей, и видим, что герои, победами прославившиеся, тщились градозданием дать бессмертие именам своим.

Мы и тут не имеем нужды искать примеров чуждых, но, заимствуя оные из собственных деяний отечества нашего, находим, что предки российские славяне, от славных подвигов и самое название свое получившие, где только посягала победоносная рука их, оставляли следы свои созиданием градов, именами славянского языка украшенных, до ныне сие соблюдавших, и насаждением в оных торговли, до самых отдаленных краев тогда известных разпространенной. Всероссийские самодержцы от самых древних лет с расширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, давая в них безопасное пристанище торгу и рукоделиям. Обширность государства, обилие произрастений не токмо на поверхностях земли, но и в недрах ея сокровенных, удобства сообщения сухопутнаго или водоходнаго, рачения и предприимчивость лленороссийскаго народа не могли не иметь добрых успехов. Полезным таковым установлением предков наших мы тщились подражать по мере размножения народа и возвращения

богатства его, как то свидетельствуют города, в двадцатитрехлетнее царствование наше, числом двести шестнадцать, воздвигнутые повсюду, где того требовали или местные выгоды, или стечение окрестных жителей. Не оставили мы как их, так и те, кои предками нашими сооружены были, снабдить надлежащим управлением, освободить рукоделия, промыслы и торговлю от принуждений и притеснений и преподать им различные полезные способы и ободрения. С помощью Божиею в толь краткое время добрые плоды намерений и трудов наших, да и несомненно уповаем, что верно-подданные наши, граждане городов наших, похвальным радением, доброю верою в торговле, промыслах и ремеслах и поведением, соответствующим благу нашему об них попечению будут пособствовать возвышению мест ими населяемых в цветущем состоянии, и тем вяще заслужат нашу императорскую к себе милость и благоволение, в залог коих восхотели мы данные от нас городам, их обществам и членам сих обществ выгоды и преимущества подтвердить нашу жалованную грамотою, узаконяя в следствие того на веки непоколебимо следующие статьи.

А. Городовое положение

1. О устроении по утвержденному городовому плану.

Город строить по утвержденному плану за подписанием руки императорского величества.

2. Городу правильно принадлежащее.

Городу подтверждаются правильно принадлежащая по межевой инструкции или инако законно земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустые места, мельницы водяные или ветряные; все оные вообще и каждое порознь ненарушимо иметь и оным пользоваться мирно и вечно на основании законов как внутри города, так и вне оного.

3. Городовые выгоны не застраивать, вторично выгонов не отводить и не покупать.

Запрещается городовые выгоны застраивать; буде же город городовые выгоны застроит или инако в невыгоны обратит, то городу вторично выгонов не отводить и городу выгонов не покупать; но да наймет по нужде или удобности.

4. Об охранении каждому в городе правильно надлежащего.

В городе живущим сохраняется и охраняется собственность и владение, что кому по справедливости и законно принадлежит как движимое, так и недвижимое.

5. О присяге подданической.

В городе поселившиеся обязаны присягою пред всемогущим богом в сохранении ненарушимо подданической верности к особе императорского величества.

6. О росписке вместо присяги по мещанству.

Кто поселится в городе, тот имеет учинить росписку вместо присяги, что право гражданское принимает и обязуется по мещанству нести тягости.

7. О неналожении новых податей служб или тягостей на город без подписания руки императорского величества.

Власть имеющая места или лица да не налагают на город новых податей, или служб, или тягостей; и буде от города кто-либо требовать будет в противность узаконению или что городу трудно или тягостно, то городской магистрат в том имеет жалобу приносить губернскому магистрату, равномерно доносить и Сенату, которому не налагать податей, или служб, или тягостей без подписания руки императорского величества.

8. О недостатках нужного городовому магистрату куда представлять.

Городовой магистрат, по усмотрению внутри города каких нужд или недостатков, имеет о том представить губернскому магистрату и губернскому правлению заблаговременно, которое, то обстоятельство разсмотря, буде губернатор сам не властен, в силу его наказа представит, где надлежит.

9. О городской книге, в коей городовые дома и проч. вписаны.

Городовому магистрату иметь книгу с описанием домов, строений, мест и земель городских под нумерами, дабы желающие дать в заем деньги на заклад дома или же кто дом, строение, место или землю купить или нанять хочет, с тою книгою справясь, давать деньги мог с надежностью.

10. Мещанским промыслом промышляющий повинен нести мещанския подати, службы и тягости.

Мещанския подати, службы и тягости как личные, так и вещественныя всяк в городе мещанским торгом, ремеслом или промыслом промышляющий, повинен нести наравне с мещанством, разве особою статьею освобожден от оных.

11. Кому мещанским промыслом не промышлять.

Кто в городе в мещанском не записан, мещанским промыслом да не промышляет под опасением, что за то в законе написано.

12. Иногородным мещанским торгом и промыслом, пользующимся нести мещанские тягости, службы и подати.

Иногородные, в городе для жительства поселившиеся, торг и промысел имеющие и пользующиеся мещанскою городовою выгодою, судом и разправою по торгу и промыслу состоят под ведомством городского магистрата и повиноватися имеют городовым личным и вещественным тягостям, службам и податям.

13. О дворянах, кои дома, сады, места и землю имеют в городе или предместии.

Дворяне, кои имеют собственные свои дома, или сады, или землю, или места в городе или предместии, хотя сами в них живут или в наем отдают, от мещанских тягостей не освобождаются, но за такие дома или сады, или места, или землю, в городском ведомстве находящиеся, должны нести гражданские тягости равно прочим мещанам. Ради же дворянского достоинства, благородные освобождаются от личных податей и служб. Буде же кто из таковых дом, или сад, или место, или землю в городе или предместии захочет продать, да объявит о том в городском магистрате.

14. Кому в городе быть свободным от мещанских личных тягостей и податей.

Императорского величества в военной или гражданской службе находящиеся люди, кои по должности или же по собственным нуждам в городе находятся или живут, или приходят, или приезжают на время и мещанским промыслом не промышляют, - всем таковым от мещанских тягостей податей и служб быть свободным.

15. Какие дома в городе свободны суть от постоя.

Дом, в котором живет бургомистр, ратман и городской глава (кроме самых нужнейших случаев), свободны суть от постоя.

16. Как защищать и подкреплять мещанские промыслы.

Мещанские промыслы да защищаются правосудием и да подкрепляются порядком благочиния.

17. О народных школах.

Предписывается в городе учредить и иметь школы на точном основании 384 статьи учреждений 7 ноября 1775 года и других изданных о том от императорского величества установлений.

18. О постройке водяных и ветренных мельниц.

Городу не дозволяется, где удобно, на городских землях завести, построить и содержать мучные, или пильные, или иные водяные, или ветряные мельницы.

19. О корчмах и прочем на городской земле.

На городской земле по дорогам дозволяется городу построить и содержать и в наем отдать харчевни, корчмы, или герберги, или трактиры.

20. О гостинице и лавках по домам.

Мещанам отдается на волю в городе иметь или строить, или чинить для хранения или продажи товаров гостиницу или же иметь по домам лавки и анбары для продажи и поклада товаров.

21. О клейменных весах и мерах.

В городе иметь клейменные веса и меры и с оными поступать по установлениям.

22. О браковании товаров.

Городу дозволяется установить, для подкрепления в торгу доверия, товарам брак и в том поступать по установлениям.

23. О возке товаров по всякому пути.

Городовым мещанам иметь и пользоваться кораблеплаванием в привозе и отвозе товаров сухим и водяным путем, где, куда и как удобно.

24. Уездные жители имеют беспрепятственный привоз в город и вывоз из онаго.

Уездным жителям да будет свободно и безопасно свои произрастения, рукоделия и товары в город возить и потребное для них из города вывозить беспрепятственно; и с уездных жителей при привозе произрастений, рукоделия и товаров в город или вывозе потребнаго для них из города не требовать явления или записания пашпорта в здоровое время.

25. О еженедельных торговых днях в городе.

В городе назначить еженедельные торговые дни и часы во дне; и для того назначить в городе место, куда, и время, когда привозить, продавать и покупать удобно, что кому потребно, и на том месте городской магистрат велит поднять разпущенное знамя, и в те часы, пока знамя поднято, запрещается продавать или покупать или закупать оптом припасы; со спущением же знамя запрещение таковое снимается. Непроданное же за кем не запрещается паки отвозить за город.

26. О годовой ярмарке.

В городе учредить ежегодно одну ярмарку или более, смотря по обстоятельствам и удобствам; и для того назначить время и место, в которое бы пригородные люди всякие товары беспрепятственно привозить, торги, покупки и продажи производить могли; непроданное же не запрещается паки за город вывозить.

27. О строении или выписывании судов и кораблей для торговли.

Не возбраняется торговым жителям строить или выписывать из иных мест и стран для торговли суда и корабли; оные нанимать, содержать и паки в ход и плавание отпускать с грузом и без груза.

28. О городском гербе.

Городу иметь герб, утвержденный рукою императорского величества, и оный герб употреблять во всех городских делах.

Примечание.

В жалованных грамотах включается в сем месте настоящий герб того города, красками изображенный, а внизу описание герба.

Б. О городских обывателях. Установление общества градского и о выгодах общества градского

29. О дозволении собираться городовым обывателям.

Городовым обывателям каждого города жалуются дозволение собираться в том городе и составить общество градское, и пользоваться нижеписанными правами и выгодами.

30. О собрании городских обывателей всякие три года.

Городовые обыватели собираются по приказанию и дозволению генерала-губернатора или губернатора как для дозволенных городских обывателям выборов, так и для выслушания предложений генерала-губернатора или губернатора всякие три года в зимнее время.

31. Городской глава, бургомистры, старосты и судьи совестного суда выбираются обществом и проч.

По силе 72-й статьи учреждений по городам и посадам городской глава, бургомистры и ратманы выбираются обществом городским чрез всякие три года по балам; старосты же и судьи совестного суда выбираются тем же обществом всякой год по балам.

32. Заседатели губернского магистрата и мещанские заседатели совестного суда выбираются губернским городом и проч.

По силе 73-й статьи учреждений губернского магистрата заседатели и заседатели совестного суда выбираются губернским городом из купцов и мещан губернского города чрез всякие три года по балам и представляются правителю или губернатору; и буде за ними нет явного порока, то губернатор дозволяет им заседание.

33. О выборе мещанством заседателей в суды из мещан, на месте живущих.

Заседатели и суды выбираются мещанством из мещан, на месте живущих, или из тех, кои в городской обывательской книге того города написаны суть, но неотлучны по торгу и промыслу бывают.

34. О заседании двум ратманам в управе благочиния.

По силе 2-й статьи Устава благочиния или полицейского, в управе благочиния с городничим и приставами уголовных и гражданских дел заседают два ратмана городовые.

35. О дозволении представить к балотированию кандидатов.

Буде выбор всего мещанства по балам продолжителен и неудобен окажется, тогда дозволяется обществу градскому каждой городской части собираться и представить кандидатов, из коих балотировать.

36. О представлении общественных нужд и польз.

Обществу градскому дозволяется представить губернатору о своих общественных нуждах и пользах.

37. Запрещение о делании положении в противность законам и требований в нарушение узаконений.

Обществу градскому запрещается делать положения, противные законам, или требования в нарушение узаконений, под опасением за первый случай (то есть за положения, противные законам) сверх уничтожения положений, противных законам, наложения и взыскания с общества пени двести рублей; а за второй случай (то есть за требования в нарушение узаконений) уничтожения недель-

ных требований, что поручается бдению и иску губернских стряпчих, по силе второго предмета их должности.

38. Обществу градскому как поступать с предложом.

Буде генерал-губернатор или губернатор обществу градскому учинит предлог, то общество градское оный берет во уважение и чинит по случаю пристойные ответы, сходственные как узаконениям, так и общему добру.

39. О доме для городского общества и архивы.

Обществу градскому дозволяется иметь дом для собрания общества того города и архивы.

40. О печати городского общества.

Обществу градскому дозволяется иметь печать с городovým гербом.

41. О писаре городского общества.

Обществу градскому дозволяется иметь своего собственного писаря.

42. О казне городского общества.

Обществу градскому дозволяется составить особливую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять им по общему их согласию.

43. Личное преступление мещанина не взыскивать на мещанстве.

Да не взыщется на обществе градском личное преступление гражданина.

44. Мещанство в суде защищается стряпчим.

Общество градское на суд да не предстанет, но да защищается своим стряпчим.

45. Какие дела непосредственно вносятся в губернский магистрат.

По силе 315-й статьи учреждений в губернский магистрат вносятся все дела до привилегий, спорных владений или прочия дела, до целого города или до права стряпчих касающиеся. Сии дела и переносы или апелляции на городовые магистраты, сиротские суды и ратуши непосредственно до губернского магистрата принадлежат.

46. Учреждение городского сиротского суда.

По силе 30-й и 293-й статьи учреждений при каждом городском магистрате учреждается городской сиротский суд для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот.

47. О присутствующих в городском сиротском суде.

По силе 31-й и 294-й статьи учреждений в городском сиротском суде председатель городской глава и заседают два члена городского магистрата и городской староста.

48. Городовому сиротскому суду поручается попечение о вдовах и сиротах, и имении, и делах их.

По силе 297-й статьи учреждений городовому сиротскому суду поручается попечение не токмо о оставших в том городе после всякаго звания жителей малолетних сирот и их имении, но и о вдовах и их делах.

49. Не выбирать мещанина не имеющего капитала, с которого проценты ниже пятидесяти рублей и моложе двадцати пяти лет.

Обществу градскому запрещается избирать для тех должностей кои по силе учреждений выбором наполняются, мещанина, который в том городе не имеет капитала, с которого проценты ниже пятидесяти рублей и который моложе двадцати пяти лет.

50. Мещанин безкапитальный голоса не имеет.

В обществе градском мещанин, который капитала не имеет, с которого проценты ниже пятидесяти рублей, и моложе двадцати пяти лет, присутствовать может, но голоса не имеет.

Примечание.

Запрещение в статьях 49-й и 50-й о неизбрании мещанам, не имеющим капитала, с которого проценты ниже пятидесяти рублей, и мещан, не имеющих таковых капиталов, разумеется о тех городах, в которых такие капиталы в гильдиях находятся; а где оных нет, там дозволяется и меньше капитал имеющим голос иметь и таковых же избирать.

51. Мещанин без дома, капитала или ремесла и моложе двадцати пяти лет в обществе градском ни сидеть, ни голоса иметь, ни выбран быть не может.

В обществе градском мещанин быть может безкапитальный и моложе двадцати пяти лет, но сидеть не должен, ни голоса иметь, ни выбран быть не может для тех должностей, кои наполняются обществом градским.

52. О изключении за явный порок из общества градскаго.

Обществу градскому дозволяется изключить из общества градскаго гражданина, который опорочен судом или котораго явный и доверие нарушающий порок всем известен, хотя бы и судим еще не был, пока оправдается.

53. В городе составить городовую обывательскую книгу.

В городе составить городовую обывательскую книгу, в коей вписать обывателей того города, дабы каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию.

54. О выборе в городе депутатов для составления городской обывательской книги.

Для сочинения в городе городской обывательской книги общество градское избирает чрез три года старост и депутатов, кои должны иметь попечение о действительном сочинении и продолжении городской обывательской книги по данному ниже сего для того наставлению.

55. В городской обывательской книге вписать имена граждан, имеющих дома и имение, и в гильдии и в цехи записанных.

В городской обывательской книге вписать имя и прозвание всякого гражданина, в том городе дом или строение, или земли имеющего, или в гильдии или в цех записанного, или мещанским промыслом промышляющего.

56. Кто не внесен в городовую мещанскую книгу, тот не принадлежит к обществу градскому того города. Буде кто не вписан в городовую обывательскую книгу того города, тот не только не принадлежит к гражданству того города, но да и не пользуется мещанскою выгодою того города.

57. О жалованной грамоте.

Городу дать жалованную грамоту за подписанием императорского величества руки и с приложением государственной печати, с которой прописать от слова до слова сии здесь, выше и ниже сего, прописанные общественные и личные выгоды.

В. Наставление для сочинения и продолжения городской обывательской книги

58. О сочинении старостам обывательского списка.

Старосты имеют сочинить по приложенной форме список по алфавиту городовым обывателям в том городе старожилам, родившимся или вновь поселившимся, отличая особо: 1. Кто женат и на ком; 2. много ли детей мужского или женского пола, и их имена; 3. холост, или вдов; 4. за кем дом, или иное строение, или место, или земля; им ли построено или наследственно, или куплено или в приданое получено, и в каком месте в городе; 5. в городе ли живет или в отлучке; 6. какого промысла; 7. в каких городских или иных службах был и есть.

Примечание.

Понеже о дворянских родах явствует дворянская родословная книга, и того дня, буде дворянин или дворянка дом, или иное строение, или место, или землю в городе имеет, то в городской обывательский список внести единственно имя, прозвание и чин (буде имеет) того дворянина или дворянки, за кем который номер.

59. Форма списка.

Форма списка обывательской семьи, в том городе живущей.

Имя и прозвание обывателя в том городе старожила, родившагося или вновь поселившагося, и его лета Холост или женат и на ком, или вдов Много ли детей мужского или женского пола, и их имена и лета Есть ли в городе за ним дом или иное строение, или место, или земля; им ли построено, или наследственно, или куплено. или в приданое получено, в каком месте в городе и какой номер

В городе ли живет тот обыватель или в отлучке Какого он промысла В каких градских или иных службах был или есть

60. Староста список доставит городскому главе.

Староста список таковой за своим подписанием доставит городскому главе того города, копию же у себя оставит.

61. Городский глава с депутатами составит городовую обывательскую книгу.

Городский глава того города с выбранными от города депутатами от каждой городской части из списка старосты составит городовую обывательскую книгу того города.

62. О шести частях городской обывательской книги.

Городовую обывательскую книгу разделить на шесть частей.

63. Настоящие обыватели.

В первую часть городской обывательской книги внесут состояние и имена настоящих городских обывателей по алфавиту.

Толкование.

Настоящие городские обыватели, суть те, кои в том городе дом или иное строение, или место, или землю имеют.

Примечание.

Каждый дом или иное строение, или место, или земля в городе да означается номером.

64. Гильдии.

Во вторую часть городской обывательской книги внесут вписавшихся в гильдии, первую, вторую и третью по алфавиту.

Толкование.

Вписавшиеся в гильдии суть все те (какого кто бы ни был рода или поколения, или семья, или состояния, или торгова, или промысла, или рукоделия, или ремесла), кои за собою объявят капитал, а именно: 1) кто объявит за собою капитал от десяти тысяч рублей и до пятидесяти тысяч рублей, того вписать в первую гильдию; 2) кто объявит за собою капитал от пяти тысяч рублей до десяти тысяч рублей, того вписать во вторую гильдию; 3) кто объявит за собою капитал от тысячи рублей до пяти тысяч рублей, того вписать в третью гильдию.

Примечание.

Разчисление гильдий по капиталам долженствует быть от одной в государстве общей переписи до другой таковой же, и по воле императорского величества подтверждаемо или исправляемо.

65. Цехи.

В третью часть городской обывательской книги внесут вписавшихся в цехи по алфавиту.

Толкование.

Вписавшиеся в цех суть те мастера, подмастерья и ученики различных ремесел, кои вписались в цех своего ремесла.

66. Иногородные и иностранные гости.

В четвертую часть городской обывательской книги внесут иногородних и иностранных гостей по алфавиту.

Толкование.

Иногородные и иностранные гости суть те иных российских городов и иных государств люди, кои ради промысла или работы, или иных мещанских упражнений записались.

67. Имянитые граждане.

В пятую часть городской обывательской книги внесут имянитых граждан по алфавиту.

Толкование.

Имянитые граждане суть те, кои: 1. Проходя по порядку службы городскую и получив уже название степенных, вторично по выборе отправили службу мещанских заседателей совестного суда, или губернского магистрата, или бургомистра, или городского главы с похвалою. 2. Ученые, кои академические или университетские аттестаты, или письменные свидетельства о своем знании, или искусстве предъявить могут и таковыми по испытаниям российских главных училищ признаны. 3. Художники трех художеств, а имяно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены академические или удостоения академические о своем звании или искусстве имеют и таковыми по испытаниям российских главных училищ признаны. 4. Всякаго звания и состояния капиталисты, кои капитала от пятидесяти тысяч рублей и более за собою объявят. 5. Банкиры, кои деньги переводят и для сего звания капитала ото ста до двух сот тысяч рублей за собою объявят. 6. Те, кои оптом торгуют и лавок не имеют. 7. Кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляют.

68. Посадские.

В шестую часть городской обывательской книги внесут посадских по алфавиту.

Толкование.

Посадские суть в том городе старожилы, или поселившиеся, или родившиеся, кои в других частях городской обывательской книги не внесены, промыслом, рукоделием или работою кормятся в том городе.

69. Запрещение о внесении в городскую обывательскую книгу кого без доказательства.

Городской глава и депутаты да не внесут в городскую обывательскую книгу, буде кто не представит доказательства своего состояния.

70. Всякая семья представит доказательства.

Всякая семья представить имеет доказательства своего состояния в подлиннике или за свидетельством.

71. О рассмотрении доказательств.

Городской глава со депутатами представленные доказательства состояния разсматривают и 1. Буде при рассмотрении доказательств единогласно или две трети находят доказательства недостаточными, то отдадут оныя доказательства обратно с таковым письменным объявлением, что отлагают внесение той семьи в городовую обывательскую книгу до представления им неопровергаемых доказательств. 2. Буде же при рассмотрении доказательств единогласно или две трети голосов находят доказательства достаточными, тогда ту семью внесут в городовую обывательскую книгу того города и дадут той семье лист за своим подписанием и с приложением печати общества градскаго, а в листе напишут, что по представленным доказательствам та семья внесена в городовую обывательскую книгу того города в такой-то части.

72. О внесении денег в городовую казну при записании семьи в городовую обывательскую книгу.

При внесении семьи в городовую обывательскую книгу отдается на волю общества нижи городской глава со депутаты от каждой городской части внесут городовую обывательскую книгу в общество гражданское, где оную прочесть должно для общего сведения; и буде общество гражданское потребует, то прочесть имеют и протокол городского главы со депутаты, дабы общество градское усмотреть могло порядочное производство.

73. В случае неудовольствия просить в губернском магистрате доуказательства. Буде кто не доволен рассмотрением и разбором городского главы со депутаты, тот имеет просить и представить свои доказательства в губернский магистрат.

74. О прочтении городской обывательской книги обществу градскому. По сочинении городской обывательской книги городской глава со депутаты от каждой городской части внесут городовую обывательскую книгу в общество гражданское, где оную прочесть должно для общего сведения; и буде общество градское потребует, то прочесть имеют и протокол городского главы со депутаты, дабы общество градское усмотреть могло порядочное производство.

75. Городовую обывательскую книгу хранить в архиве общества градскаго, одну копию в губернском правлении, а другую в казенной палате.

По прочтении городской обывательской книги обществу градскому городской глава со депутаты, списав с городской обывательской книги две точныя копии, городовую обывательскую книгу и обе копии подписывают, городовую обывательскую книгу того города отдадут в архиву общества градскаго, и обе же копии отсылают в

губернское правление, которое одну копию оставя у себя, другую копию отошлет в казенную палату той губернии.

76. О продолжении городской обывательской книги.

Буде кто в городской обывательской книге не внесенный получит по наследству, или по закладным, или по купчим, или инако законно, дом или иное строение, или место, или землю в том городе, то должен при первом сходе общества градского просить о внесении его в городовую обывательскую книгу; и буде обществу градскому известно и сомнения о его состоянии не имеет, то без справок да внесется в городовую обывательскую книгу. Буде же вписан в городской обывательской книге инаго города и в том лист за подписанием городского главы со депутатами и за печатью общества градского того города предъявит обществу градскому, то сие служит ему достаточным доказательством для внесения в городовую обывательскую книгу.

Г. Доказательства состояния городских обывателей

77. Доказательства городских обывателей.

Городовыми обывателями разумеются все те, кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строение, или места, или землю имеют, или в гильдии, или в цех записаны, или службу городскую отправляли, или в оклад записаны, и по тому городу носят службу или тягость. Доказательства же состояния многочисленны суть и более зависят от правдоушного разсмотрения и непристрастного испытания нежели от предписаний: различные законом дозволенные способы указуют путь, и правосудие не дозволяет исключить единого доказательства состояния, как тут, где слово закона доказательство таковое опровергает; милосердно же утверждают следующие доказательства состояния, не уничтожая однако же и сверх того иныя неоспоримыя доказательства которой семьи, хотя бы здесь и не прописаны были.

78. Доказательство состояния городских обывателей.

Доказательства состояния суть:

Приходская книга.

1. Имя и состояние в приходской книге той приходской церкви, где крещен, священником записано и кумовьями подписано в день своего крещения число, месяц и год.

Свидетельство священниково и прихожан.

2. Свидетельство приходского священника того прихода, где живет, и двух свидетелей градских, обывателей того же прихода.

Перепись.

3. Прежних лет переписи.

Ревизия.

4. Последняя ревизия.

Гильдейский лист.

5. Гильдейский лист за руками гильдейскаго старшины и двух человек в той же гильдии вписавшихся свидетелей.

Цеховой лист.

6. Цеховой лист за руками цеховаго старшины и двух человек в том же цехе вписавшихся свидетелей.

Указы, грамоты и листы.

7. Указы, или грамоты, или листы, кому данные, с прописанием состояния или промысла.

Определении.

8. Определение по делу, доказующее состояние.

Суд.

9. Градским судом судился, яко городской обыватель.

Лист.

10. Похвальный лист.

Службы.

11. Службы какия отправлял.

Недвижимое градское имение.

12. Имел или имеет дом, или иное строение, или место, или землю, им построено, или наследственно, или куплено, или в приданое получено.

Гильдейское или цеховое свидетельство о капитале.

13. Свидетельство гильдейских или цеховых старшин и двух человек той же гильдии или цеха о подлинности капитала, который записал.

Атестаты.

14. Атестаты академические или университетские о знании или искусстве.

Росписки.

15. Росписки о неложной выставке по подряду.

Росписки казначейския и проч.

16. Казначейские и казенных приставов к магазейнам и иныя росписки о приеме или отдаче денег, или товаров, утверждающия доверие в знатности торго или промысла, или доказующия, или утверждающия объявление по совести капитала.

Книги, щеты, и разщеты.

17. Торгующих и промышляющих книги, щеты и разщеты.

Таможенные книги и проч.

18. Таможенные книги, щеты и разщеты.

Товары.

19. Товары наличные.

Корабли.

20. Корабли наличные.

Подряды или откупы.

21. Исправность подряда или откупа.

Выплаченные вексели.

22. Вексели, выплаченные в срок.

Договоры и доверия.

23. Договоры и доверия многих. Отец и дед.

24. Отец и дед жил в городе и мещанским промыслом промышлял, и свидетельство о том трех человек безпорочных городских обывателей того же города.

Купчия и закладные.

25. Купчия, закладные и тому подобные доказательства городского имени.

Всякия доказательства, утверждающие доверие, единое же достаточное довольно ко внесению семьи в часть городской обывательской книги.

26. И всякия иныя доказательства, утверждающие состояние и обнадеживающие капитал, из которых единое, достаточно доверие укрепляющее, да будет довольно ко внесению семьи в часть городской обывательской книги, в которую сами пожелают быть внесены. 79. Манифест 1775 года марта 17 дня, статья 46.

В милостивом манифесте 1775 года марта 17 дня, статье 46 написано сими словами:

О отпущенных от помещиков.

«Всем отпущенным от помещиков с отпускными на волю дозволяем, как ныне, так и впредь ни за кого не записываться, а при ревизии должны они объявить, в какой род нашей службы, или в мещанское, или купеческое состояние войти желают по городам; и какое они добровольно для себя изберут, то по тому уже состоянию и должны они быть поверстаны побором или от оных освобождены».

Д. О личных выгодах городских обывателей, среднего рода людей или мещан вообще

80. Что есть средний род людей.

Городовых обывателей, среднего рода людей, или мещан, название есть следствие трудолюбия и добронравия, чем приобрели отличное состояние.

81. О пользе городов и наследствии отличного состояния.

Города от предков наших и нас самих не токмо для живущих в них, но и для общественного блага основаны суть, умножая доходы государственные, устройством подают подданным способы к приобретению имущества посредством торговли, промыслов, рукоделия и ремесла; и для того городских обывателей среднего рода людей, или мещан, отличное состояние да будет наследственно, как следует.

82. В каком случае мещанин сообщает мещанское состояние жене.

Мещанин сообщает мещанское состояние жене своей, буде она породы равной или нижей.

83. Мещанския дети получают состояние наследственно.

Мещанския дети получают мещанское состояние наследственно.

84. Мещанина без суда не лишитъ добраго имени, жизни и имения.

Мещанин без суда да не лишится добраго имени, или жизни, или имения.

85. Мещанин судится мещанским судом.

Мещанин судится мещанским судом.

86. Преступления, кои у мещанина отнимают доброе имя.

Мещанин лишается добраго имени, буде учинит: 1. Нарушит присягу, 2. измену, 3. разбой, 4. воровство всякаго рода, 5. лживые поступки, 6. преступления, за кои по законам следует телесное наказание, 7. буде доказано будет, что других научал или уговаривал подобныя преступления учинить.

87. Запрещение о отнятии или разорении имени мещанина.

Подтверждается и строго запрещается, да не дерзнет никто без суда и приговора в силу законов тех судебных мест, коим суды поручены, самовольно отобрать у мещанина имяние или оное разорять.

88. Право перваго приобретателя.

Мещанин, быв первым приобретателем его состоянию приличнаго имения, им благоприобретенное имяние волен дарить, или завещать, или в приданое отдать, или передать, или продать, кому заблагоразсудит; наследственным же имянием да не разпоряжает инако, как законами предписано.

89. О уничтожении преступлений, кои десять лет оставались без производства.

Всякаго рода преступления (мещанина), коим десять лет прошло, и чрез таковое долгое время они не сделались гласны, и по оным производства не было, все таковыя дела повелеваем отныне предать, есть ли где об оных взыскатели, истцы или доносители явятся, вечному забвению.

90. Мещанин имеет станы и рукоделие.

Мещанин волен заводить станы всякаго рода и на них производить всякаго рода рукоделие, без инаго на то дозволения или приказанія; ибо сею статью всем и каждому дозволяется добровольно заводить (и иметь) всякаго рода станы и рукоделии производить, не требуя на то уже инаго дозволения от вышняго или нижняго места.

91. О безчестии.

Запрещается мещанам учинить безчестіе; кто же учинит мещанину безчестіе словом или письмом, то обидчик повинен платить сколько обиженный как казне и городу платит тот год, какого

бы то звания сбора ни было; за единый же удар рукою без инаго орудия обидчик обиженному повинен платить вдвое.

Женам.

Женам же обидчик повинен платить за безчестие вдвое против мужей.

Жене, платящей подать.

Буде же жена сама платит подать, то обидчик повинен платить безчестие вдвое против ея и мужняго платежа.

Детям.

Детям женскаго пола обидчик повинен платить за безчестие вчетверо против родителей. Малолетным детям обидчик повинен платить за безчестие вполье против отца (мужескаго пола детям до 17 лет), совершеннолетнему же обидчик платит столько, сколько обиженный как казне, так и городу платит в тот год, какого бы то звания сбора ни было.

Е. О гильдиях и о гильдейских выгодах вообще

92. Дозволение записаться в гильдии имеющим капитал от тысячи рублей до пятидесяти тысяч рублей.

Дозволяется всякому, какого бы кто ни был пола, или лет, или рода, или поколения, или семьи, или состояния, или торго, или промысла, или рукоделия, или ремесла, кто за собою объявит капитал выше тысячи рублей до пятидесяти тысяч рублей, записаться в гильдии.

93. О сроке записания и платежа с капитала.

Срок записания в гильдии да будет с первого декабря по первое генваря; сей же срок означивается и для ежегоднаго платежа в гильдии записанных по одному проценту с объявляемаго ими по совести капитала, а подушное с них не брать.

94. Дети не в разделе не платят особенно.

Записаннаго в гильдии дети, пока от родителей не в разделе, свободны суть от особеннаго платежа, ибо капитал почитается семейный, но да объявят, в каком числе семья.

95. Дети после родителей до раздела не платят особенно.

Записавшегося в гильдии дети после родителей платят с родительскаго капитала, пока не в разделе, и свободны суть от особеннаго платежа, ибо капитал почитается семейным, но да объявят, в каком числе.

96. После умерших родственники до раздела не платят особенно.

Буде у кого детей нет, то после умерших родственников платят с капитала умершаго, пока не в разделе, ибо капитал почитается яко компанейской, но да объявят, в каком числе.

97. О утайке капитала доноса не принимать и следствия не чинить.

Объявление капитала оставить на показания по совести каждого; и того для нигде и ни под каким видом об утайке капитала доноса не принимать и следствия не чинить.

98. О изключении из гильдии виновного банкрута.

Буде кто записавшийся по капиталу в гильдии учинится банкрот его виною, то выключить из гильдии.

99. О увольнении записавшихся в гильдии от личного рекрута и работника и о проч.

Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение при рекрутском наборе или наряде работников вместо наличного рекрута или работника платить, по сколько указом предписано (есть или будет), располагая деньги по числу душ, с которых набор или наряд в тот год назначен. Буде же кто записавшийся в гильдии добровольно сам пойдет или сына запишет в военную службу, то оное не запрещается, но обществу градскому зачесть онаго за рекрута при первом наборе.

100. Дозволение гильдейским вступать в казенные подряды и откупы по мере объявленного в гильдии капитала.

Записавшимся в гильдии подтверждается дозволение вступать в казенные подряды и откупы, в которых казенных подрядах и откупах повелевается каждому чинить доверие по мере объявленного им по совести капитала, а не более.

101. Записавшихся в гильдии не избирать: 1. к продаже; 2. к смотрению; 3. в разныя должности; 4. к сборам и сбережениям; 5. к приготовлению дворцового и казенного.

Записавшихся в гильдии не избирать к следующим казенным службам, где оныя еще суть, а имянно: 1. к продаже соли или вина, или инаго чего, казне принадлежащего; 2. к смотрению казне принадлежащего; 3. к разныя должности, известныя под названием ларечных, целовальников, носильщиков, дрягилей, щетчиков и караульщиков казне принадлежащего; 4. к приуготовлению дворцового или казне принадлежащего; а вместо того платить гильдиям вообще, по сколько указом предписано есть или будет.

Ж. О первой гильдии

102. Кого вписать в первую гильдию.

В первую гильдию всякаго пола и лет, кто объявит капитал выше десяти тысяч рублей и до пятидесяти тысяч рублей.

103. В гильдии дается место по мере капитала.

В первой гильдии кто объявит более капитал, тому дается место пред тем, кто менее объявит капитала.

104. О торге первой гильдии.

Первой гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри и вне империи торги, товары выписывать и отпускать за море, оные продавать, выменивать и покупать оптом или подробно, на основании законов.

105. О фабриках, заводах и морских судах.

Первой гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и морския всякия суда.

106. Дозволение ездить в карете парою.

Первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете парою.

107. Первая гильдия свободна от телеснаго наказания.

Первая гильдия освобождается от телеснаго наказания.

З. О второй гильдии

108. Кого вписать во вторую гильдию.

Во вторую гильдию вписать всякаго пола и лет, кто объявит капитал выше пяти тысяч рублей и до десяти тысяч рублей.

109. В гильдии дается место по мере капитала.

Во второй гильдии кто объявит более капитал, тому дается место пред тем, кто менее объявит капитала.

110. О торге второй гильдии.

Второй гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякие внутри империи торги, и товары возить водою и сухим путем по городам и ярмаркам, и по оным продавать, выменивать и покупать потребное для их торгу оптом или подробно, на основании законов.

111. О фабриках, заводах и речных судах.

Второй гильдии не запрещается иметь или заводить фабрики, заводы и речныя всякия суда.

112. Дозволение ездить в коляске парою.

Второй гильдии дозволяется ездить по городу в коляске парою.

113. Вторая гильдия свободна от телеснаго наказания.

Вторая гильдия освобождается от телеснаго наказания.

И. О третьей гильдии

114. Кого вписать в третью гильдию.

В третью гильдию вписать всякаго пола и лет, кто объявит капитал выше тысячи рублей и до пяти тысяч рублей.

115. В гильдии дается место по мере капитала.

В третей гильдии кто объявит более капитал, тому дается место пред тем, кто менее объявил капитал.

116. В мелочном торге третей гильдии.

Третей гильдии не токмо дозволяется, но и поощряется производить мелочный торг по городу и по уезду, продавать мелочный

товар в городе и в округе, и тот мелочный товар возить водою и сухим путем по селам, селениям и сельским торжкам, и на оных торжках продавать, выменивать и покупать потребное для мелочного торгу оптом или подробно в городе и округе.

117. О рукоделии и речных малых судах.

Третьей гильдии не запрещается иметь станы, производить рукоделие и иметь и содержать малые речные суда.

118. О дозволении третьей гильдии иметь трактиры.

Третьей гильдии дозволяется иметь трактиры, герберги, торговые бани и постоялые дворы для проезжих и прохожих людей.

119. Запрещение ездить иначе по городу как на одной лошади.

Третьей гильдии запрещается по городу ездить в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади.

Й. О выгодах цеховых

120. Кому написать в цехи или управы.

В цехи или ремесленные управы написать всякого, кто в городе ремесло или рукоделие производить желает и кого по городовому положению в мещанское общество причесть можно.

121. Дозволение цеховым объявлять за собою капиталы и пользоваться по оным выгодам.

Дозволяется цеховым объявлять за собою капиталы, и каждый по таковому капиталу счислялся в гильдии, платя с онаго, пользуется теми выгодами, кои каждой гильдии присвоены.

122. О работе цеховых.

Цеховым не токмо дозволяется, но и поощряется производить всякия работы по их мастерствам и оными доставлять себе пропитание, поступая в том по ремесленному положению, ниже сего изображенному.

123. Ремесленное положение.

1. Кому устанавливать цехи как управы.

Городовому магистрату или ратуше ремеслы разделить на цехи или ремесленные управы.

2. Управы или цехи подчинены городскому магистрату или ратуше.

Управы или цехи повиноватися имеют городовому магистрату, или ратуше, и должны в городе жить мирно и сохранять между собою тишину и доброе поведение.

3. Управы или цехи одинакого ремесла.

Управы или цехи установить из одинакого ремесла.

4. Не устанавливать управы или цеха одинакого ремесла, где менее пяти мастеров.

Не устанавливать управы или цеха, пока менее пяти мастеров того ремесла в городе.

5. Управе иметь ремесленное положение, место для схода и проч.

Управе дать ремесленное положение, ремесленный значик и управную печать, и дозволяется управе или цеху иметь место для схода ремесленников, где хранить ремесленное положение, ремесленный значик, управную печать, ремесленную казну и щеты прихода и расхода.

6. О маклере.

При всяком собрании управы и схода должен быть присяжный маклер, которому вести письменные дела и вносить все происходящее в собрании в особый протокол, хранимый в управном ящике. За таковые маклера труды должно ему определить некоторое особое награждение по приговору ремесленного схода из ремесленной казны, не отягощая ее излишно.

7. Управы и сход да не переменяют ремесленное положение.

Управе и сходу запрещается самим собою переменить ремесленное положение.

8. Не вступать в управы или цехи, или гильдии иных государств.

Всем ремесленникам под строгим наказанием запрещается вступать в управы, или цехи, или гильдии иных государств, вносить в оныя свои деньги, вписывать в оныя своих учеников, или производить их посредством чужестранных цехов или гильдий в подмастерьи.

9. Одинакаго ремесла мастерам избрать управных старшин и старшинских товарищей погодно.

Одинакаго ремесла мастерам, собравшись вместе погодно, избрать по балам из числа наличных мастеров, в управе записанных, управнаго старшину и двух старшинских товарищей и представить городовому магистрату, или ратуше; и буде за ними нет явнаго порока, то городской магистрат, или ратуша дозволяет им заседание.

10. Управный старшина заседает в городской думе и проч.

Управный старшина заседает в городской думе на управной старшинской лавке, и предлагает о нуждах и недостатках ремесл. В управе же управный старшина со старшинскими товарищами имеет слушать, решить и поступать, как ниже сего предписано.

11. О ремесленном главе.

Все ремесленные управы вообще избирают погодно ремесленного главу по балам и представят городовому магистрату, или ратуше; и буде за ним нет явнаго порока, то городской магистрат или ратуша дозволяет ему заседание.

12. О почтении и послушании к ремесленному главе.

Управному старшине, старшинским товарищам, подмастерскому выборному и поверенным быть почтительными к ремеслен-

ному главе и послушными ему во всем том, что сходственно законам и ремесленному положению, он им наставительное скажет.

13. О голосе ремесленного главы в шестигласной думе.

Ремесленный глава имеет голос управ и заседает в градской шестигласной думе и предлагает о нуждах и недостатках управе.

14. Ссоры или споры одной управы с другою или со старшинами решит ремесленный глава.

В случае ссор или споров между управами различных ремесел или между управным старшиною со товарищи и ремесленными одной управы, приносить дело к ремесленному главе, да приложит старание к примирению или да учинит решение.

15. Из управы не исключать без ремесленного главы.

Не выгонять никого из управы без дозволения ремесленного главы.

16. О присяге.

Ремесленный глава управных старшин и старшинских товарищей приводит к присяге при вступлении в должности.

17. Формуляр присяги.

Формуляр присяги управных старшин и старшинских товарищей:

“Я, нижеименованный, обещаюся всемогущему богу пред святым его евангелием в том, что хочу и должен по чистой моей совести в должности, мне препорученной, колико силы и возможности есть, поступать справедливо и безпристрастно, как во всех делах, так и в тщательном старании о благоуспешном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и о согласии ремесленных, ответствуя за всякия упущения, злоупотребления или неисполнения ремесленного положения. Есть ли же инако поступлю, то подвергаю себя в нынешней жизни законному осуждению, в будущей же пред богом и судом его страшным – ответу и отчету. В заключении же сея моя присяги целую слова и крест спасителя моего, аминь”.

Примечание.

Всяк да присягает по своей вере и закону.

18. О должности управного старшины и старшинских товарищей.

Управный старшина и старшинские товарищи имеют стараться о благоуспешном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и согласии ремесленных; и для того им самим поступать надлежит справедливо и безпристрастно во всех делах, в чем присягою обязаны. Они же ответствовать имеют за всякия, управною учиненныя упущения, злоупотребления или неисполнения ремесленного положения. О вдовах же и малолетных уведомляют городского главу.

19. Ссоры и споры касательно ремесла решить в управе.

Ссоры и споры, не превосходящая двадцать пять рублей, касательно ремесла, или доверия по ремеслу, или поведения ремесленных в разсуждении ремесла, решит в управе управный старшина со старшинскими товарищи, колико можно, словесно: кто же управным решением не доволен, или дело превосходит двадцать пять рублей, тому оставляется право просить в городовой магистрате или ратуше, на что дается двунедельный срок, по прошествии которого не принимать просьбы.

20. По смене управный старшина и старшинские товарищи имеют смотреть за подмастерскою управою.

Сменившиеся управный старшина и старшинские товарищи имеют попеременно смотреть по четыре месяца за под мастерскою управою во охранение доброго порядка.

21. О сходе ремесленников.

Управный старшина и старшинские товарищи каждого ремесла имеют ремесленников каждая управы собрать сходом всякия четыре месяца и когда управное дело того требует, повестку ремесленным чинить чрез младшего мастера; сход старшины со старшинскими товарищи в герберге.

22. О младшем мастере.

Младший мастер должен ходить за управными делами, исправлять, что ему касательно до управы от старшины приказано будет, есть ли никто из его собратии по прозьбе его не согласится оное за него исправить. Буде он без законных причин чего-нибудь не исправит или ослушным окажется, то должен платить пеню. Есть ли медленностию или ослушанием его что ни есть не исправится, то должен платить пеню. Буде же ему приказано известить о чем кого-нибудь из ремесленников, а он сего не учинит, тогда за каждого, которого не известил, платит пеню. Младший мастер не должен отлучаться из города на сутки, не объяви о том прежде управному старшине и старшинским товарищам. Во время же его отлучки и должность его другому препоручить. Во время упражнения его в делах управы во всех случаях, до его касающихся, платит и получает двойную пеню.

23. О управной горнице.

В управной горнице иметь шкаф и стол с ящиком за замком с тремя ключами, в которых хранить ремесленное положение, ремесленный значик, управную печать, ремесленную казну и щеты прихода и разхода. Один ключ у управного старшины, другие ключи у каждого старшинского товарища по одному.

24. О трех управных книгах.

В управе иметь три книги, в первую внести мастеров, в другую внести подмастерьев, в третью внести учеников.

25. О прочтении при сходе ремесленного положения.

Ремесленное сие положение да прочтется при сходе ремесленных всякие четыре месяца для неперемennого наблюдения, дабы незнанием никто отговариваться не мог.

26. Мастеру, подмастерью и ученику поступать по ремесленному положению.

Всякой мастер, подмастерья и ученик при приеме его в управу долженствует дать обещание, что поступать будет по ремесленному положению, и для того прочесть ему статьи, касающиеся до него.

27. О роспуске схода ремесленников.

Когда время сход управный распустить, тогда управный старшина молотком ударит по столу трижды.

28. О повиновении управе и управным старшинам.

Одинакого ремесла мастера, подмастерья и ученики повиноваться имеют своей управе и управному старшине и старшинским товарищам.

29. О управном весе или мере, пробе или штемпеле и проч.

Данные управные от городского магистрата, или ратуши, весы или меры, или пробы, или штемпель, или предписании касательно управы и ремесла, хранить в управе вместе с ремесленным положением.

30. О наблюдении веса, меры, пробы и проч.

Ремесленным производить работу ремесла сходственно управному весу или мере, или пробе, или предписанию касательно ремесла: в чем управному старшине и старшинским товарищам иметь надзирание.

31. О добром и исправном отправлении ремесла.

Всякой ремесленный долг имеет производить по ремеслу работу добрую и отправлять ремесло, сколько умеет, исправнее и без недостатков.

32. Запрещение устанавливать цену работ.

Запрещается сходу и управе устанавливать цену работ.

33. Кому смотреть за доброю работы.

Мастер долг имеет смотреть за доброю работы своего подмастерья или ученика; и для того управный старшина и старшинские товарищи в случае жалобы долг имеют обозреть работы ремесленников: выполняют ли ремесленное положение и чинить взыскание о доброте работ и наблюдение ремесленного положения.

34. О управной оценке.

Буде в управу жалобу кто приносить будет о неумеренной цене работы ремесленного, то управе свидетельствовать и оценить по истине.

35. О назначении срока, как которой работе поспеть можно.

Управа имеет назначить срок, в который какой работе поспеть можно, буде все то, что к той работе надобно, на лицо есть, дабы в

случае жалобы о медленности правильное взыскание чинить можно было.

36. О представлении касательно ремесла.

Не запрещается управе, городовому магистрату, или ратуше, представить касательно ремесла и лучшего исправления онаго; городской же магистрат или ратуша, рассмотря, буде сами собою решить не могут, имеют представить, где надлежит.

37. Не перевершивать решение.

Управе своих решений не перевершивать.

38. За несправедливую жалобу на управу пени двадцать пять рублей.

Буде кто на управу учинит жалобу, и жалоба явится несправедлива, то имеет платить пени в ремесленную казну двадцать пять рублей.

39. О ремесленной казне.

Ремесленная казна да будет под смотрением управнаго старшины и старшинских товарищей, и стараться им о ея приращении, но да не дерзает из оной издержать ни малейшей частицы без согласия и приговора схода ремесленников, повсягодно же да отдадут отчет; и для того управному старшине и старшинским товарищам иметь две книги, в которыя исправно и точно вписать: в одну – приход и пенные деньги, а в другую – расход по приговору схода ремесленников. По прошествии же года нововыбранный управный старшина и старшинские товарищи имеют шесть прошлых годов, снимая с рук ремесленную казну и щеты прихода и расхода.

40. О денежной даче управным старшинам и проч.

Управному старшине и старшинским товарищам из ремесленной казны, а подмастерскому выборному и поверенным из подмастерскаго ларца ежегодно выдать сходом определенное.

41. О двух ящиках ремесленной казны.

Для ремесленной казны иметь два ящика: на верьху с узким отверстием и с надписью на одном ящике «пени», на другом – «приход»; что вложено будет денег в который ящик, то записать верно и точно в приходной книге, означивая год, месяц и число, равномерно в расходной книге записать расходы.

42. О взыскании и щетах и наказании за неисправности.

Управному старшине и старшинским товарищам пени взыскивать без упущения и, взыскав, записывать с точностию. Буде же управный старшина и старшинские товарищи пени не взыщут без упущения или, взыскав, не запишут с точностию, или в щетах их или в деньгах, кои у них на руках, явится недостаток, то, с них взыскав вдвое без упущения, выгнать их из управы.

43. О управном платеже в церковную казну.

Всякая управа долженствует внести в городовую церковную казну из ремесленной казны ежегодно пять рублей на содержание церквей и церковников. Буде же которая управа и более того добровольно внесет в городовую церковную казну или в приказах общественного призрения, то почитать оное за добровольную дань.

44. Пенные деньги по управе принадлежат ремесленной казне.

Все пенные деньги, которые по делам управы на ремесленных наложены будут, должны остаться в ремесленной казне.

45. О больных ремесленниках.

Буде кто ремесленной занеможет так, что ремесла отправлять не в силах, или больной мастер не имеет подмастерья или учеников, кои дело его отправлять могут, да даст о том знать управному старшине или старшинским товарищам, кои обязаны ему учинить помощь по надобности в лечении или работе, как-то например: призывают лекаря или дав помочь денежную на лекарства, буден так беден, что в том необходимость есть; в работе, придав в случае нужды подмастерья или ученика или помогая деньгами на время из ремесленной казны до излечения, сколько сход ремесленной приговорит. Равномерно поступать и с больными подмастерьями или учениками.

46. О подмастерском выборном и поверенных.

Каждого ремесла подмастерьям, собравшись вместе погодно, избрать по балам, из числа наличных подмастерьев, в управе записанных, подмастерского выборного и двух поверенных и представить управе; и буде за ними нет явного порока, то управа позволяет им доступ, и выслушивает их во всех делах и случаях касательно подмастерья, или ученика по ремеслу. Они же, выборной и поверенные подмастерские, под смотрением и надзиранием прошлогодних управных старшин или старшинских товарищей, во охранении доброго порядка, имеют управу по ремеслу до подмастерьев или учеников.

47. О подмастерской управе.

Жалобу по ремеслу на подмастерья или ученика приносить в подмастерской управе, и ее собирать всякия четыре месяца и когда дело требует.

48. О подмастерском ларце.

Подмастерский ларец да будет в подмастерской управе под смотрением четырехмесячным прошлогодняго управного старшины или старшинского товарища и подмастерского выборного и поверенных, и им вести записку и дать отчет, как предписано о ремесленной казне.

49. Мастер имеет хозяйское право над подмастерьем и учениками.

Каждый мастер имеет в доме своею право хозяина над подмастерьями своими, так как над учениками и всеми прочими своими домашними; однако с тем, чтобы права города и управы им не нарушаемы были.

50. Как мастеру, подмастерью и ученикам обходиться меж собою.

1. Мастеру обходиться с подмастерьем и учениками справедливо и кротко. 2. Подмастерью и ученикам быть верными, послушными и почтительными к мастеру и его семье. 3. Мастеру, подмастерью и ученикам стараться добрыми поступками и поведением сохранить домашнюю тишину и согласие для отвращения случая к обоюдным неудовольствиям и жалобам.

51. Как мастеру с подмастерьями обходиться.

Мастеру с подмастерьями обходиться кротко, не по ремеслу работу с них не требовать, платить им точно и содержать исправно.

52. Как мастеру с учениками обходиться.

Мастеру ученика: 1. учить порядочно, 2. обходиться с ним чело­веколюбиво и сродственно здравому разсудку, 3. без причины не наказывать, 4. Излишней и необыкновенной не по ремеслу работы на него не налагать самому, и семье своей не дозволять налагать.

53. Как подмастерью с учеником обходиться.

Подмастерья наставит ученика кротко, и обходятся меж собою мирно и тихо.

54. Нетрезвому не бить.

Всем мастерам, а паче подмастерьям, запрещается учеников в пьянстве по злости и глупости без причины бить или худо с ними поступать. Отваживавшиеся на сие должны заплатить пеню в ремесленную казну.

55. Как ученику обходиться.

Ученик да будет послушен и прилежен.

56. Где кому жаловаться.

Буде подмастерья обидит ученика, то ученик имеет жаловаться мастеру; буде мастер сурово обходится с подмастерьем или учеником, то жаловаться управному старшине или старшинским товарищам, и сим стараться установить мир и тишину.

57. Запрещение в городе, где управа учреждена, производить ремесло без управного дозволения.

Запрещается в городе, где котораго ремесла управа учреждена, того ремесла работу производить тому, кто не записан в управе того ремесла или управного дозволения не имеет.

58. Мастер, в управе записанной, имеет подмастерья и учеников.

Мастер, в управе записанной, волен иметь подмастерьев и учеников, оных принимать, выписывать и содержать по договору.

59. Не учась ремеслу, не иметь управной выгоды.

Запрещается в городе, где которого ремесла управа учреждена, не учась у записного мастера и не имея управного свидетельства, называться того ремесла мастером или иметь подмастерьев, или учеников, или вывеску того ремесла.

60. Незаписанным в управе как производить работу.

Буде кто в городе, где которого ремесла управа учреждена, захочет производить то ремесло, то имеет о том объявить управе и представить свою работу управному старшине и старшинским товарищам; и им призвать записанных мастеров для свидетельства работы, и дать урок, и по тому, какова работа признана будет, таки дать управное дозволение производить работу. Управа же дневного пропитания работать никому запретить не может.

61. О казенных ремесленниках.

Казенным ремесленникам отправлять казенные работы. Буде же захотят по городу, где есть управа, посторонние работы производить, да объявят управе, как в 60 пункте написано.

62. О господских ремесленниках.

Господским ремесленникам работать на господина; буде же возмут по городу, где есть управа, посторонние работы, да объявят управе, как в 60 пункте написано.

63. Ремесленный наниматься волен в службу.

Буде какой ремесленный пожелает вступить в службу к какому ни есть господину, а при том не перестанет платить городских сборов и в управу, что надлежит, то не исключается из управы.

64. О иногородных или иностранных.

Буде кто ремесленный иногородный, или чужестранный пожелает в городе записаться в управу, то он должен представить или письменное свидетельство от управы инаго города, или же работу своего ремесла для свидетельства, как в том 60 пункт гласит.

65. О переселении ремесленников.

Буде кто ремесленный записной в управе, пожелает переселиться в иной город и о том управе объявит, то управа в том препятствия чинить не должна; буде же возвратиться, то паки принять в управу, лишь бы платил управное, и да исправит должность младшаго мастера, буде прежде не исправлял.

66. О обедневших.

Буде ремесленный, во время благоденствия своего исправлявший все должности по управе, обеднеет или больным сделается, а бедности его ни пьянство, ни мотовство, ниже другие собственные его вины причиною, в таком случае должно вспомошествовать ему с дозволения схода ремесленников из ремесленной казны сколько по разсуждению схода ему надобно, и ремесленная казна снести может. Буде неимущий ремесленный или жена его умрет, то погребсти их без лишней траты из ремесленной казны. Буде же, выздоро-

вев, придет в лучшее состояние, тогда заплатит все что ему от схода дано было, однако без всякаго росту.

67. О вдове.

Вдове записаннаго в управе мастера дозволяется продолжать мужнино ремесло и иметь подмастерьев и учеников, но в случае нужды управный старшина и старшинские товарищи имеют ей, вдове, или малолетным детям, определить попечителя или дать подмастерья вернаго, которому производить платеж от вдовьих или сиротских дел. По прошествии года вдова да объявит, желает ли она продолжать ремесло, что ей на волю отдается. Малолетних же детей ремесленника обучить ремеслу.

68. Как подмастерья производить мастером.

Буде подмастерья, продолжая работу по ремеслу у мастера не менее трех лет и обучаясь прилежно, пожелает быть мастером, и мастер им доволен, да даст ему свидетельство, что ремеслу научен, поведения доброго и достоин быть мастером, и да представит его управному старшине и старшинским товарищам; подмастерья же да представит свою работу как лучше умеет. Управному старшине и старшинским товарищам призвать трех младших мастеров для свидетельства той подмастерской работы, и по тому, какова признана будет та работа, так и дать подмастерью управный урок по ремеслу, и время назначить как уроку поспеть; и как тот урок поспеет, то прибавя еще несколько мастеров, освидетельствовать урок; и буде урок мастера одобрят, и подмастерью миновало от роду двадцать четыре года, то представить его управе при сходе ремесленников, и по одобрении, дать подмастерью управное свидетельство, с которым представить городовому магистрату или ратуше, дабы дозволено было ему в городе производить работу по ремеслу. Буде же урока не одобрят, то подмастерью быть еще полгода у мастера. Буде же подмастерью не миновало от роду двадцать четыре года, да дадут ему до двадцати четырех лет дозволение проходить другие города прежде, нежели дозвоят ему быть мастером.

69. О подмастерьях, кои три года жили у мастера.

Подмастерья, продолжая работу по ремеслу у мастера три года, обучаясь прилежно и поведения доброго, буде мастер ему не даст свидетельства и не представит управе, то подмастерья право имеет чрез подмастерскаго выборнаго и поверенных просить в управе, и управе разбирать между мастером и подмастерьем и решить справедливо. 70. О внесении денег в ремесленную казну при приеме мастера.

При приеме мастера в управу отдается на волю ремесленным, имеет ли тот мастер внести и сколько денег в ремесленную казну, что при каждом городовом сходе ремесленных единожды определить имеют, но не выше десяти рублей.

71. О приеме ученика.

Буде мастер примет ученика, то имеет его представить управному старшине и старшинским товарищам, где его спросят, как его зовут, имя и прозвание, он уроженец, каких он лет, и записать его в ученичей книге. Управный же старшина да прикажет ученику быть верным, послушным, почтительным к мастеру и учиться ремеслу прилежно. При записке ученика в ученичью книгу управы отдается на волю управы, имеет ли тот ученик внести несколько денег в ремесленную казну, что при каждом годовом сходе ремесленных единожды определить имеют, но не выше пяти рублей.

72. О договоре мастера с учеником.

Мастер да не примет ученика без двух свидетелей, один со стороны мастера, другой со стороны ученика, при которых да договорятся о времени, о содержании и о обучении ученика, которой договор содержать с обеих сторон ненарушимо.

73. Ученику учиться не менее трех лет и не более пяти.

Ремесленничий ученик обучается ремеслу не более пяти и не менее трех лет; буде однако уже знал что ни есть касающееся до сего ремесла, в таком случае положенный для выучки срок по разсуждению старшины и старшинских товарищей уменьшить можно.

74. Буде мастер умрет прежде нежели положенный для ученика срок кончится.

Буде мастер умрет прежде, нежели положенный для выучки ученика его срок кончится, тогда ученик остается у вдовы того мастера, пока срок выучки его минует, однако с тем, чтобы у сей вдовы был добрый и искусный подмастерья, которой мастерскою правит и ученика порядочно обучать умел бы; буде же у вдовы такого подмастерья нет, тогда ученик может итти к другому мастеру, но с согласия вдовы и дозволения старшины и старшинских товарищей.

75. Ремесленный не отгонит ученика без управных старшин.

Ремесленный не должен отогнать от себя ученика своего прежде, нежели определенное на выучку его время кончится, под опасением пени и ученика своего до выучки опять к себе взять должен. Буде же кто ремесленный законныя причины имеет согнать ученика, о том должен объявить управному старшине и старшинским товарищам.

76. О платеже подмастерьям и ученикам.

Мастер с подмастерьями и учениками договориться о платеже не выше и не ниже, как в котором году сход ремесленных единожды о том приговор учинит, выслушивая наперед подмастерского выборного и поверенных и договорясь с ними.

77. Мастеру платить подмастерью, а подмастерью работать у мастера.

Ремесленные мастера должны платить подмастерьям своим в определенное время настоящую и договорную плату, под опасением пени, есть ли на них жалоба будет, в ремесленную казну. Напротив того, никакой подмастерья не должен оставить работу мастера своего без законных причин, есть ли в том на него жалоба будет, то он должен платить равномерно пеню.

78. Мастер, отпуская подмастерья или ученика, да даст ему свидетельство.

Мастер, отпуская подмастерья или ученика, да даст ему письменное свидетельство, какое заслужил по верности, послушанию, почтительности, прилежанию, искусству и поведению.

79. О свидетельстве ученика.

Когда ученик три года прожил у мастера, тогда мастер ему даст свидетельство, с которым может остаться у мастера или отойти от него.

80. Мастеру не принимать без письменного вида подмастерья или ученика другого мастера.

Запрещается мастеру принимать подмастерья или ученика другого мастера без письменного свидетельства или отпуска того мастера, у которого был.

81. О приеме подмастерья.

Когда ученик произведен подмастерьем и получил подмастерское свидетельство, тогда подмастерья с мастером, у кого работать желает, имеет договориться о времени, сколько остаться имеет у мастера и о платеже. Во время сего положенного между ими срока, подмастерья не может от мастера отойти, а мастер не может его отогнать под опасением пени. Буде же подмастерья договорное время у мастера выслужил, он волен договориться в том городе или в другом с тем мастером, у кого работать желает, и равномерно мастер волен принять подмастерья.

82. О пени за непринятие выбора.

Буде кто сходом ремесленных избран ремесленным главою, или управным старшиною, или старшинским товарищем, не примет выбора, от оного отговориться тому платить пеню.

83. Как поступать при сходе ремесленных.

При сходе ремесленных всем и каждому предписывается обходиться тихо и мирно, выслушивая управного старшины и старшинских товарищей предложение; буде же кто в противность сего поступит, да изключится на год из схода ремесленников.

84. При сходе ремесленных о наблюдении благополучия словами или поступками.

При сходе ремесленных каждому ремесленнику наблюдать благочиние как словами, так и поступками, и один другому да не

подаст причины к разпре или ссоре; в противном случае да накажется начинщик безчиния вдвое пенею.

85. За драку при сходе винные сверх наказания платят пенею.

При сходе ремесленников в случае драки, да отошлются виновные к законному взысканию, управе же виноватые имеют платить пенею.

86. О безчинии при сходе ремесленных.

За безчиние при сходе ремесленных, как то, например: нарочно обольет кого, или оплюет, или толкнет, или явится пьян, или непорядочно одет, как водится, или тому подобное, платить пенею.

87. Никого не поить при сходе ремесленных.

При сходе ремесленных запрещается кого поить или подносить питье, наипаче управному старшине или старшинским товарищам, под упасением пени.

88. О двойной пени управнаго старшины и старшинских товарищей.

Управной старшина и старшинские товарищи во всех случаях, до них касающихся, платят и получают двойную пенею.

89. Пени при сходе и роспуске ремесленных.

Буде управный старшина ударил по столу трижды, распуская сход ремесленных, и кто не послушает, нейдет вон из горницы, или кто из схода уйдет прежде третьего удара молотком, или при сходе последней войдет в горницу, или войдет с оружием, или кто после роспуска схода жалобу приносить будет, тому платить пенею.

90. О жалобах.

Буде кто управному старшине или старшинским товарищам жалобу, тогда, разбирая дело, им, управному старшине и старшинским товарищам, рассуждать: есть ли дело такого существа, что надлежит для онаго собрать ремесленный сход, или оное оставить можно до первого четырехмесячнаго собрания схода. Когда дело такое, что для онаго собрание схода требуется, тогда тот, по требованию котораго сход собирается, платит пенею. Сход, будучи в собрании, выслушав настоящее дело, судит и решит оное так, как в сих пунктах предписано; буде же дело до будущаго четырехмесячнаго собрания схода отложено быть может, тогда истец платит только вполы.

91. О переписках управ между собою.

Никакой ремесленный не должен или утаить, или распечатать письмо, писанное к целой управе или цеху, но отдать оное управному старшине и старшинским товарищам, под опасением пени в ремесленную казну. Никто же не должен писать о делах, касающихся до его управы, к другой какой ни есть управе вне, ни же внутри государства, без ведома управнаго старшины и старшин-

ских товарищей, ниже утаить, что к нему о деле, касающемся до его управы, писано было, под опасением той же пени.

92. О необъявлении кому не надлежит.

Буде кто о деле, о котором в управе при запертых дверях рассуждаемо было, объявит, кому не надлежит о том ведать, и буде в том совершенно изоблечен, то платит пеню в ремесленную казну.

93. Не перебивать речи одному у другого.

Буде мастер или подмастерья пред управою или сходом начнут друг на друга приносить жалобу, и другой мастер или подмастерья без спросу в их речи вмешается или осмелится перебивать речи жалобщиков, да наложат на него пеню.

94. В управе кто шумит.

Буде кто в управе или сходе пред открытым цеховым ящиком шумит, в неистовстве ударит по столу или кому-нибудь грозит, тот, кто бы он ни был, должен платить пеню.

95. Кто на улице станет кричать о неудовольствии.

Буде случившийся в управном собрании дела распоряжены, и ремесленных сход распущен, а кто-нибудь ремесленный станет на улице кричать, говоря, что он или иной не правильно осужден, или станет о том выговаривать кому-нибудь из своих собратий, присутствовавшему в том же собрании, тот должен заплатить пеню в ремесленную казну, ибо, есть ли он в собрании обижен, ему должно было объявить о том управному старшине и старшинским товарищам, но на улице бранить и управу поносить отнюдь не надлежит; буде же кто из ремесленных, слыша о том, не объявит, он должен платить половину пени.

96. Принимать в управу безпорочных.

В управу записывать ремесленников, буде за кем нет явного порока.

97. За уголовное преступление против управной тишины выключить из управы.

Буде ремесленный учинил преступление против управной тишины, то, выключая из управы, отослать его к суду.

98. За тяжкия вины изключить из управы.

Буде кто ремесленный за тяжкия преступления приговорен к телесному наказанию, тот в то же время и управных выгод лишается, разве прощен будет; но раде таких вин, за которые налагаются пени, заплатив пеню и удовольствовав тех, коих должно, может опять терпим быть в собраниях схода и из управы изключен быть не должен.

99. За мошенничество выгнать из управы.

Буде кто ремесленный, записанной в управе, взяв у кого работу, оную обменяет, или отдаст поддельное, или обвесит, или обмерит, или укроет, или что подобное обманом или вымыслом себе

присвоит ему не принадлежащее без воли или согласия того, чье оно, и на ремесленную жалобу в управе кто приносить будет, то свидетельствовать двум управным мастерам, ущерб или убыток взыскать вдвое; и буде дело ниже двадцати пяти рублей, то выгнать того ремесленного, яко мошенника, из управы и записным ремесленникам запретить с ним иметь разговор или знакомство, под опасением пени за всякий раз что разговор вел с ним, полтины в ремесленную казну; и о таковом мошеннике из учиненного решения прибить лист к управной горнице, и о том рапортовать городовому магистрату или ратуше.

100. Не продавать старое за новое или одно за другое.

Ремесленным запрещается продавать старое за новое, или одно за другое, под опасением пени в ремесленную казну, со взысканием ущерба или убытка, кому причинено.

101. Ущерб или убыток возратить сполна.

Буде ремесленный, взяв у кого работу, учинит тому ущерб или убыток, как-то, например: изломит, или зальет, или издерет, или изрежет, или инако испортит, или продержит, и на ремесленного жалобу в управу кто приносить будет, то свидетельствовать двум управным мастерам, ущерб или убыток взыскав сполна, сверх того взыскать пеню в ремесленную казну, что управа приговорит.

102. О пени за неспешание работы в срок.

Буде ремесленный, взяв работу, и она в срок не поспела, и о том управе кто приносить будет жалобу, то, освидетельствовав, наложить пеню на виноватого.

103. Какие дни работные и какие дни не работные суть.

Ремесленный рабочий день суть шесть дней в неделе, в день же воскресный и двенадцать праздничные, да не работают без необходимой нужды.

104. О прогулек рабочих дней.

Буде кто ремесленный, взяв работу, рабочий день прогуляет без необходимой нужды, и о том в управе кто приносить будет жалобу, то, освидетельствовав, взыскать с гуляки пеню, что сход управный приговорит.

105. Какие часы в сутках работные суть.

Ремесленных рабочие часы в сутках суть от шести часов утра до шести часов вечера, исключая полчаса на завтрак и полтора часа на обед и отдых.

Л. О выгодах имянитых граждан

132. Имянитые граждане.

Имянитые граждане суть те, кои: 1. проходят по порядку службу городскую и получив уже название степенных, вторично по выборе отправили службу мещанского заседателя совестного суда

или губернского магистрата, или бургомистра, или городского главы с похвалою; 2. ученые, кои академические или университетские аттестаты или письменные свидетельства о своем звании или искусстве предъявить могут, и таковыми по испытаниям российских главных училищ признаны; 3. художники трех художеств, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, кои суть члены академические или удостоены академические о своем знании или искусстве имеют и таковые по испытаниям российских главных училищ признаны; 4. всякого звания и состояния капиталисты, кои капитала от пятидесяти тысяч рублей и более за собою объявят; 5. банкиры, кои деньги переводят, и для сего звания капитала от ста до двух сот тысяч рублей за собою объявят; 6. те, кои оптом торгуют и лавок не имеют; 7. кораблехозяева, кои собственные корабли за море отправляют.

133. Дозволение ездить в карете парю и четвернею.

Имянитым гражданам дозволяется ездить по городу в карете парю и четвернею.

134. Дозволение иметь загородные дворы и сады.

Имянитым гражданам дозволяется иметь загородные дворы и сады.

135. Имянитые граждане свободны от телесного наказания.

Имянитые граждане свободны суть от телесного наказания.

136. О фабриках, заводах и водяных судах.

Имянитым гражданам не запрещается иметь, заводить и содержать фабрики, заводы и всякия морския и речныя суда.

137. Буде имянитость отец, сын и внук сохранил, то право имеет просить дворянство.

Имянитых граждан внучатам, буде дед, отец и они имянитость безпорочно сохранили, дозволяется старшему после тридцати лет от рождения его бывы самому жизни безпорочной, просить дворянства.

М. О посадских и их выгодах вообще

138. Не запрещается записаться в посад.

Не запрещается никому записаться в посад города.

139. О крестьянх, кои запишутся в посад.

Буде крестьянин ведомства директора домоводства запишется в город в посад, да платит по крестьянству, где надлежит, крестьянскую до новой переписи по государству, по посаду же – посадскую подать.

140. Посадские имеют станы и рукоделия.

Записанный в посад волен заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделия, без онаго на то дозволения или приказания; ибо сею статьею всем и каждому дозволяется

добровольно заводить (и иметь) всякого рода станы и рукоделии производить, не требуя на то уже инаго дозволения от вышняго или нижняго места.

141. О лавке с собственным рукоделием.

Посадским дозволяется иметь в доме, где сам живет, лавку с собственным рукоделием или с мелочию.

142. О промысле и прокормлении.

Посадским не запрещается содержать и иметь трактиры, герберги, торговые бани, харчевни и постоянные дворы для проезжих и прохожих людей.

143. Дозволение посадским вступать в казенные подряды и откупы по мере капитала, с которого в посаде обложен податью.

Посадским не запрещается вступать в казенные подряды и откупы, в которых казенных подрядях и откупках непременно повелевается каждому чинить доверие по мере капитала, с которого в посаде обложен податью.

144. Мелочный торг посадским не запрещается.

Посадским не запрещается продавать плоды, овощи и иныя всякия мелочи.

145. Запрещение ездить по городу в карете и на двух лошадях.

Посадским запрещается ездить в карете и на двух лошадях.

Н. О городских доходах

146. Определение дохода городам из таможенных сборов.

В котором городе есть портовая или пограничная таможня, там по указу от

22 сентября 1782 года определяются городу в доход собираемые с привозных товаров с каждого пошлинного рубля по две копейки, а с отвозных – по копейке.

147. Определение городам дохода из питейного сбора.

В городах, где питейная продажа присвоена в казну императорского величества на основании устава о вине, с прибыльной суммы питейного дохода отпределяется городу один процент.

148. Выморочные имения мещанския в городе оставляются ему в доход.

Выморочные имения мещанина того города уступаются в доход городу.

149. О доходах с мельниц, рыбных ловель и перевозов, в дачах городских осотоящих. Буде в дачах городских находятся места удобныя для заведения мельниц, или рыбныя ловли, или перевозы, то с оных доход принадлежит городу.

150. О штрафных деньгах с мещан.

Штрафные деньги в том городе, с купцов и мещан онаго взыскиваемые, причисляются к городскому доходу, и имянно на предметы, назначенные попечению приказа общественного призрения.

151. Об употреблении городских доходов.

Городовые доходы не инако употребляются, как на законные городовые разходы.

152. Городовые разходы в чем состоять должны.

Законные городовые разходы суть: 1. содержание магистратов и прочих людей, коим по городской службе жалованье определено; 2. содержание городских школ и других заведений, приказу общественного призрения предписанных; 3. строение городское и починки онаго.

153. Дозволение городам заводить банка или в заведенные отдавать свои капиталы.

Из остающихся от городского расхода денег дозволяется городам завести банки на общих государственных установлениях или же в заведенные публичные банки деньги свои отдавать для приращения.

154. Не делать издержек сверх положенных без предоставления губернатору.

Сверх положенных точно расходов, городовые общества не могут сами собою издерживать денег городских и делать новых издержек; но буде что усмотрят к пользе общей, к выгоде и к украшению города нужное, да представят губернатору и ожидают позволения.

155. О даче отчета городских доходов и расходах.

В городских доходах и расходах городовые общества как губернатору подают ведомости, так и в казенную палату счета свои посылают.

О. О городской общей думе и о городской шестигласной думе

156. Дозволение городу иметь общую городскую думу.

Городовым обывателям дозволяется составить общую городскую думу.

157. Кто составляет общую городскую думу.

Городскую общую думу составляют городской глава и гласные от настоящих городских обывателей, от гильдии, от цехов, от иногородных и иностранных гостей, от имянитых граждан и от посадских. Каждое из сих разделений имеет один голос в обществе градском.

158. О составлении голоса от настоящих городских обывателей.

Чтоб составить голос настоящих городских обывателей, собираются всякие три года в каждой части города настоящие городовые обыватели и выбирают по балам одного гласнаго. Каждый

гласный настоящих городских обывателей явиться должен у городского главы.

159. О составлении голоса от гильдии.

Чтоб составить голос гильдейский, собирается всякие три года каждая гильдия и выбирает по балам одного гласного каждой гильдии. Каждый гласный явиться должен у городского главы.

160. О составлении голоса от цехов.

Чтоб составить голос цеховых, собирается всякие три года каждый цех и выбирает по балам одного гласного каждого цеха. Каждый гласный должен явиться у городского главы.

161. О составлении голоса от иногородных и иностранных гостей.

Чтобы составить голос иногородных и иностранных гостей, собираются они всякие три года каждый народ особо и выбирают по балам одного гласного каждого народа. Каждый гласный должен явиться у городского главы.

162. О составлении голоса от имянитых граждан.

Чтоб составить голос имянитых граждан, собираются всякие три года имянитые граждане по семи названиям, как в толковании на 67 статью написано, и которые названия более пяти человек имеют, каждое особо выбирает по балам одного гласного. Каждый гласный явиться должен у городского главы.

163. О составлении голоса от посадских.

Чтоб составить голос посадских, собираются всякие три года посадские каждой части города и выбирают по балам одного гласного посадских. Каждый гласный явиться должен у городского главы.

164. О выборе шестигласной городской думы.

Общая городская дума избирает шестигласную городскую думу из своих гласных.

165. Кто составляют шестигласную городскую думу.

Шестигласная городская дума составится из голоса настоящих городских обывателей, из голоса гильдейских, из голоса цеховых, из голоса иногородных и иностранных гостей, из голоса имянитых граждан и из голоса посадских в заседании городского главы; в случае же убыли во время срока общая городская дума наполняет место из того же голоса.

166. Кому и как заседание иметь в городской думе.

В городской думе сидит городской глава на стуле посредине; против городского главы сидят: на лавке направо – голос цеховых, налево – голос посадских; возле городского главы в правом завороте на лавке – голос настоящих городских обывателей и голос иногородных и иностранных гостей; возле городского главы в левом завороте на лавке же – голос имянитых граждан и голос гильдейский.

167. Должность городской думы.

Городской думе принадлежат попечения: 1. доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению или содержанию; 2. сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами или селениями; 3. сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие; 4. возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя однако ж относящееся к части полицейской исполнять местам и людям, для того установленным; 5. посредством наблюдения доброй веры и всякими позволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что ко благу и выгодам жителей служить может; 6. наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народа на торгу, пристаней, анбаров, магазинов и тому подобного, что может быть для города потребно, выгодно и полезно; 7. стараться о приращении городских доходов на пользу города и для разпространения заведений по приказу общественного призрения; 8. разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдии в силу сделанных о том положений.

168. Запрещения городской думе мешаться в дела судныя.

Городской думе запрещается мешаться в дела судныя между жителями того города, ибо оныя по учреждениям принадлежат магистратам или ратушам.

169. О хранении городского и ремесленного положения.

Городская дума должна хранить как городовое, так и ремесленное положение, и наблюдать, чтоб оныя точно и без нарушения всеми и каждым исполняемы были.

170. Запрещение делать представления или положения, противныя городскому или ремесленному положениям или иным узаконениям.

Городской думе запрещается делать представления или положения, противныя городскому или ремесленному положениям и другим государственным узаконениям, под взысканием, выше в статье 37 определенным.

171. О месте для собрания городской думы и печати.

Городской думе собираться в доме общества градского и иметь свою печать.

172. Время заседания общей городской думы.

Общая городская дума, быв составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всякой срок заседания, или же когда нужда и польза городская потребует, и в другое время.

173. О шестигласной городской думе.

Для всегдашняго отправления дел, выше в статье 167-й изъясненных, полагается, как выше сказано, городская шестигласная дума.

174. Время заседания шестигласной городской думы.

Городская шестигласная дума собирается всякою неделю однажды, разве, когда нужда или польза за городская востребует, и кроме того.

175. Шестигласная городская дума собирается в том же месте, где и общая дума, и в случае сомнения предлагает дело в общей городской думе.

Городская шестигласная дума собирается в том же месте, где и общей городской думе назначено, имеет ту же печать и те же должности исполняет; в случае же сомнения по важности или трудности дела предлагает оное в общей городской думе.

176. Кто не доволен городскою общею или шестигласною думою, тот должен приносить жалобу в губернский магистрат.

Буде кто не доволен общею городскою думою или шестигласною городскою думою, тот может принести свою жалобу в губернский магистрат.

177. Об управлении городовых доходов и расходов и об отчете в оных.

В управлении городовых доходов и расходов городская дума поступает по статьям 151, 152, 153 и 154 и посылает ведомости и отчет губернатору и в казенную палату на основании статьи 155 городского положения.

178. О взаимном пособии по делам службы императорского величества и пользы общей.

Городовые магистраты и протчия места того города законные требования городской думы исполняют и, где польза службы императорского величества, соблюдение порядка и тишины того требуют, подают друг другу руку помощи.

Во утверждение всего вышеписанного мы сию нашу жалованную грамоту на права и выгоды верноподданным нам городам собственною нашею рукою подписали и государственною нашею печатью укрепить повелели. В престольном нашем граде святого Петра апреля 21 дня, в лето от рождества Христова 1785, царствования же нашего в двадесять третье.

Подлинная, подписана собственною
ея императорского величества
рукою тако: ЕКАТЕРИНА

Печатана в Санктпетербурге 1785 года апреля 24 дня.

Учебное издание

Шахеров Вадим Петрович

ГОРОДА СИБИРИ

в дореформенный период

ISBN 978-5-9624-0818-7

Редактор *В. В. Попова*
Дизайн обложки: *П. О. Ершов*

Темплан 2013. Поз. 82

Подписано в печать 27.10.2013. Формат 60х90 1/16.
Уч.-изд. л. 9,6. Усл. печ. л. 11,6. Тираж 100 экз. Заказ 70

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36
тел. (3952) 24–14–36, e-mail: izdat@lawinstitut.ru